

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2020. №4 (29)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2020 №4 (29)

июль-август

Основан в 2015 году

Казань

2020

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 №4 (29) июль-август

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru

Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,

Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-04, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,

П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксенова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, КНИТУ
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., АН РТ
Киселев С. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН
Мингалева Г. Ф. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р. С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Сергеев С. А. – д-р полит. наук, проф., К(П)ФУ
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ

Ответственный секретарь: Л.З.Фатхуллина

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axayanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S.A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L.A. – Dr. Sci. (Econ.), KNRTU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch.I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., TAS
Kiselev S.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS
Mingaleev G. F. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R.S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Sergeev S. A. – Dr. Sci. (Polit.), Prof., KFU
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU

Executive Secretary: L. Z. Fatkhullina

ISSN 2499-992X © Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Жаркова В. Л., Танкиева Т. А., Ким Е. Р.</i> Проблемы и перспективы использования техногенного ландшафта в туристических и рекреационных целях	5
<i>Кадомцева М. Е.</i> Оценка действующих механизмов субсидируемого агрострахования в странах евразийского экономического союза	14
<i>Мишурова А. И., Солдаткина О. В.</i> Критерии обоснования оптимальной дислокации логистического центра на примере оренбургской области	25
<i>Подтихова Н. Н.</i> Диагностика устойчивого развития предприятия угольной промышленности	37
<i>Рубан Д. А.</i> Роль университетов различных базовых категорий в региональной инновационной системе: концептуальный анализ	43

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Винокурова Д. М.</i> Территориальная мобильность и модели совместного домохозяйствования в городских условиях	50
<i>Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З.</i> Миграционные процессы и риски в регионе	56
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.</i> Устойчивое развитие как идеологический императив современного мира	62
<i>Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Пятинина О. Р.</i> Подходы типологизации семей с детьми, получающими алименты (на примере исследования по Республике Татарстан)	69
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А.</i> Особенности медийных образов мигрантов в городских агломерациях Республики Татарстан	80

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Крайсман Н. В.</i> Академическая мобильность как средство интеграции иностранных студентов в образовательную среду французских вузов	87
<i>Петрова Р. Г., Рябова Т. В.</i> Преподавание гуманитарных дисциплин в вузе: вызовы дистанционного обучения	93
<i>Рожкова А. Ю., Андреева И. В.</i> Действие национальной системы квалификаций на рынке труда: подходы и перспективы	100
<i>Шагеева Ф. Т.</i> Развитие в исследовательском университете способности к профессиональному общению у будущих инженеров	111

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Zharkova V. L., Tankieva T. A., Kim E. R.</i> Problems and prospects for using the brown field for tourist and recreational purposes	5
<i>Kadomtseva M. Ye.</i> Assessment of existing mechanisms of subsidized agroinsurance in the countries of the eurasian economic union	14
<i>Mishurova A. I., Soldatkina O. V.</i> Criteria for justification of optimal dislocation of a logistic center on the example of orenburg region	25
<i>Podtikhova N. N.</i> Diagnostics of corporate sustainability of the coal industry enterprise	37
<i>Ruban D. A.</i> The role of universities of different basic categories in a regional innovation system: a conceptual analysis	43

SOCIOLOGY

<i>Vinokurova D. M.</i> Territorial mobility and models of joint householding in urban conditions	50
<i>Zinurova R. I., Fatkhullina L. Z.</i> Migration processes and risks in the region	56
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I.</i> Sustainable Development as an Ideological Imperative of the Modern World	62
<i>Ildarhanova Ch. I., Gnevasheva V. A., Pyatinina O. R.</i> Typological approaches for families with children receiving alimony (case study of the Republic of Tatarstan)	69
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I., Alekseev S. A.</i> Features of media images of migrants in urban agglomerations of the Republic of Tatarstan	80

PEDAGOGICS

<i>Kraysman N. V.</i> Academic mobility as a tool for integrating foreign students into the educational environment of french universities	87
<i>Petrova R. G., Ryabova T. V.</i> Teaching Humanities at the University: Challenges of Distance Learning	93
<i>Rozhkova A. Y., Andreyanova I. V.</i> Action of the national qualifications system in the labor market: approaches and prospects	100
<i>Shageeva F. T.</i> Development of the ability for professional communication in future engineers at a resaerch university	111

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.487

Т. А. Танкиева, В. Л. Жаркова, Е. Р. Ким**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОГЕННОГО ЛАНДШАФТА
В ТУРИСТИЧЕСКИХ И РЕКРЕАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ**

Ключевые слова: техногенные ландшафты, рекреация, туризм, промышленное наследие, старопромышленные регионы, Романцевские горы

В статье рассмотрены проблемы и перспективы использования техногенного ландшафта в туристических и рекреационных целях. Проблема использования техногенных ландшафтов в целях устойчивого развития остро стоит перед многими странами, где значительные площади были преобразованы в ходе интенсивной промышленной добычи ископаемых в XIX и XX вв. Основные мероприятия в отношении таких территорий направлены на создание ландшафтов с различными функциями: производственной функцией (сельское хозяйство, леса), социальной функцией (рекреация, туризм, активный отдых) и непроектной функцией (сохранение природы и поддержка биоразнообразия, эстетические цели). Исследование проведено на примере образованного в ходе добычи бурого угля техногенного ландшафта в Узловском районе Тульской области, на территории которого в настоящее время создано ООПТ местного значения «Романцевские горы (Кондуки)». Основными методами, использованными в работе, были: метод несплошного наблюдения путем проведения анкетирования потенциальных потребителей туристических услуг, контент-анализ отзывов посетителей территории в сети Интернет, SWOT-анализ, а также натурное обследование объекта. В ходе исследования были оценены риски и выгоды в результате рекультивации и естественного восстановления земель ООПТ. Результаты контент-анализа отзывов посетителей и анкетирования потенциальных потребителей туристических услуг показали, что основными достоинствами территории техногенного ландшафта в настоящее время является наличие водоемов и вид территории, имеющий эстетическую ценность. Потеря привлекательности территории «Романцевские горы» в результате естественного восстановления почвенного покрова и растительности в большей степени снизит популярность ООПТ для фототуризма и не повлияет на рекреационный и активный вид туризма. На развитие рекреационных видов туризма в большей степени могут оказать влияние ужесточение санитарных норм и других требований к объектам отдыха.

T. A. Tankieva, V. L. Zharkova, E. R. Kim**PROBLEMS AND PROSPECTS FOR USING THE BROWN FIELD FOR TOURIST
AND RECREATIONAL PURPOSES**

Key words: brown fields, recreation, tourism, industrial heritage, old industrial regions, Romantsevskie Gory

The paper discusses the problems and prospects of using brownfields for tourism and recreation. The problem of using brownfields for sustainable development is acute in many countries, where large areas were transformed during intensive industrial mining in the 19th and 20th centuries. The main activities in relation to such territories are aimed at creating landscapes with various functions: a production function (agriculture, forests), a social function (recreation, tourism, outdoor activities) and a non-production function (nature conservation and biodiversity support, aesthetic goals). The study was carried out on the example of the brownfield formed during the extraction of brown coal in the Uzlovsky district of the Tula region, on the territory of which the Romantsevskie Gory (Konduki) SPNA of local importance has been created. The main methods used in the work were: the method of discontinuous observation by conducting a survey of potential consumers of tourism services, content analysis of the reviews of visitors to the territory on the Internet, SWOT analysis, as well as a field survey of the object. In the course of the study, the risks and benefits were assessed as a result of reclamation and natural restoration of PA lands. The results of content analysis of visitors' reviews and questionnaires of potential consumers of tourism services showed that the main advantages of the territory of the technogenic landscape are the presence of reservoirs and the type of territory that has aesthetic value. Loss of attractiveness of the «Romantsevskie Gory» area as a result of natural restoration of soil cover and vegetation will to a greater extent reduce the popularity of protected areas for photo tourism and will not affect recreational and active tourism. The development of recreational tourism can be largely influenced by the tightening of sanitary standards and other requirements for recreation facilities.

Введение. Промышленная революция XVIII-XIX веков и интенсивная индустриализация XX века привели к изменению структуры экономики значительного числа регионов и изменение уклада жизни населения. Не меньшее влияние индустриализация оказала на географические характеристики территорий: образование и быстрый рост населенных пунктов в местах производства, трансформация сети транспортных магистралей, преобразование ландшафта и гидрологии территории. Необратимые изменения ландшафта были вызваны в результате добычи полезных ископаемых открытым способом. Так добыча бурого угля существенно преобразила ландшафт значительных территорий стран Европы. Во многих странах (Германия, Франция, Чехия, Соединенное Королевство, Польша и др.) в настоящее время реализуются технически сложные проекты и рекультивационные работы с целью создания функционального ландшафта на месте разработанных участков [1-5]. В Российской Федерации проблема рекультивации и использование территорий преобразованных в ходе хозяйственной деятельности человека, остро стоит в первую очередь перед старопромышленными регионами [6-8] к которым относятся и Тульская область, где доля техногенных ландшафтов составляет 12 % от общей площади региона [4].

Обзор. Проблемы использования техногенных ландшафтов в туристических и иных целях прорабатывались преимущественно учеными стран, где деиндустриализация и отказ от добычи полезных ископаемых привели к появлению больших площадей заброшенных территорий. Значительный пласт научных статей посвящен анализу и описанию практик создания новых туристских аттракций на месте антропогенных ландшафтов [3-6, 8-12]. Так в работе С. Копич, Дж. Дордевич, Т. Лукич и др. [5] приведен пример трансформации техногенного ландшафта и объектов промышленного наследия Рурской области Германии в ландшафтный парк Эмшер. Анализ комплекса различных решений, примененных при создании парка, позволил Т. Ю. Быстровой [3] выявить и сформулировать основные принципы реабилитации промышленных территорий. В статьях А. И. Зайцевой, О. А. Брель, Ф. Ю. Кайзера, Т. А. Танкиевой, М. В. Пономаревой [6, 4, 8] рассмотрены отечественные практики и направления использования территорий затронутых промышленной разработкой полезных ископаемых для развития туризма. Исследования в отношении техногенных ландшафтов также затрагивают вопросы, связанные с сохранением и

поддержанием природного биоразнообразия [13, 14], экологической безопасностью [15] и функциональной наполненностью территории. Так в работах М. Хендриховой, М. Кабрны, М. Салек, К. Таджовски, М. Рехо, Р. Тропека и др. [1, 2, 13] отмечено, что в целях устойчивого развития, основные мероприятия в отношении территорий, подвернутых существенным изменениям в ходе промышленной разработки, могут быть направлены на создание ландшафтов с различными функциями:

- производственной функцией – сельскохозяйственные угодья, леса, рыболовные водоемы;
- социальной функцией – рекреация, туризм, активный отдых и пр.;
- непроизводственной функцией – сохранение природы и поддержка биоразнообразия, эстетические цели.

Ряд исследований показывает, что интенсивная добыча ископаемых, кроме негативных последствий разработки, может приносить выгоды территории. Так объекты угольной промышленности вошли в тропы промышленного наследия Рура [3, 4, 5], угольные месторождения в Южном Уэльсе [11] были использованы для организации маршрутов в научных и образовательных целях (геологический туризм), а на территории затронутой разработкой лигнита в Южной Моравии Чехии созданы велосипедные маршруты [9]. Добыча угля открытым способом привела к увеличению стоячих водоемов, создав условия для отдыха под открытым небом и расширяя тем самым рекреационный потенциал местности [1, 2]. Образованные в результате разработки месторождений отвалы способствовали увеличению эстетической ценности ландшафта [13, 14], который в большинстве мест не отличается разнообразием вследствие давней истории освоения территории и представлен в основном равнинными участками земель сельскохозяйственного назначения.

Накопленный опыт в отношении территорий затронутых добычей полезных ископаемых показывает как преимущества, так и недостатки рекультивации. Рекультивация способствует возвращению нарушенных земель для дальнейшего использования, служит целям обеспечения санитарной и экологической безопасности. Однако исследования проведенные [1, 2, 13, 14] показывают, что рекультивация может приводить к однообразию ландшафта, необоснованно высоким затратам, т.к. скорость восстановления в результате мелиоративных работ зачастую соответствует восстановлению

в результате естественных процессов. Самопроизвольное восстановление может способствовать мозаичности ландшафта, что увеличивает его эстетическую ценность [1, 2, 13, 14], более высокому биологическому разнообразию, включая заселение редкими видами беспозвоночных и амфибий [13, 14]. Таким образом, естественное восстановление может рассматриваться как альтернатива технической рекультивации.

Данные и методы. В работе использовался метод несплошного наблюдения путем проведения анкетирования потенциальных потребителей туристических услуг, контент-анализ отзывов посетителей ООПТ «Романцевские горы» в сети Интернет, SWOT-анализ, было проведено натурное обследование объекта. В анкетировании приняли участие 564 человек – 72 % из них составили жители Тульской об-

ласти и 28 % гостей края. **Проблемы и перспективы использования техногенного ландшафта ООПТ местного значения «Романцевские горы (Кондуки)» в туристических и рекреационных целях.**

Особо охраняемая природная территория местного значения «Романцевские горы (Кондуки)» расположена в Узловском районе Тульской области в 13 км на юго-западе от г. Кимовска и в 20 км на северо-востоке от г. Богородицка. Поверхность территории представляет собой слабовсхолмленную равнину, частью водораздельного пространства между реками Люторичь, Доном и Сукромкой. Участок находится между землями населенных пунктов на юге д. Кондуки, юго-востоке д. Писарево и д. Хотянцево, востоке д. Волково, севере Ушаково. Общая площадь ООПТ «Романцевские горы (Кондуки)» равна 1289,2 гектаров.

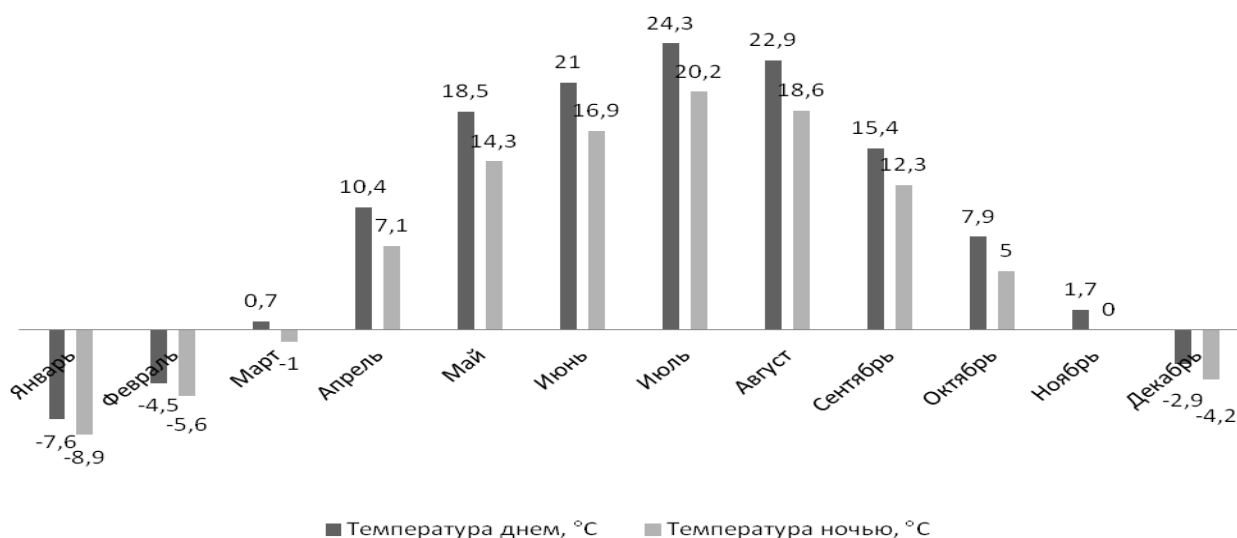

Рис. 1 – Дневная и ночная температура на территории «Романцевские горы»

Неповторимый вид территории придают терриконы, а также интенсивный цвет разбросанных по ООПТ водоемов. Статус «особо охраняемая природная территория местного значения» «Романцевские горы» получили в конце 2018 года. Большую роль в создании ООПТ местного значения сыграла деятельность руководителя организации «Экологическая защита». Также территория характеризуется хорошей транспортной доступностью: асфальтированная дорога Романцево-Кондуки подходит к границам ООПТ с юго-запада, а с северо-востока имеется асфальтированная автодорога в д. Ушаково. Таким образом, территорию и водоемы ООПТ можно использовать в рекреационных, туристических и спортивных целях.

Основными рисками использования территории в туристических и рекреационных целях являются: последствия промышленной разработки, антропогенное загрязнение и потеря вида ландшафта имеющего высокую эстетическую ценность вследствие рекультивации или естественного восстановления почвенного покрова. Особая роль пречисленных рисков прогнозируется в регионах с активными многолетними нефтехимическими разработками и созданием в местах добычи нефти также промышленных региональных кластеров [15,16]. Отвалы карьерных разработок содержат значительной число активных химических соединений [17] которые взаимодействуя с водой атмосферных осадков, создают высокоминерализованные стоки с сильноокислой реакцией pH 1-

3. Стоки могут приводить и к вымыванию кислоторастворимых соединений тяжелых металлов из грунта. Также терриконы подвергаются интенсивным эрозионным процессам и выветриванию. Таким образом, возникает вопрос о

проведении рекультивации земель ООПТ. Угрозы, риски и выгоды восстановления территории вследствие рекультивации или естественных процессов приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Угрозы, риски и выгоды в зависимости от типа восстановления территории ООПТ «Романцевские горы»

Тип восстановления территории	Угрозы	Риски	Выгоды	Перспективы	Затраты
Рекультивация	Загрязнение из-за сельскохозяйственных земель (загрязнение производством), и антропогенное загрязнение	В случае успешного – утрата уникальности ландшафта, длительный срок восстановления	Экологическая безопасность, рекреационное использование	Рекреационное использование	Высокие
Естественное восстановление	Антропогенное загрязнение	Здоровье посетителей	Медленное восстановление территории позволяет привлекать туристов за счет необычного вида	Эстетическая и познавательная ценность	Низкие

Для исследования возможности использования территории техногенного ландшафта ООПТ «Романцевские горы» в рекреационных и туристических целях, а также оценки рисков был проведен контент-анализ отзывов посетителей, анкетных опрос жителей и гостей Тульской области, а также натурное обследование территории.

Анализ отзывов посетителей территории «Романцевские горы», оставленных в сервисе поисковой системы Яндекс и на сайте «Отзовик», а также результаты выборочного исследования при посещении территории весной, летом и осенью показал, что более 56 % туристов составляют жители Москвы и Московской области, примерно 20 % путешественники из соседних областей и только 10 % составляют жители Тульской области. Большая часть визитов приходится на летние и осенние месяцы. С мая по сентябрь туристы посещают территорию в основном с рекреационными целями, в октябре-ноябре развит фототуризм. Контент-анализ наиболее часто встречающихся характеристик территории «Романцевские горы» в отзывах посетителей представлен на рисунке 2. В большей части отзывов отмечены «вода» (реже «озера»), а также «красиво» (существенно реже встречаются слова «необычно/фантастично») и «горы». Из негативных характеристик территории отмечается наличие мусора – 28,2 % и «много людей» 10,9 %.

Результаты анкетного опроса (таблица 2), показали, что основными достоинствами территории «Романцевские горы» являются «необычный вид» – 59 % и наличие озер для отдыха – 57,5 %.

Результаты опроса показывают, что «необычный вид» и «возможность сделать фотографии» интересуют женщин в большей степени, чем мужчин, тогда как респондентов мужского пола больше интересует «наличие озер для отдыха».

С учетом результатов проведенных исследований была составлена матрица SWOT-анализа для выявления сильных и слабых сторон (таблица 3), возможностей и угроз (таблица 4) использования территории ООПТ «Романцевские горы» в рекреационных и туристических целях.

Основные сложности для развития туризма представляют неустойчивый грунт терриконов и химический состав почв и воды. Сильные стороны в равной степени могут оказывать влияние на развитие туризма на территории ООПТ.

Данные таблицы 4 показывают, что территория имеет все возможности для развития туризма, однако ряд угроз может помешать их реализации. Комплексная оценка возможностей и угроз с учетом сильных и слабых сторон приведена в таблице 5.

Рис. 2 – Частота характеристик территории «Романцевские горы» в отзывах посетителей

Таблица 2 – Результаты ответа на вопрос анкеты, что является главным достоинством территории представленной на фотографии

Возраст респондентов	Мужчины				Женщины			
	наличие озер для отдыха	необычный вид	возможность сделать фотографии	другое	наличие озер для отдыха	необычный вид	возможность сделать фотографии	другое
<23	64%	53%	22%	3%	47%	64%	41%	0%
23-35	63%	54%	27%	0%	57%	61%	36%	1%
36-50	59%	51%	14%	0%	67%	54%	30%	0%
>51	48%	61%	3%	0%	51%	63%	12%	0%
Среднее	59%	55%	17%	1%	55%	61%	30%	0,2%

Таблица 3 – Сильные и слабые стороны использования территории ООПТ «Романцевские горы» в рекреационных и туристических целях

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Высокая эстетическая ценность ландшафта, нехарактерного для территорий входящих в ЦФО. Наличие водоемов пригодных для пляжного отдыха, дайвинга, водных видов развлечений и спорта. Местность также пригодна для трекинга, мотокросса и др. видов активного отдыха. Местность пригодна для трекинга, мотокросса и др. видов активного отдыха. Транспортная доступность. Расположение в 3 часах пути автотранспортом (по трассе около 260 км) от Москвы (основные потребители ЦФО туристических и рекреационных услуг).	Последствия техногенных преобразований территории (кислая реакция почвы, содержание кислоторастворимых соединений тяжелых металлов в грунте и пр.). Терриконы состоят из неустойчивого грунта, легко подвергаются эрозии, оползанию и выветриванию. Неразвитая туристическая инфраструктура (нет оборудованных автостоянок, скважин или источников с питьевой водой, площадок для размещения, пикников, туалетов и пр.). Подковообразная форма территории может создавать сложности с размещением объектов туризма.

Таблица 4 – Возможности и угрозы использования территории ООПТ «Романцевские горы» в рекреационных и туристических целях

Возможности (О)	Угрозы (Т)
Заинтересованность правительства Тульской области в развитии туризма на территории ООПТ (развитие инфраструктуры, поиск инвесторов, продвижение). Наличие активистов способствующих развитию территории и заинтересованность местного населения в развитии туризма. Возможность развития различных видов туризма, рекреационного и активного отдыха, а также возможность использования территории в спортивных целях. Увеличение свободного времени у населения вследствие модернизации экономики, что приводит к росту путешествий «выходного дня».	Потеря эстетических свойств ландшафта в результате естественного восстановления или рекультивации. Антропогенное загрязнение ландшафта. Конкуренция со стороны Москвы, Московской области и соседних регионов (развитие пляжного отдыха). Ужесточение санитарных норм, а также других требований к объектам рекреации и туризма.

Таблица 5 – Матрица SWOT-анализа

		О				Т			
		1	2	3	4	1	2	3	4
S	1	+			+	+	+		
	2	+	+	+	+			+	+
	3	+	+	+	+				
	4				+		+		
W	1								+
	2			+		+			
	3	+	+	+			+		+
	4								+

Комплексная оценка возможностей и угроз с учетом сильных и слабых сторон показывает, что в настоящее время могут быть реализованы возможности с опорой на сильные стороны при частичном игнорировании угроз. Степень влияния и вероятность реализации возможностей развития приведены в таблице 6. Возможности использования территории ООПТ «Романцевские горы» в рекреационных и туристических целях попадают под сильную и умеренную степень влияния с высокой и

средней вероятностью использования. Большое значение имеет участие и заинтересованность правительства Тульской области в развитии территории, а также появление свободного времени у населения, которое приводит поискам возможностей провести время на природе в радиусе транспортной доступности.

Возможные последствия и вероятность реализации угроз развития промышленного туризма в Тульской области приведены в таблице 7.

Таблица 6 – Матрица возможностей

Вероятность использования возможности	Степень влияния		
	Сильная	Умеренная	Малая
Высокая	1, 4	2	
Средняя	3		
Низкая			

Таблица 7 – Матрица угроз

Вероятность реализации угрозы	Возможные последствия		
	Критическое состояние	Тяжелое состояние	«Легкий ушиб»
Высокая	1		2
Средняя		4	3
Низкая			

Данные показывают, что критичными угрозами для развития стать «потеря эстетических свойств ландшафта в результате естественного восстановления или рекультивации». Для оценки угрозы потери привлекательности территории в результате восстановления почвенного покрова и растительности в анкете

респондентам было предложено оценить в баллах по шкале от 0 до 10 фотографии ландшафта в настоящее время и изображение ландшафта, созданного на основе фотографии, где с помощью компьютерной графики имитировался ландшафт в результате восстановления (рисунок 3).

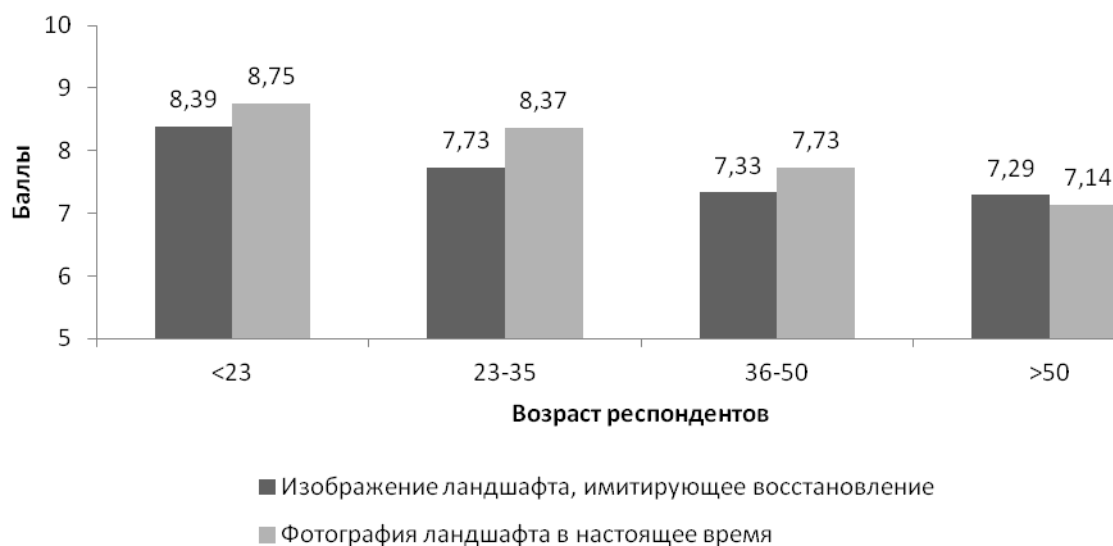

Рис. 3 – Результаты анкетного опроса в отношении риска потери привлекательности территории «Романцевские горы» в результате естественного восстановления почвенного покрова и растительности

Результаты анкетирования показали, что угроза потери привлекательности территории в результате восстановления почвенного покрова и растительности не так существенна. Респондентов моложе 50 лет больше привлекает вид ландшафта в настоящее время, а респонденты старшего возраста предпочитают естественный вид (изображение, имитирующее ландшафт в результате восстановления). Возможно потеря привлекательности территории «Романцевские горы» в результате естественного восстановления почвенного покрова и растительности в большей степени снизит популярность ООПТ для фототуризма и не повлияет на рекреационный и активный вид туризма. На развитие рекреационных видов туризма в большей степени могут оказать влияние ужесточение санитарных норм и других требований к объектам отдыха. Высокую степень вероятности реализации имеет угроза негативного антропогенного воздействия на территорию – в настоящее время загрязнение водоемов и берегов бытовым мусором уже является существенной проблемой. Проекты развития туристической и рекреационной инфраструктуры должны способствовать устранению или минимизации ущерба в условиях увеличения турпотока.

Согласно ГОСТ Р 55698-2013 «Туристские услуги. Услуги пляжей. Общие требования» для речных, озерных и др. пляжей минимальная площадь береговой зоны на 1 человека/туриста не менее должна составлять не менее 5 м². Оценочные расчеты, полученные по ООПТ «Романцевские горы» с учетом территорий, где имеются условия для организации пляжного отдыха, указывают на возможность одновременного размещения порядка 800 человек в пляжной зоне. Единовременная посещаемость для всей территории ООПТ может составлять порядка 15 тыс. человек. Для оценки допустимой антропогенной нагрузки на территории рекомендуется использовать метод

пробных площадей, что требует дополнительных исследований.

Закключение. Техногенные ландшафты, образованные в результате горной разработки месторождений природных ископаемых открытым способом, могут служить ресурсом для развития территории. В результате разработок создается рельеф, не характерный для территории, который в результате сукцессии может создавать ландшафты высокой эстетической ценности. Изменение гидрологии территории вследствие добычи ископаемых может способствовать появлению водоемов пригодных для отдыха. Таким образом, использование техногенных ландшафтов в туристических и рекреационных целях, способствует переходу экономики территории, основанной на добыче ресурсов, к экономике впечатлений и свободного времени.

Анализ научных работ и проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сукцессия техногенных ландшафтов в результате естественных процессов является альтернативой технической ревитализации.

ООПТ местного значения «Романцевские горы (Кондуки)» может успешно использоваться в рекреационных и туристических целях. Основными угрозами развития туризма на территории могут быть последствия горной разработки – вымывание из грунта кислотосодержащих соединений тяжелых металлов и попадание их в водоемы. Угроза потери эстетической ценности в результате естественных процессов восстановления почвенного покрова и растительности для развития туризма не существенна, хотя может снизить поток фототуристов. В настоящее время угрозу для территории представляет антропогенное загрязнение водоемов и суши твердыми бытовыми отходами. Также сдерживающими факторами развития рекреационных видов туризма могут стать ужесточение санитарных норм и других требований к объектам отдыха.

Литература

1. Hendrychova, M., Kabrna M. An analysis of 200-year-long changes in a landscape affected by large-scale surface coal mining: History, present and future // *Applied Geography* 74, 2016. pp. 151-159.
2. Hendrychova, M., Salek, M., Tajovský, K., & Reho, M. (2012). Soil properties and species richness of invertebrates on afforested sites after brown coal mining. *Restoration Ecology*, 20(5). pp. 561-567.
3. Быстрова Т. Ю. Парк Эмшер: принципы и приемы реабилитации промышленных территорий // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2014. №2. С. 9-14.
4. Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Индустриальное наследие старопромышленного региона: ресурсы, практика и перспективы использования // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13. № 4 (86). С. 65-79.

5. Copic S., Dordevic J., Lukic T., Stojanovic V., Dukicin S., Besermenji S., Stamenkovic I., Tumaric A. Transformation of industrial heritage an example of tourism industry development in the Ruhr area (Germany). *Geographica Pannonica*, 2014, vol. 18, pp. 43-50.
6. Zaytseva, A., Brel, O., Kaizer, Ph. Russian Experience of Concervation and Renowation of Industrial Regions' Heritage. *Journal of Environmental Management and Tourism*, [S.l.], vol. 9, n. 4, pp. 766-770. doi: [https://doi.org/10.14505/jemt.v9.4\(28\).09](https://doi.org/10.14505/jemt.v9.4(28).09).
7. Сорокина Н. Ю. Классификация старопромышленных регионов для целей управления устойчивым развитием // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №3-1. С. 257-267.
8. Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Разработка подходов к организации индустриального туризма в старопромышленном регионе // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 1 (61). С. 9.
9. Klempa M., Bujok P., Porzer M., Skupien P. Industrial Complexes and their Role in Industrial Tourism – Example of Conversion. *GeoScience Engineering*, 2016. vol.1(62). pp. 45-50. <https://doi.org/10.1515/gse-2016-0008>.
10. Rizzo E., Pesce M, Pizzol L., at all. Brownfield regeneration in Europe: Identifying stakeholder perceptions, concerns, attitudes and information needs//*Land Use Policy*. vol 48, 2015. pp. 437–453.
11. Benjamin G. Evans, Christopher J. Cleal, Barry A. Thomas. Geotourism in an Industrial Setting: the South Wales Coalfield Geoheritage Network//*Geoheritage. The European Association for Conservation of the Geological Heritage*, 2017. <https://doi.org/10.1007/s12371-017-0226-3>.
12. Gouthro M. B., Palmer C. Pilgrimage in Heritage Tourism: Finding meaning and identity in the industrial past//*Mining heritage and tourism: A global synthesis*, 2010, pp. 33-43.
13. Tropek R., Kadlec T., Hejda M. at all. Technical reclamations are wasting the conservation potential of post-mining sites. A case study of black coal spoil dumps//*Ecological Engineering*, vol. 43, 2012. pp. 13-18, ISSN 0925-8574, <https://doi.org/10.1016/j.ecoleng.2011.10.010>.
14. Doležalová J., Vojar J., Smolová D., Solský M., Kopecký O. Technical reclamation and spontaneous succession produce different water habitats: A case study from Czech post-mining sites// *Ecological Engineering*, Volume 43, 2012, pp. 5-12.
15. Фомин Н. Ю., Дырдонова А. Н., Зинурова Р. И. Формирование территориально-производственных кластеров как эффективный механизм развития региональной экономики // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 12. С. 384-387.
16. Стародубова А. А., Дырдонова А. Н., Андреева Е. С., Зинурова Р. И. Трансфер технологий в химическом производстве: методологический подход // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 4. С. 300-303.
17. Качурин Н. М., Левкин Н. Д., Калаева С. З., Чистяков Я. В. Породные отвалы ликвидированных шахт Подмосковского бассейна как источник выбросов пыли в атмосферу // *Экология и промышленность России*. 2016. Т. 20. № 5. С. 47-51.

Сведения об авторах:

©**Танкиева Тамара Ахметовна** – кандидат технических наук, доцент кафедры туризма и гостеприимства, Тульский государственный университет, Российская Федерация, Тула, e-mail: tankieva.tamara@yandex.ru.

©**Жаркова Виктория Львовна** – кандидат технических наук, доцент кафедры туризма и гостеприимства, Тульский государственный университет, Российская Федерация, Тула, e-mail: sharkovatsu@mail.ru.

©**Ким Екатерина Романовна** – магистр, Тульский государственный университет, Российская Федерация, Тула, e-mail: setsuna_std@mail.ru.

Information about the authors:

©**Tankieva Tamara Akhmetovna** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism and Hospitality, Tula State University, Russian Federation, Tula, e-mail: tankieva.tamara@yandex.ru.

©**Zharkova Victoria Lvovna** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism and Hospitality, Tula State University, Russian Federation, Tula, e-mail: sharkovatsu@mail.ru.

©**Kim Ekaterina Romanovna** – Master student, Tula State University, Russian Federation, Tula, e-mail: setsuna_std@mail.ru.

УДК 339.5

М. Е. Кадомцева

ОЦЕНКА ДЕЙСТВУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ СУБСИДИРУЕМОГО АГРОСТРАХОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, агрострахование, сельское хозяйство, государственная поддержка, экономическая эффективность, растениеводство, животноводство, устойчивое развитие

Актуальность изучения вопросов развития системы страхования сельскохозяйственных рисков с государственной поддержкой связана с формированием организационно-экономического механизма устойчивого развития национального агропромышленного комплекса, как одного из стратегически важных секторов экономики. Зарубежный опыт выработки инструментария управления природно-климатическими рисками представляет значительный интерес для выявления и использования в российской практике наиболее эффективно проявивших себя схем. Особую значимость имеет анализ национальных систем сельскохозяйственного страхования стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), как стран наиболее схожих с Россией по уровню институционального развития. Сектор агрострахования в этих странах относительно небольшой, основную долю занимает сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой. Однако агрострахование является динамично меняющейся системой. Значительное распространение оно получило в Республиках Армения и Кыргызстан. Поэтому развитие страхования сельскохозяйственных рисков в рамках данного интеграционного сотрудничества имеет большой потенциал. Целью исследования является выявление особенностей организации моделей страхования сельскохозяйственных рисков в странах Евразийского экономического союза и обоснование возможных направлений развития обязательного вида агрострахования в Российской Федерации. В основе исследования лежат нормативно-правовые документы и методические положения стран-участниц ЕАЭС в области регулирования национальных систем страхования сельскохозяйственных рисков. Информационной базой исследования послужили данные аналитических агентств России, Казахстана, Кыргызстана, Белоруссии, Армении. С использованием статистического и экономико-математического методов были построены и проанализированы динамические ряды показателей, характеризующих субсидируемое агрострахование. В статье проведена оценка действующих механизмов агрострахования в странах-участницах Евразийского экономического союза. Подчеркнуты сходства и различия в уровне развития сельскохозяйственного страхования между отдельными государствами ЕАЭС, в рамках страхового законодательства, порядка государственного регулирования и надзора, структуры видов страхования. Автором использован новый подход, базирующийся на учете особенностей структуры производства агропродукции в странах ЕАЭС, который позволил выявить потенциальные возможности и ограничения развития сельскохозяйственного страхования в рамках единого экономического пространства. Сделан вывод о необходимости гармонизации агрострахования на всем пространстве Евразийского экономического союза и унификации законодательных и организационно-экономических норм регулирования страхового сектора.

M. Ye. Kadomtseva

ASSESSMENT OF EXISTING MECHANISMS OF SUBSIDIZED AGROINSURANCE IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Keywords: Eurasian Economic Union, agricultural insurance, agriculture, government support, economic efficiency, crop production, livestock, sustainable development

The relevance of studying the development of an agricultural risk insurance system with state support is associated with the formation of an organizational and economic mechanism for the sustainable development of the national agro-industrial complex, as one of the strategically important sectors of the economy. Foreign experience in developing tools for managing natural and climatic risks is of significant interest for identifying and using in Russian practice the most effective schemes. The analysis of the national systems of agricultural insurance of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), as the countries most similar to Russia in

terms of institutional development, is of particular importance. The agricultural insurance sector in these countries is relatively small. The main share is occupied by agricultural insurance with state support. However, agricultural insurance is a dynamically changing system. It is widely spread in the Republics of Armenia and Kyrgyzstan. Therefore, the development of national insurance systems for agricultural risks of countries within the framework of this integration cooperation has great potential. The aim of the work is to study the features of the organization of agricultural risk insurance models in the countries of the Eurasian Economic Union and to substantiate possible directions for the development of compulsory agricultural insurance in the Russian Federation. The study is based on regulatory documents and methodological regulations of the EAEU member states in the field of regulation of national agricultural risk insurance systems. The information base of the research was the data of analytical agencies of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus, Armenia. Using statistical and economic-mathematical methods, dynamic series of indicators characterizing subsidized agricultural insurance were constructed and analyzed. The article assesses the current mechanisms of agricultural insurance in the member countries of the Eurasian Economic Union. The similarities and differences in the level of development of agricultural insurance between individual EAEU states, within the framework of insurance legislation, the procedure for state regulation and supervision, and the structure of types of insurance, are emphasized. The author used a new approach based on taking into account the peculiarities of the structure of agricultural products production in the EAEU countries, which made it possible to identify potential opportunities and limitations for the development of agricultural insurance within the framework of a common economic space. It is concluded that it is necessary to harmonize agricultural insurance throughout the Eurasian Economic Union and to unify the legislative, organizational and economic regulations of the insurance sector.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – созданная в 2015 году международная организация региональной экономической интеграции, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы [1]. На сегодняшний день участниками данной интеграции являются Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Кыргызстан. В каждой из стран интеграционного сотрудничества реализуется собственный экономический механизм функционирования аграрного рынка, включающий такие основные элементы, как кредитование, субсидирование, ценовое регулирование, налогообложение и др. [2-5]. Сектор агрострахования в странах-участниках ЕАЭС относительно небольшой, основу которого составляет сельскохозяйственное страхование с государственной поддержкой [6-9].

Действующая в настоящее время модель агрострахования в Республике Казахстан представляет собой систему обязательного страхования. Его правовой основой стал Закон Республики Казахстан «Об обязательном страховании в растениеводстве» от 10.03.2004 №533-ІІ, который обязывал страховать зерновые, масличные культуры, сахарную свеклу и хлопок. Согласно основным положениям закона страховался не урожай, а затраты на его производство (посевные работы). Позднее в соответствии с Законом Республики Казахстан «О взаимном страховании» с 2006 года по всем регионам страны к страховой деятельности в сельском хозяйстве были допущены потребительские кооперативы – Общества взаимного страхования (ОВС), которые осуществляли

страхование посевов тех хозяйств, которые в них входили. За счет отмены лицензии на осуществление страховой деятельности и предоставления права страховать свои риски самим сельхозтоваропроизводителям путем объединений в ОВС, с 2006 по 2012 годы произошло расширение участников рынка страховщиков. Это нашло отражение в количественных показателях, характеризующих развитие страхования сельскохозяйственных рисков. С 2009 года при равномерных страховых взносах в среднем около 457 млн. тенге были значительные колебания страховых выплат, пропорционально динамике количества обществ взаимного страхования.

Негативный опыт работы со страховщиками и высокая стоимость полисов страхования привели к тому, что фермеры стали обращаться в общества взаимного страхования, чаще всего являясь их учредителями. Агрохолдинги и крупные компании создавали своё ОВС внутри аффилированных групп, приглашая крестьянские (фермерские) хозяйства к сотрудничеству, оставляя тем самым денежные средства внутри группы. Из-за несовершенной нормативно-законодательной базы вместо страховой защиты была развернута целая система нецелевого освоения бюджетных средств на территории страны. В результате Национальный банк Казахстана ввел жесткий контроль за ОВС, аналогично контролю над страховыми компаниями, установив минимальный порог по количеству членов и обязав держать на счетах резервный объем средств. После реализованных Банком мер с 2012 года на рынке

обязательного агрострахования осталось 17 организаций, из них 15 ОВС [10]. В качестве примера подобной ситуации можно привести опыт России. Применение страховыми компаниями теневых «схем» освоения бюджетных субсидий без реального страхования Центральным Банком России повлекло за собой оптимизацию страхового рынка в 2014 – 2015 годах, что привело к снижению количества страховых организаций с 44 в 2014 году до 21 в 2016 году [11, с. 13].

Особенностью структуры сельскохозяйственного производства Казахстана является преобладание крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения. Малые формы хо-

зяйствования занимали долю 68,7 % в валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в 2017 году. Причем согласно данным Комитета статистики Министерства национальной экономики Казахстана основную долю пшеницы (69 %), ячменя (52 %), риса (52 %), масличных культур (56 %) и яиц (73 %) производят крупные сельскохозяйственные организации, хорошо встроенные в местные и международные цепочки поставок. На домохозяйства и крестьянские (фермерские) хозяйства в совокупности приходится подавляющий объем производства ряда товаров, включая овощи (94 %), картофель (92 %), мясо (77 %), молоко (94 %), шерсть (96 %) и хлопок (95 %) [12] (рис.1).

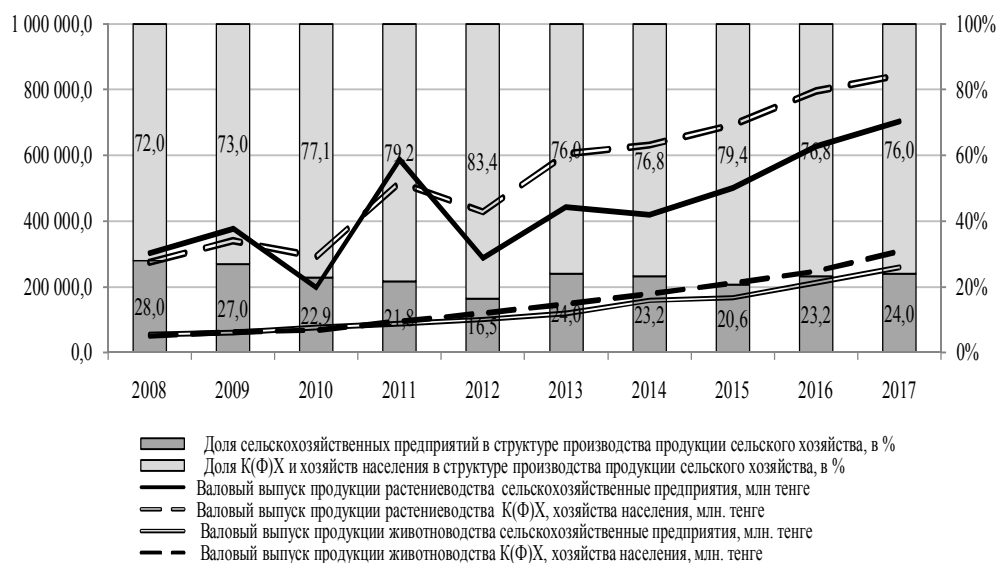

Рис. 1 – Структура производства сельскохозяйственной продукции в Республике Казахстан по категориям хозяйств за 2008 – 2017 гг.

Структура производства мясомолочных продуктов также смещена в сторону мелких и средних фермерских хозяйств: 60 % мяса и 77 % молока производятся на земельных участках домашних хозяйств. В 2016 году на мелких производителей (имеющих менее 50 голов) пришлось 65% поголовья крупного рогатого скота и 60 % поголовья коз и овец [13].

Спрос на агрострахование в республике с каждым годом снижается. Существующая система взаимодействия между фермерами и страховщиками становится все менее эффективной. Среди недостатков системы можно отметить пробелы в нормативно-правовой и методологической базе агрострахования. Законодательство не позволяет страховым компаниям

требовать соблюдения агротехнологий и не предусматривает возможности отказа в страховании при явном несоответствии клиента страховым требованиям. Большинство мелких хозяйств не соблюдают, даже упрощенные, агротехнологии, что значительно увеличивает степень рисков [14]. На риски неблагоприятных природных явлений накладываются риски бесхозяйственности, которые никак не могут покрываться страхованием. В результате того, что не была проработана методология оценки рисков в подотрасли животноводства, финансовая защита животноводства в Казахстане долгое время оставалась не регламентированной.

Модель обязательного агрострахования в Республике Казахстан не показала свою эф-

фективность. В последние годы в стране начала внедряться комбинированная модель страхования риска недобора урожая. С 2020 года Казахстан перешел от обязательного страхования в растениеводстве к добровольному с возможностью субсидирования 80 % затрат на выплату страховой премии, однако лишь по тем продуктам, которые направлены на решение государственных задач в сельском хозяйстве. Вместе с тем внедряются элементы индексного страхования с использованием ключевого показателя - индекс содержания влаги в почве на основе данных спутникового мониторинга.

В основе страхования сельскохозяйственных рисков в подотраслях растениеводства и животноводства в Республике Беларусь лежит принцип обязательного страхования. Нормативно-правовым актом, регулирующим порядок обязательного страхования сельскохозяйственных культур, скота и птицы, является Указ Президента Республики Беларусь от 31.12.2006 г. № 764 «Вопросы обязательного страхования сельскохозяйственных культур, скота и птицы» с внесенными дополнениями и изменениями, Положение о страховой деятель-

ности в Республике Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 «О страховой деятельности». В соответствии с основными положениями в действующем законодательстве страхователи оплачивают лишь 5 % стоимости страхового полиса, оставшиеся 95% поступают в виде государственного софинансирования. Если сельхозпредприятие не вносит свою часть платежа, то в дальнейшем ему поддержка государства не будет оказываться. В соответствии с главой 18 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, главным оператором обязательного вида страхования выступает РУСП «Белгосстарх», а страхователями только «...юридические лица, основной вид деятельности которых выращивание (производство) сельскохозяйственных культур, скота и птицы». Учитывая, что в структуре производства сельскохозяйственной продукции преобладают сельскохозяйственные организации, в растениеводстве 61,6 %, в животноводстве 94,8 %, очевидно, что они являются основными потребителями услуг страхования. (рис.2)

Рис. 2 – Структура производства продукции сельского хозяйства в Республике Беларусь по категориям хозяйств за 2008 – 2017 гг.

Каждый год основные условия обязательного страхования в части перечня культур, скота и птицы, страховые тарифы и процента возмещения ущерба пересматриваются и утверждаются президентом республики. Племенное поголовье крупного рогатого скота и птицы имеют 100 %-ное покрытие, а перечень сельхозкультур ежегодно меняется. С 2017 года субсидирование страхования осуществляется

только важнейших для республики культур – это лен-долгунец и озимый рапс [15]. При этом застрахованная посевная площадь льном занимает не более 1 % от посевной площади, а рапс не превышает 5-7 %.

С 2009 по 2011 годы субсидировалось страхование озимой пшеницы, которая в среднем занимает около 30 % посевной площади республики. До 2011 года показатель удельного

веса застрахованной посевной (посадочной) площади в общем объеме посевных (посадочных) площадей планомерно рос. Максимального значения он достиг в 2010 и 2011 годах 88,9 % и 89,2 % соответственно, когда процент возмещения ущерба или затрат на пересев составил 100 % [16, с. 53]. В 2009 году процент возмещения ущерба составил 70 %. Это объясняет высокий показатель застрахованной посевной (посадочной) площади в эти годы. В 2012 году произошло резкое снижение показателя удельного веса посевных (посадочных) площадей культур, подлежащих обязательному страхованию с государственной поддержкой (до 23,1 %). Это произошло в результате отмены субсидирования страхования озимой пшеницы. Если в 2016 году сумма страховых взносов по данному виду страхования составлял 32,3 млн. белорусских рублей, а выплаты 37,6 млн. бел. рублей, то в 2017 году объем премии по субсидируемому агрострахованию снизился до 30,2 млн. бел. рублей, выплаты до 20,6 млн. бел. рублей [17,18]. В результате в 2017 году более 90 % посевов остались без страховой защиты.

Международными экспертами отмечаются недофинансирование со стороны государства в результате наступления массовых страховых случаев. Как и в России в белорусской модели агрострахования присутствует проблема несоответствия плановых показателей государственной поддержки результатам их фактического исполнения. Средства республиканского бюджета, предусмотренные для финансирования 95 % страховых взносов по обязательному страхованию сельскохозяйственной продукции, зачастую не попадают в список защищенных статей бюджета. В России в 2017-2018 годах была схожая ситуация, когда средства федерального бюджета на субсидирование договоров страхования с господдержкой вошли в состав «единой субсидии» [19,20]. Предоставив право распределения средств субсидии регионам, место в системе приоритетов и расходы на агрострахование выделялись по остаточному принципу. Это привело к снижению удельного веса посевной (посадочной) площади застрахо-

ванных культур до 2,3 % в 2017 году и 1,7 % в 2018 году.

В целом, анализируя модель обязательного агрострахования Республики Беларусь, можно констатировать, что обязательное страхование является скорее одним из видов прямой бюджетной поддержки сельского хозяйства. В соответствие с правилами Всемирной торговой организации (ВТО), затраты на сельскохозяйственное страхование относятся к «желтой корзине», то есть государство может выделять на агрострахование средства без ограничения. По оценкам экспертов, такую систему бюджетной поддержки нельзя считать классическим агрострахованием, поэтому в республике прорабатываются вопросы создания системы реальной страховой защиты урожая [21, с. 134].

Добровольный вид страхования сельскохозяйственных рисков в Беларуси представлен достаточно широким набором страховых продуктов, предлагаемых страховыми кооперативами и отдельными организациями. Однако ввиду высоких страховых тарифов добровольный вид сельхозстрахования без государственной поддержки остается неразвитым [22].

С 2018 года развитие получили рынки страхования сельскохозяйственных рисков в Республиках Армения и Кыргызстан. Однако мелкохозяйственность производителей, отсутствие статистических сведений по урожайности и климатическим рискам, накладывают некоторые ограничения на проведение оценки развития агрострахования в этих странах.

В структуре производства сельскохозяйственной продукции Кыргызстана преобладают малые формы хозяйствования. Коллективные хозяйства занимают долю лишь 1,5 %. Крестьянские (фермерские) хозяйства, ориентированы в большей степени на выпуск продукции растениеводства, наращивая ежегодно ее производство. Занимая долю в 60 %, они произвели в 2017 году сельхозпродукции на сумму 78011 тыс. сомов. Личные подсобные хозяйства (35,4 %) произвели продукцию на 27906,9 тыс. сомов. Также, К(Ф)Х и ЛПХ выпускают равную долю животноводческой продукции (рис.3)

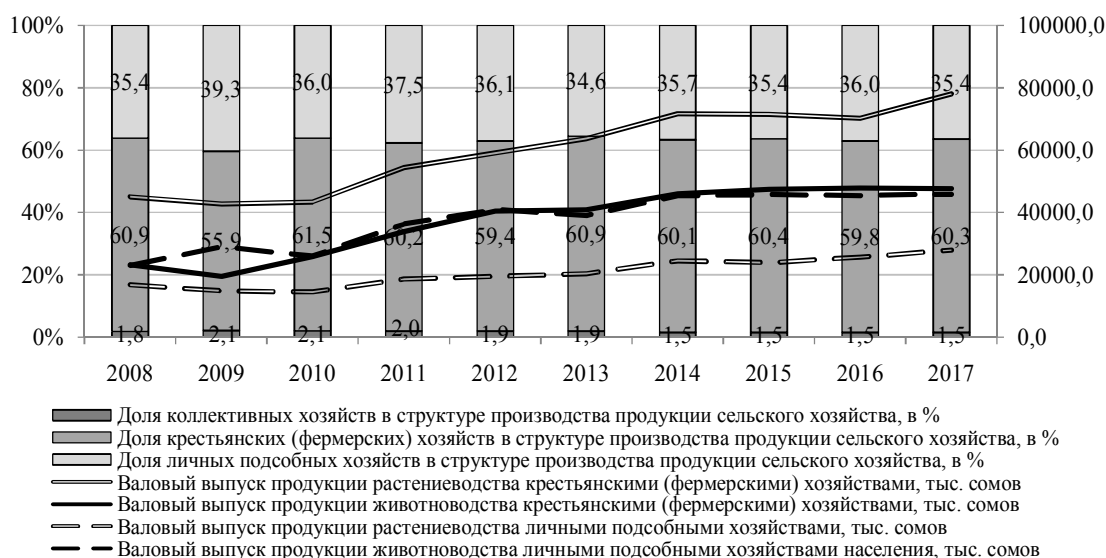

Рис. 3 – Структура производства сельскохозяйственной продукции в Республике Кыргызстан по категориям хозяйств за 2008 – 2017 гг.

В основе формирования системы страхования сельскохозяйственных рисков лежат Законы «Об организации страхования в Кыргызской Республике» от 23.07.1998 № 96, «Об особенностях страхования в растениеводстве» от 26.01.2009 г. №31. Согласно последнему, объектом страхования выступает не урожай, а затраты на проведение работ по его посеву. Основными культурами, подлежащими страхованию, являются зерновые (кукуруза, фасоль, хлопок, табак, сахарная свекла). Ежегодно разрабатывается и утверждается государственная программа в области растениеводства, исходя из которой выделяются бюджетные средства для возмещения 50 % страховых выплат страховщикам по страховым случаям, возникшим в результате неблагоприятных природных явлений, а также оплаты страховщикам 50% страховых взносов по заключенным договорам [23]. К 2018 году рынок агрострахования в Республике Кыргызстан был представлен лишь двумя страховыми организациями, получившими лицензию на осуществление страхования урожая сельхозкультур, и тремя на осуществление страхования животных.

Неотработанная методология является одним из важнейших факторов, сдерживающих развитие страхового сектора в республике. Неоднократные обращения к страховщикам от потенциальных клиентов отклонялись по ряду причин, в т.ч. из-за отсутствия независимой системы взвешивания собранного урожая, недостаточного количества клиентов для полноценного осуществления деятельности по агрострахованию, а также из-за отсутствия статисти-

стики по урожаям ряда сельскохозяйственных культур. В то же время в ст. 17 п. 2 Закона «Об особенностях страхования в растениеводстве» отмечено, что вести и накапливать статистические сведения по проведению страхования в растениеводстве и предоставлять ее агенту по его требованию, обязан страховщик.

Важно отметить, что в Кыргызстане, как и в Казахстане, в действующем законодательстве указано, что страховщик не вправе предъявлять требования по соблюдению агротехнологии возделывания сельскохозяйственных культур (п. 3 ст. 17 Закона «Об особенностях страхования в растениеводстве»). В России же в соответствии с требованиями страхового законодательства, страховая выплата производится в случае предоставления страхователем документов по письменному запросу страховщика, подтверждающих выполнение агротехники, в том числе мероприятий, предусмотренных технологической картой [24, с. 21].

В Республике Армения система страхования сельскохозяйственных рисков находится на стадии формирования в виде пилотной программы. Она основана на принципе добровольного страхования и охватывает на начальном этапе стратегически важные для сельского хозяйства виды культур – пшеницу и ячмень, виноград и абрикос. Согласно государственной программе субсидирование страховых полисов составляет 50 % в случае ущерба, причиненного застрахованным фермерам градом и пожаром, и 60 % от заморозков. Основные операторы страхования – три страховые компании, входящие в Национальное агентство агростра-

ховщиков, ориентированные на работу с фермерами, потому как в структуре сельскохозяйственного производства Республики Армения

превалируют мелкие крестьянские и фермерские хозяйства, а также хозяйства населения (96,5 %) [25] (рис. 4).

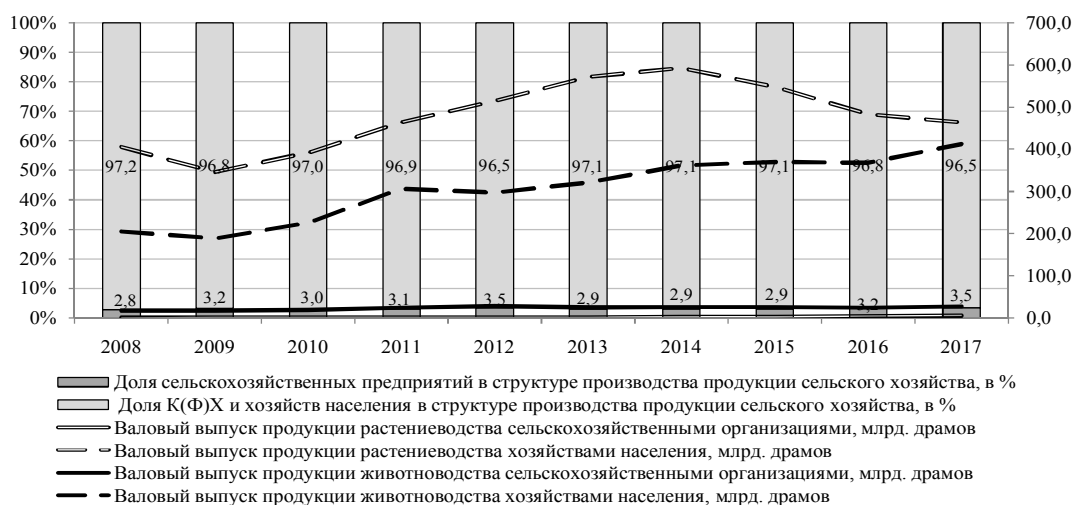

Рис. 4 – Структура производства сельскохозяйственной продукции в Республике Армения по категориям хозяйств за 2008 – 2017 гг.

По мнению экспертов, в Армении формируется модель агрострахования, схожая с турецкой и испанской моделями, основанными на создании пуловой системы, где риски принимаются на условиях сострахования и перестрахования [26, с. 1999]. Большую часть рисков страховые организации перестраховывают в европейских страховых компаниях в рамках армяно-германского сотрудничества.

Методология агрострахования в Республике Армения требует значительной проработки. В основе параметров агрострахования лежат экспертные оценки, которые базировались на опросах фермеров, не основываясь на эмпирических исследованиях и фактологических статистических данных. Государственная статистика по урожайности и ущербу, данные МЧС по климатическим рискам ранее в республике не велась. Не собирались данные о частоте заморозков или сильных засух в той или иной местности, как часто шел град, какие убытки, на какую сумму несли фермеры и т.д.

Тенденции цифровизации вполне могут заложить основу формирующихся систем страхования сельскохозяйственных рисков в странах-участницах ЕАЭС за счет активного использования данных дистанционного зондирования Земли. Например, в Российской Федерации наблюдается активное внедрение элементов спутникового мониторинга отдельными российскими страховщиками в процессе сопровождения договоров страхования урожая сельскохозяйственных культур и урегулирования

убытков. Ранее индивидуальное использование таких данных отличалось различным уровнем детализации, не было подкреплено в нормативно-правовой базе общей системой стандартов, и не могло учитываться формально в судебной практике. Централизованное использование данных спутникового мониторинга страховыми организациями, входящими в настоящее время в Национальный союз агростраховщиков (НСА), стало возможным после заключения договора с GEOSYS (портал AgriQuest) [27, с. 72]. Данный сервис предоставил возможность страховщикам в режиме онлайн вести мониторинг метеорологических показателей и состояния посевов с использованием индекса вегетации на территории всей страны, с оценкой состояния отдельных полей. Страховщики стали получать доступ к базе спутниковых наблюдений за последние 20 лет, что дало возможность сравнивать и прогнозировать метеорологические условия. На основе мониторинга с последующим закреплением в нормативно-правовой и методической базе появилась возможность точнее оценивать риски и более детально рассчитывать для фермеров тарифы, обеспечивать доказательной базой о состоянии посевов при возникновении споров.

В основе действующей в России модели агрострахования с господдержкой лежит принцип добровольности и софинансирования. С 1 января 2012 г. в соответствии с Федеральным законом № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхо-

вания и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 25.07.2011 года, сельхозпроизводители оплачивают при заключении договоров страхования 50 % страховой премии, а её оставшуюся часть страховые организации получают в виде бюджетных субсидий [28]. До принятия Закона «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования» уже существовало 50 %-е субсидирование страхового взноса. Но раньше страхователь полностью оплачивал страховой полис, а потом получал 50 % от этого взноса от государства в виде субсидии.

Современная система российского сельскохозяйственного страхования предлагает широкую продуктовую линейку, как по объектам, так и по рискам, но из-за механизма добровольности охват страхования был невысокий. Во многом из-за неотработанной нормативно-правовой и методической базы, начиная с 2012 года существенно стали различаться показатели страховых выплат в агростраховании с господдержкой и без нее. Наибольшее сокращение объемов субсидируемого агрострахования наблюдалось, прежде всего, в мелкотоварном

секторе сельскохозяйственного производства. В 2016 году число застрахованных малых форм хозяйствования в АПК в страховании сельскохозяйственных культур уменьшилось на 84,5 %. И это произошло на фоне пропорционального снижения удельного веса посевных (посадочных) площадей застрахованных культур [29, с. 15].

Аналогичные тенденции наблюдались в страховании сельскохозяйственных рисков в подотрасли животноводства. Так, число хозяйствующих субъектов, заключивших договоры страхования сельскохозяйственных животных с использованием механизма господдержки, с 2014 по 2016 годы уменьшалось. За этот период число малых ферм, осуществивших страхование животных, сократилось на 32,4 % [30]. Но при этом практически не уменьшилось поголовье застрахованных животных. Учитывая, что сельскохозяйственные организации в структуре производства животноводческой продукции занимают 70-80 %, можно сделать вывод: страхование с государственной поддержкой в сфере животноводства доступно преимущественно агрохолдингам и мегафермам (рис.5)

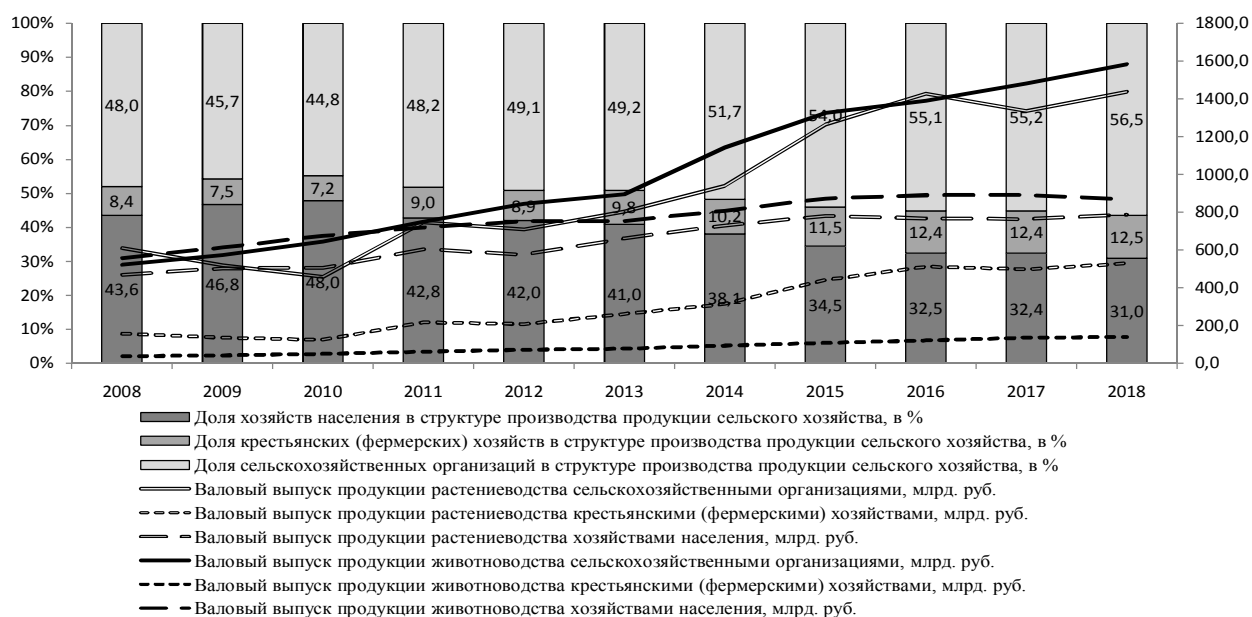

Рис. 5 – Структура производства сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации по категориям хозяйств за 2008 – 2017 гг.

Одними из причин снижения целевого показателя выступили задержки с распределением субсидирования между регионами и недостатки региональной нормативной базы по предоставлению субсидий, а также несвоевременное принятие Плана сельхозстрахования на 2016 год (в октябре вместо июля). Дополнительным фактором послужил отзыв Центральным Банком России лицензий у ряда страховщиков, доля которых составляла 57,2 % от общего объема посевных (посадочных) площадей

застрахованных культур. Оператором субсидируемого агрострахования выступает Национальный союз агростраховщиков. В 2016 году на момент создания в НСА вошла 21 организация. К 2020 году осталось всего 15 страховых компаний, которые в настоящее время занимают долю 97 % на рынке агрострахования (в т.ч. и без господдержки).

В 2017 году, когда начала действовать «единая субсидия», коэффициент страховых выплат достиг своего минимума (7,5 %). Уста-

новление нового порядка предоставления и распределения субсидий в сфере АПК из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, в соответствии с которым средства выделялись общей суммой в виде «единой субсидии», негативно сказалось на по-

казателях агрострахования. Проведенные ранее исследования автора позволили выявить значительную дифференциацию в уровне использования страхования в подотраслях сельского хозяйства и субъектах РФ в 2017-2018 гг. [31, с. 257] (рис.6).

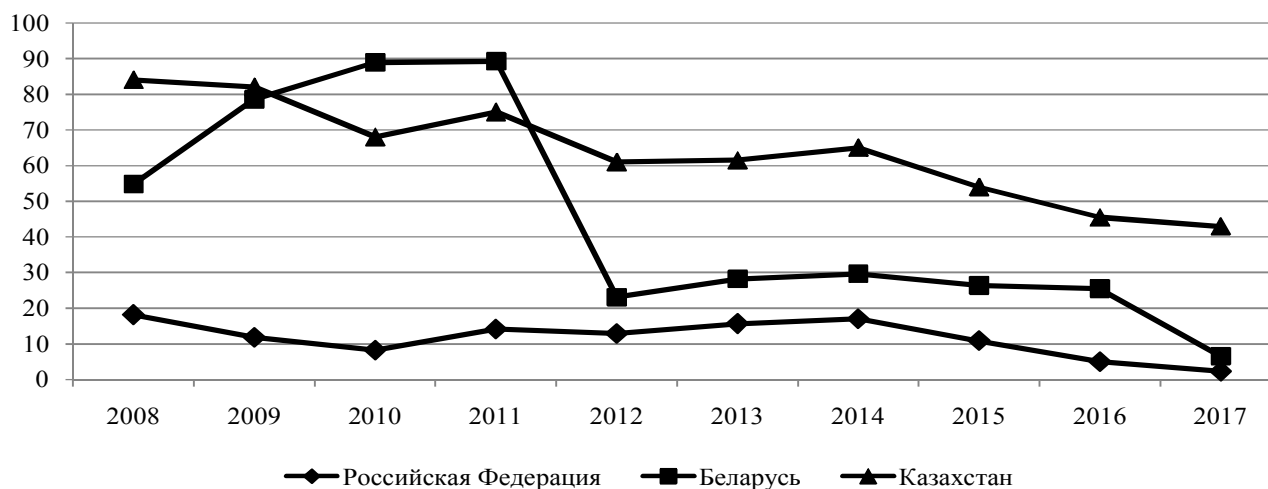

Рис. 6 – Удельный вес посевных (посадочных) площадей застрахованных культур в общем объеме посевных (посадочных) площадей в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан за 2008 - 2017 гг.

С 2019 года субсидируемое сельскохозяйственное страхование перешло на новый этап развития. В рамках «единой субсидии» средства на страхование получили нормативно закреплённый защищённый статус, не расходуясь на другие направления. Проблемы агрострахования являются инструментом проектирования устойчивого развития региональных сельских территорий, в том числе на основе форсайт-технологий [32,33]. С 2020 года получение средств субсидии сельхозтоваропроизводителями стало возможным только при наличии страхового полиса. Несмотря на то, что по предварительным оценкам Национального союза агростраховщиков переход на обязательный вид страхования сельскохозяйственных рисков, должен увеличить показатель удельного веса посевных (посадочных) площадей застрахованных культур, агропроизводители продолжают заключать договора страхования на минимальную сумму в целях получения доступа к другим видам субсидий. Во многом данное явление можно объяснить несовершенной методикой оценки рисков в агростраховании, низким уровнем бюджетных субсидий и общей недооценкой значимости механизма страхования сельскохозяйственных рисков.

Выводы

Исследование национальных систем сельскохозяйственного страхования в странах ЕАЭС, учитывая особенности структуры про-

изводства сельскохозяйственной продукции, даёт понимание особенностей организации моделей агрострахования, сложившихся в этих странах, и получить некоторое представление о потенциальных возможностях и ограничениях ее развития в едином экономическом пространстве. Несмотря на то, что институциональная специфика накладывает отпечаток на формирование и уровень развития систем страхования сельскохозяйственных рисков стран союза, существующие проблемы и причины их возникновения остаются весьма схожими. Мелкохозяйственность в большинстве стран-членов ЕАЭС обуславливает небольшой охват и незначительные суммы страховых взносов на один договор страхования. Сохраняются пробелы в нормативно-правовой и методической базе агрострахования с государственной поддержкой, что находит отражение в динамике спроса на услуги страхования в сельском хозяйстве.

Как для России, так и для остальных стран интеграционного сотрудничества развитое агрострахование может стать эффективным механизмом управления рисками, который будет способствовать устойчивому развитию агропроизводства. В рамках Евразийского экономического союза это может быть достигнуто за счет интеграции национальных систем сельскохозяйственного страхования, что возможно при создании соответствующих институцио-

нальных условий в каждом из государств. В целом, на наш взгляд, требуется совершенствование подходов к регулированию страховой деятельности, внесение корректировок в нормативно-правовое поле агрострахования [34]. Это позволит заложить основу для междуна-

родного сотрудничества и унификации страхового регулирования с целью возможности корреспондирования систем друг с другом, чтобы в перспективе можно было реализовать межгосударственное перестрахование рисков в сельскохозяйственной отрасли.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 11.04.2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 20.06.2020).
2. Евразийский экономический союз в цифрах 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2019.pdf (дата обращения: 25.06.2020).
3. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2018 г. Евразийская экономическая комиссия. 2019. 9 с.
4. Ермолова О. В., Остапенко Т. В. Развитие интеграционных взаимодействий в агропродовольственном комплексе на пространстве ЕАЭС // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 1. С. 24-33.
5. Анализ действующих систем регулирования агропродовольственного рынка в государствах-членах ЕАЭС в части налогообложения, кредитования, страхования, ценового регулирования и разрешительной системы. Евразийская экономическая комиссия. Москва 2015. 31 с.
6. Прокопчук Е. Т. Мировой опыт государственного регулирования рынка агрострахования (исследование литературы) // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 33. С. 1997 – 2014.
7. Вerezubova T. A., Mukhitbekova A. M. Сравнительный анализ моделей агрострахования в Беларуси и Казахстане // Проблемы агрорынка. Июль-сентябрь 2018. С. 141 – 148.
8. Небольсина Е. В. ЕврАзЭС: интеграция страховых рынков: монография; науч. ред. Р.Т. Юлдашев, С. Н. Асабина. М.: МГИМО - Университет, 2013. 218 с.
9. Сплетухов Ю. А. Страховые рынки государств — членов ЕАЭС: современное состояние и эффективность // Финансовый журнал, 2017. № 2. С.105-114.
10. Verezubova T., Zhichkin K., Mukhitbekova A., Penkin A., Zhichkina L. Comparative analysis of plant growth risks insurance in the Eurasian Economic Union countries. BIO Web of Conferences. 2020.
11. Кадомцева М. Е. Влияние несовершенства нормативно-правового поля на эффективность агрострахования с государственной поддержкой // Факторы успеха. 2019. №1 (12). С. 10-15.
12. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан <http://www.cisstat.com/rus/kaz1.htm> (дата обращения: 20.06.2020).
13. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва: 2018. 132 с.
14. Bogdanov A.V., Yusupova G. G., Romanova I. P., Latypov S. K., Krivolapov D. B., Mironov V. F., Sinyashin O. G. A convenient deoxygenation-dimerization-[1+2]-cycloaddition synthetic sequence from ω -bromoalkylisatins to indolin-2-onemethanofullerenes bearing isoindigo moiety // Synthesis. 2013. V. 45. Iss. 5. P. 668-672.
15. Указ Президента Республики Беларусь №90 от 16.03.2017 г. «О страховании урожая сельскохозяйственных культур, скота и птицы в 2017 году» URL: http://www.minfin.gov.by/upload/insurance/acts/ukaz_160317_90.pdf (дата обращения: 24.06.2020).
16. Шабуня Л. Обоснование необходимости применения агрострахования для повышения финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций республики Беларусь // Аграрная экономика. 2019. №1. С. 48 – 56.
17. Белорусская ассоциация агростраховщиков <http://belasin.by/news.aspx?id=2200&AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 21.06.2020).
18. Статистическая информация о состоянии рынка страховых услуг Республики Беларусь URL: <http://www.minfin.gov.by/supervision/stat/2018/stat/22444ef24d5b418f.html> (дата обращения: 20.06.2020).
19. Федеральный закон от 19.12.2016 № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», статья «Субсидии на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса (Межбюджетные трансферты)» URL: <http://base.garant.ru/71570266/> (дата обращения: 20.06.2020).

20. Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса (приложение № 9 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71660580/> (дата обращения: 21.06.2020).
21. Калюк В. И. Состояние агрострахования в странах ЕАЭС // Сельское хозяйство - проблемы и перспективы. Гродно: ГГАУ, 2018. Т. 43: Экономика (вопросы аграрной экономики). С.130-138
22. Правила № 31 добровольного страхования сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений (Согласовано Министерством финансов Республики Беларусь 03.03.2004, рег. № 111, с изменениями и дополнениями от 26.02.2007 №743, от 21.03.2008 №191, от 06.05.2014 №229) URL: <http://bgs.by/files/files/31.pdf> (дата обращения: 24.06.2020).
23. Закон Кыргызской Республики от 26 января 2009 года № 31 Об особенностях страхования в растениеводстве URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202550?cl=ru-ru> (дата обращения: 20.05.2020).
24. Кадомцева М. Е., Нейфельд В. В. Оценка зависимости количества внесенных минеральных и органических удобрений от реализации программ агрострахования землепользователей // Аграрный научный журнал. 2020. № 3. С. 16-22.
25. Кусаинова А. Б., Дробышевский А. А. Повышение эффективности государственной поддержки сельского хозяйства в условиях общего аграрного рынка ЕАЭС// Торговая политика. 2017. № 3/11.
26. Прокопчук Е. Т. Мировой опыт государственного регулирования рынка агрострахования (исследование литературы) // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 33. С. 1997 – 2014.
27. Нейфельд В. В., Алиева Д. М. Перспективы применения географических информационных систем в сельскохозяйственном страховании с государственной поддержкой // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 1. С. 69-75.
28. Федеральный закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»» от 25.07.2011 N 260-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117362/ (дата обращения: 20.06.2020).
29. Бурлаков В. Б., Кадомцева М. Е. Обоснование необходимости развития кооперативного агрострахования// Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 2. С. 14-17.
30. Статистические данные по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, многолетних насаждений и сельскохозяйственных животных с государственной поддержкой в 2012 – 2016 гг. М.: 2017. 68 с.
31. Кадомцева М. Е. Исследование межрегиональных различий развития страхования сельскохозяйственных рисков в растениеводстве // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 245-263.
32. Стомба Е. В. , Лукьянова М. Т., Ковшов В. А. Проектирование стратегии устойчивого развития сельских территорий региона на основе форсайт-технологий // Управление устойчивым развитием. 2020. № 1 (26). С. 17-24.
33. Тимофеева Н.С. Стратегическое планирование устойчивого развития сельских территорий региона // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 78-84.
34. Исследование подходов к гармонизации законодательства на страховых рынках Евразийского экономического союза /Под ред. д.э.н. И.Н. Рыковой. Научный доклад. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. 62 с.

Сведения об авторе:

©**Кадомцева Марина Евгеньевна** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды АПК, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук (ИАГП РАН), Российская Федерация, Саратов, e-mail: kozyreva_marina_@mail.ru.

Information about the author:

©**Kadomtseva Marina Yevgenievna** – PhD in Economics, senior research fellow, laboratory for the development strategy of the institutional environment of the agro-industrial complex, Federal State Budget Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Saratov, e-mail: kozyreva_marina_@mail.ru.

А. И. Мишурова, О. В. Солдаткина

КРИТЕРИИ ОБОСНОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ ДИСЛОКАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура, логистический центр, оптимальная дислокация, грузооборот, Оренбургская область

В статье рассматриваются критерии, с помощью которых можно обосновать необходимость дислокации логистического центра, который создается с целью повышения эффекта от интеграции и координации деятельности внутренних резидентов, так и внешних контрагентов и конечных потребителей. Главное преимущество логистического центра заключается в появлении возможности сокращения издержек транспортировки и хранения товаров за счет предоставления единой комплексной услуги и реализации принципа мультимодальности, который означает смену вида транспорта при осуществлении грузоперевозки в целостной грузовой единице. Современное экономико-политическое развитие Российской Федерации предполагает создание и развитие логистических центров в виде фокусных компаний, которые управляют товарно-материальными и сопутствующими потоками на пути продвижения продукции по новым транспортным маршрутам. Критерии обоснования оптимальной дислокации логистического центра рассмотрены на примере Оренбургской области, в которой имеется разветвленная транспортная система, а также проходят транзитные грузовые потоки в направлении Нового Шелкового пути. Изучаются транспортные пути, и анализируется динамика перевезенных грузов и грузооборота в Оренбургской области. В связи с тем, что, Оренбургская область имеет такие конкурентные преимущества, как приграничное положение и транспортную доступность к странам Средней Азии, в работе рассмотрена возможность усиления внешнеэкономической интеграции с данными странами и специфика состояния их транспортной инфраструктуры посредством создания логистического центра. Обосновывается возможность оценки уровня состояния автомобильной инфраструктуры Оренбургской области на основании величин коэффициента Гольца, являющегося наиболее оптимальным инструментом оценки уровня транспортного развития территорий для каждой административно-территориальной единицы анализируемого региона. Использование расчётов коэффициента Гольца на основании статистических данных для административно-территориальных единиц Оренбургской области обобщены посредством картографического метода. На основании экономико-математического метода центра тяжести определяется оптимальное место дислокации потенциального логистического центра, фиксируются его параметры и оценивается экономическая эффективность создания. В работе делается вывод, полученное расчетным путем местоположение потенциального логистического центра является оптимальным как с позиции местонахождения транспортных узлов, так и с точки зрения возможностей подключения к ж/д сообщению.

А. I. Mishurova, O. V. Soldatkina

CRITERIA FOR JUSTIFICATION OF OPTIMAL DISLOCATION OF A LOGISTIC CENTER ON THE EXAMPLE OF ORENBURG REGION

Keywords: transport and logistics infrastructure, logistics center, optimal deployment, cargo turnover, Orenburg region

The article discusses the criteria that can be used to justify the need for the location of a logistics center, which is necessary for the effective integration and coordination of the activities of all internal residents, as well as external contractors and end users. The key advantage of the logistics center is the ability to reduce the costs of transporting and storing goods by providing a single integrated service and implementing the principle of multimodality, i.e. changing the mode of transport when carrying out cargo transportation in an integral cargo unit. The realities of the modern economic and political development of the Russian Federation actualize the need for the creation and development of logistics centers as focal companies that manage inventory and associated flows on the way to promoting products along new transport routes. The criteria for justifying the optimal location of the logistics center are considered on the example of the Orenburg region, which has an extensive transport system, and also transit freight flows in the direction of the New Silk Road. Transport routes are studied and the dynamics of transported

goods and freight turnover in the Orenburg region is analyzed. Due to the fact that the Orenburg region has such competitive advantages as a border position and transport accessibility to the countries of Central Asia, the work considers the possibility of strengthening foreign economic integration with these countries and the specifics of the state of their transport infrastructure by creating a logistics center. The possibility of assessing the state of the automotive infrastructure of the Orenburg region based on the values of the Goltz coefficient, which is the most optimal tool for assessing the level of transport development of territories for each administrative-territorial unit of the analyzed region, is substantiated. The use of calculations of the Goltz coefficient based on statistical data for the administrative-territorial units of the Orenburg region is summarized using the cartographic method. On the basis of the economic and mathematical method of the center of gravity, the optimal location of the potential logistics center is determined, its parameters are fixed and the economic efficiency of creation is assessed. The paper concludes that the calculated location of the potential logistics center is optimal both from the position of the location of transport hubs and from the point of view of the possibilities of connecting to the railway communication.

В рамках современной парадигмы глобализации экономических процессов в мировой практике прослеживается устойчивая тенденция к увеличению объема и повышению качества услуг транспортно-логистической инфраструктуры [1]. В данном аспекте приоритетным направлением пролификации указанной системы выступает совершенствование методологических аспектов создания и функционирования такого вида инфраструктуры, как логистический центр. Главной задачей логистического центра является эффективная интеграция и координация деятельности всех внутренних резидентов, а также внешних контрагентов и конечных потребителей [5].

Проект создания логистического центра – это инвестиционный инфраструктурный проект, который реализуется на имеющихся складских мощностях (brownfield) или на свободной земле (greenfield), которая подходит для строительства и развития данного вида инфраструктуры.

Формирование концепции создания логистического центра начинается с проведения предварительного поиска его оптимальной дислокации, или наилучшего размещения на основании:

- критериев состояния транспортной инфраструктуры (как фактора потенциальной доступности обслуживающих структур/объектов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования данной системы, и активизации эксплуатации различных видов средств транспортировки в целях реализации принципа мультимодальности);

- критериев выбора местоположения логистического центра (как фактора установления оптимальной дислокации объектов инфраструктуры в целях осуществления продуктивной дистрибуции и эффективного перераспределения товаропотоков) [5, 9].

Далее рассмотрим критерии обоснования оптимальной дислокации логистического центра на примере Оренбургской области, в которой логистический центр пока не создан.

Оренбургская область относится к одному из самых крупнейших приграничных регионов Российской Федерации с территорией 124 тыс. кв. км и численностью населения – 1977,72 тыс. человек. Область входит в Приволжский федеральный округ [10, 11].

Оренбургская область обладает разветвленной транспортной системой, которая включает предприятия железнодорожного, автомобильного, воздушного и трубопроводного транспорта. Через регион проходят транзитные грузовые потоки в направлении Нового Шелкового пути.

Основные автомобильные транспортные направления с указанием Нового Шелкового пути (от г. Санкт-Петербурга в Российской Федерации до г. Ланьчжоу в Китае) представлены на рисунке 1 (расположение транспортных путей реализовано посредством сервиса «MyMaps.Google»).

Благодаря транзитной артерии Нового Шелкового пути и магистральным путям Оренбургская область обладает ключевыми транспортными выходами к странам ЕС, странам Средней Азии – Республике Казахстан и Китай, а также значимым крупным регионам РФ и ПФО – Республике Татарстан, Башкортостан и Челябинской области на севере, Самарской и Московской области – на западе (главными автодорогами регионального значения с твердым покрытием являются А-300, А-305, М-5, Р-239, Р-240). Однако центральные и приграничные районы запада не имеют доступа к магистральной инфраструктуре. Протяженность государственной границы с Республикой Казахстан составляет 1876 км [10]. Вследствие своего приграничного положения и тесного соседства с Республикой Казахстан, регион обладает возможностями транспортного соединения с Республикой Узбекистан и Киргизской Республикой.

Основные направления железнодорожных сетей и ключевых аэропортов, аэродромов представлены на рисунке 2.

Рис. 1 – Автомобильные транспортные пути Оренбургской области

Рис. 2 – Железнодорожные пути и аэропорты Оренбургской области

На территории области железнодорожный транспорт представлен организациями – филиалами ОАО «Российские железные дороги» – Южно-Уральская железная дорога (соединяющая западные и восточные муниципальные районы Оренбургской области от г. Бузулука до пос. Шильда и пос. Светлый) и Куйбышевская железная дорога (находящаяся в подчинении Самарского отделения и проходящая от г. Бугуруслана до г. Абдулино на западе), а также филиалом АО «НК «Казахстан темір жолы» – Казахстанская железная дорога (соединяющая г. Соль-Илецк с г. Актюбинском с одной стороны и с г. Уральском с другой на юге области). Однако часть муниципальных

районов Оренбургской области не охвачена железнодорожным сообщением.

Авиатранспорт Оренбуржья представляет авиакомпания «Оренбуржье», которая является коммерческим брендом ГУП Оренбургской области «Аэропорт Оренбург», выполняющая регулярные региональные авиaperевозки в регионы Поволжья и Южного Урала. На территории Оренбургской области имеются 2 аэропорта «Оренбург» и «Орск», а также аэродромы Бугуруслан, Бузулук, Чебеньки, Оренбург-2, Светлый, Адамовка, Ясный (эксплуатируемые летными училищами, аэроклубами или находящиеся в ведомстве военных подразделений).

Транспортная сеть области состоит из 1454 км. магистральных железнодорожных путей общего пользования, 25,5 тыс. км. автомобильных дорог с твердым покрытием. По показателю плотности железные дороги общего пользования области достигли значения в 11,7 на 1000 кв. км, и это в 2,2 раза больше, чем в среднем по Российской Федерации, однако по этому показателю Оренбургская область находится на 10 месте среди 14 регионов ПФО, ус-

тупая Республике Татарстан и опережая Республику Башкортостан [11]. Динамика объемов перевезенных грузов за период 2014-2019 гг. по видам транспорта представлена на рисунке 3.

Стоит отметить, что за анализируемый период отмечается сокращение объемов перевозок грузов в целом к 2019 г. на 20,3%, что отражает снижение спроса на услуги транспортировки. Динамика объемов грузооборота по видам транспорта представлена на рисунке 4.

Рис. 3 – Динамика объемов перевезенных грузов Оренбургской области за 2014-2019 гг., млн. т., %

Рис. 4 – Динамика грузооборота по видам транспорта Оренбургской области за 2014-2019 гг., млн. т*км, %

На основании рисунка 4 представляется возможным сделать следующие выводы:

- наблюдается существенное снижение грузооборота автомобильного транспорта на 60,8 % в 2019 г., что характеризуется сокраще-

нием расстояний грузоперевозок, совершаемых посредством грузовых автомобилей;

- отмечается стабильность динамики роста грузооборота железнодорожного транспорта на протяжении анализируемого периода.

Вследствие данных выявленных аспектов, приоритетным видом транспорта для совершения грузоперевозок в Оренбургской области выступает железнодорожный. Данному положению способствует ряд факторов:

- преимущество варьирования размеров ж/д тарифов в зависимости от филиальной принадлежности путей сообщения (возможность оптимизировать транспортные издержки при совершении грузоперевозок в Республику Казахстан, которая является одним из крупнейших внешнеэкономических торговых партнеров Российской Федерации и Оренбургской области, за счёт отправки грузов со станции Илецк в районе г. Соль-Илецк в ведомстве Казахстанских железных дорог, что позволяет совершать грузоперевозки не по тарифам ЕАЭС, СНГ, а по тарифам национального законодательства Республики Казахстан);

- наличие ж/д сообщения в муниципальных районах присутствия основных участников ВЭД – местных производственных организаций;

- снижение качества состояния автомобильной инфраструктуры (в Оренбургской области за период 2013-2018 гг. наблюдается рост доли автомобильных дорог с неусовершенствованным покрытием на 22 %, а также дорог, не отвечающим нормативным требованиям – на 27

% за период; при этом затраты на содержание 1 км дорог с твёрдым покрытием, за исключением федеральных, в 2018 г. составили 435 тыс. руб., что ниже, чем в большинстве регионов ПФО) [11, 12].

Поскольку ключевыми преимуществами Оренбургской области выступают приграничное положение и транспортная доступность к странам Средней Азии (Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Киргизской Республике и, потенциально, Китаю), рассмотрим возможность усиления внешнеэкономической интеграции с данными странами и специфику состояния их транспортной инфраструктуры посредством создания логистического центра.

Республика Казахстан во внешнеэкономической деятельности Оренбургской области является 3-м по важности торговым партнером с удельным весом в общем объеме товарооборота 10,9 % по результатам 2019 г. (что в стоимостной оценке составляет 218,5 млн. долл.) [13]. Территория Республики Казахстан характеризуется разветвленной магистральной сетью автомобильных дорог, протяженность которых составляет 83240 км, суммарное расстояние ж/д путей – 16061 км [4].

Динамика объемов перевозок грузов по видам транспорта Республики Казахстан представлена на рисунке 5.

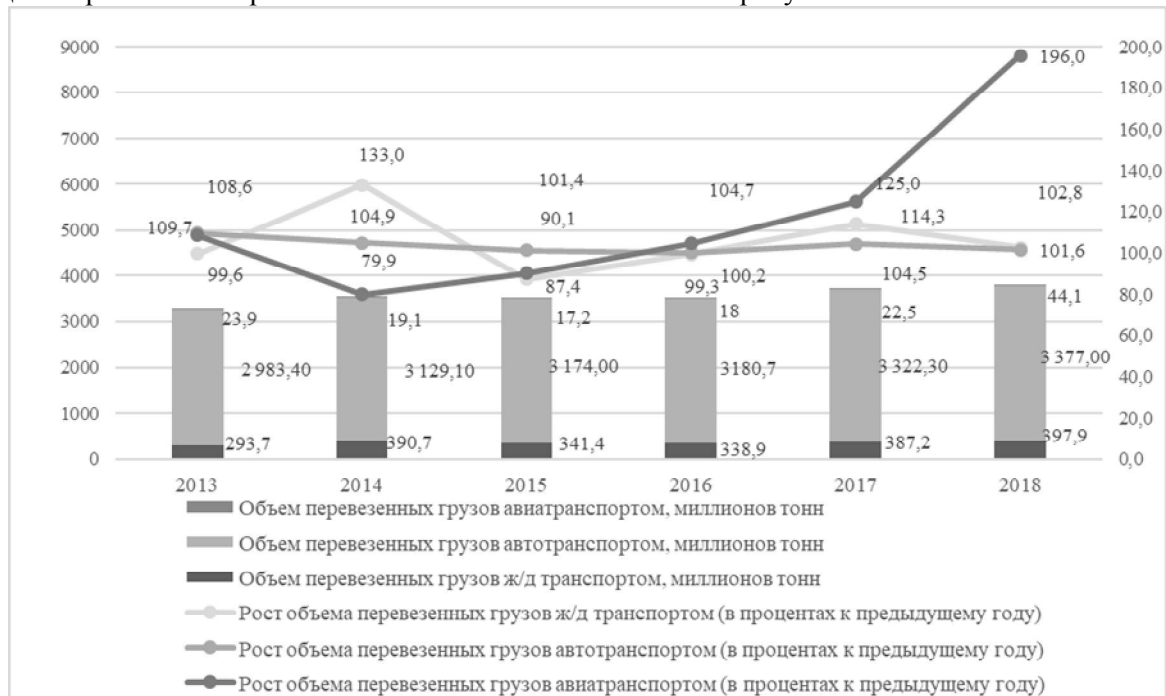

Рис. 5 – Динамика объемов перевозок грузов по видам транспорта Республики Казахстан, 2013-2018 гг.

Рис. 6 – Динамика грузооборота Республики Казахстан по видам транспорта, 2013-2018 гг.

Согласно данным рисунка 6 можно сделать вывод, что наибольший удельный вес в 2018 г. в объеме грузоперевозок отмечается в части автотранспорта (88,4 %), в уровне грузооборота – в части ж/д транспорта (53,8 %), что характеризует использование автотранспорта для перевозки грузов на менее протяженные расстояния, но большие по суммарному объему, чем при эксплуатации ж/д транспорта.

Республика Узбекистан во внешнеэкономической деятельности Оренбургской области является 5-м по важности торговыми партнером с

удельным весом в общем объеме товарооборота 5,4 % по результатам 2019 г. (что в стоимостной оценке составляет 108,7 млн. долл.) [6]. Территория Республики Узбекистан характеризуется менее развитой магистральной сетью автомобильных дорог с твердым покрытием, протяженность которых составляет 42100 км, суммарное расстояние ж/д путей – 6200 км [8]. Динамика объемов перевозок грузов по видам транспорта Республики Узбекистан представлена на рисунке 7.

Рис. 7 – Динамика объемов перевозок грузов Республики Узбекистан по видам транспорта, 2014-2019 гг.

Следовательно, на основании представленного рисунка 7, стоит отметить стабильный

рост объемов перевозок грузов Республики Узбекистан автотранспортом в целом к 2019 г. на

35,4 %, что отражает устойчивый рост спроса на услуги авто- транспортировки. Приоритетным видом транспорта для грузоперевозок яв-

ляется автомобильный. Динамика объема грузооборота Республики Узбекистан представлена на рисунке 8.

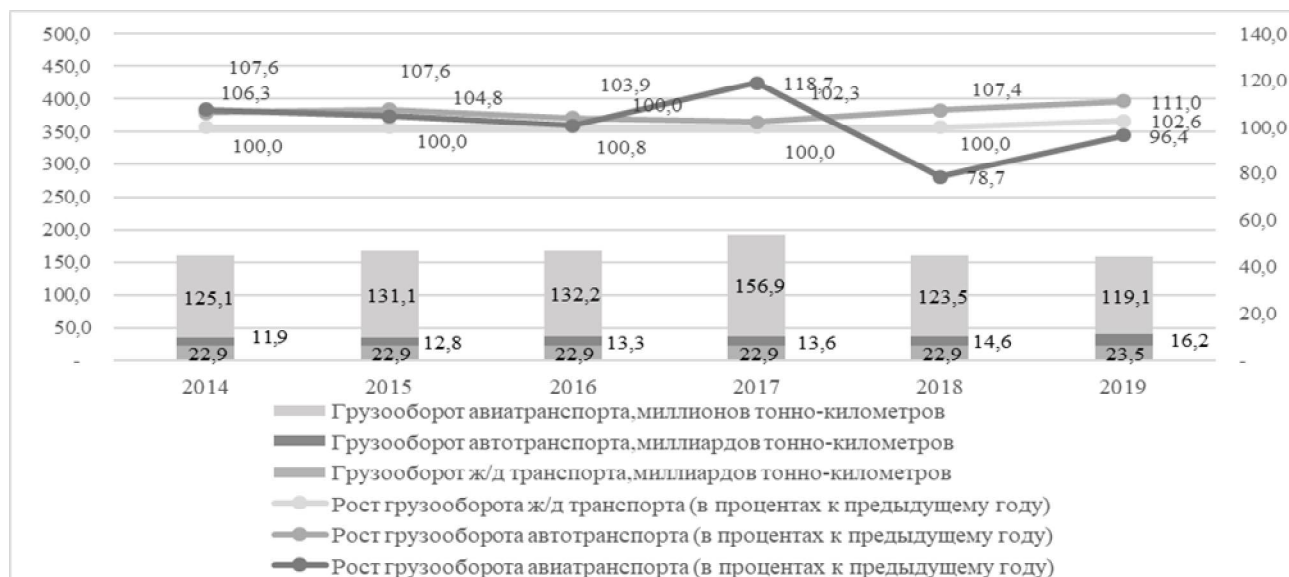

Рис. 8 – Динамика объема грузооборота Республики Узбекистан по видам транспорта, 2014-2019 гг.

Согласно данным рисунка 8, наибольший удельный вес в 2019 г. в объеме грузоперевозок Республики Узбекистан наблюдается в части автотранспорта (94,4 %), в уровне грузооборота – в части ж/д транспорта (59 %), что характеризует использование автотранспорта для перевозки грузов на менее протяженные расстояния, но большие по суммарному объему, чем при эксплуатации ж/д транспорта.

Киргизская Республика во внешнеэкономической деятельности Оренбургской области является 9-м по важности торговыми партнером с удельным весом в общем объеме товарооборо-

та 3,8 % по результатам 2019 г. (что в стоимостной оценке составляет 75,4 млн. долл.) [12]. Территория Киргизской Республики характеризуется менее разветвленной и слабо развитой магистральной сетью автомобильных дорог с твердым покрытием, протяженность которых составляет 7 228 км, и низким обеспечением районов системой ж/д сообщения: суммарное расстояние ж/д путей – 424 км [6]. Динамика объемов перевозок грузов по видам транспорта Киргизской Республики представлена на рисунке 9.

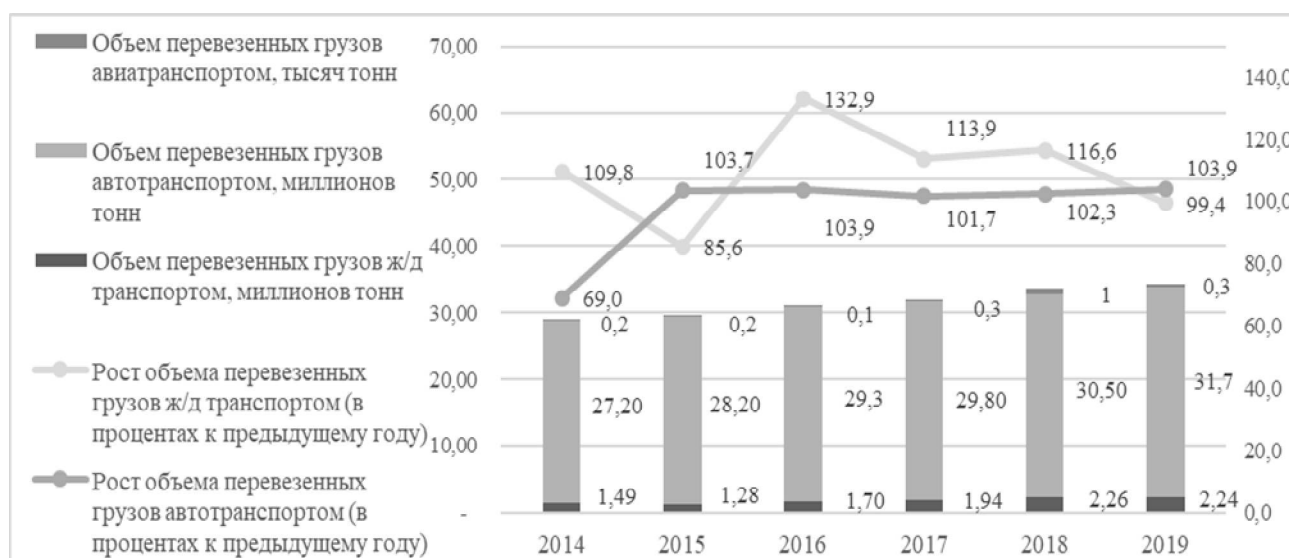

Рис. 9 – Динамика объемов перевозок грузов Киргизской Республики по видам транспорта, 2014-2019 гг.

Стоит отметить, что динамика объемов перевозок грузов Киргизской Республики отмечается стабильностью в целом за период 2014-2019 гг. Данное положение отражает устойчивый спрос на услуги транспортировки, а также низкий удельный вес объемов перевозки грузов авиатранспортом. Приоритетным видом

транспорта, используемого в качестве средства для осуществления грузоперевозок, также выступает автомобильный.

Динамика объемов грузооборота Киргизской Республики представлена на рисунке 10

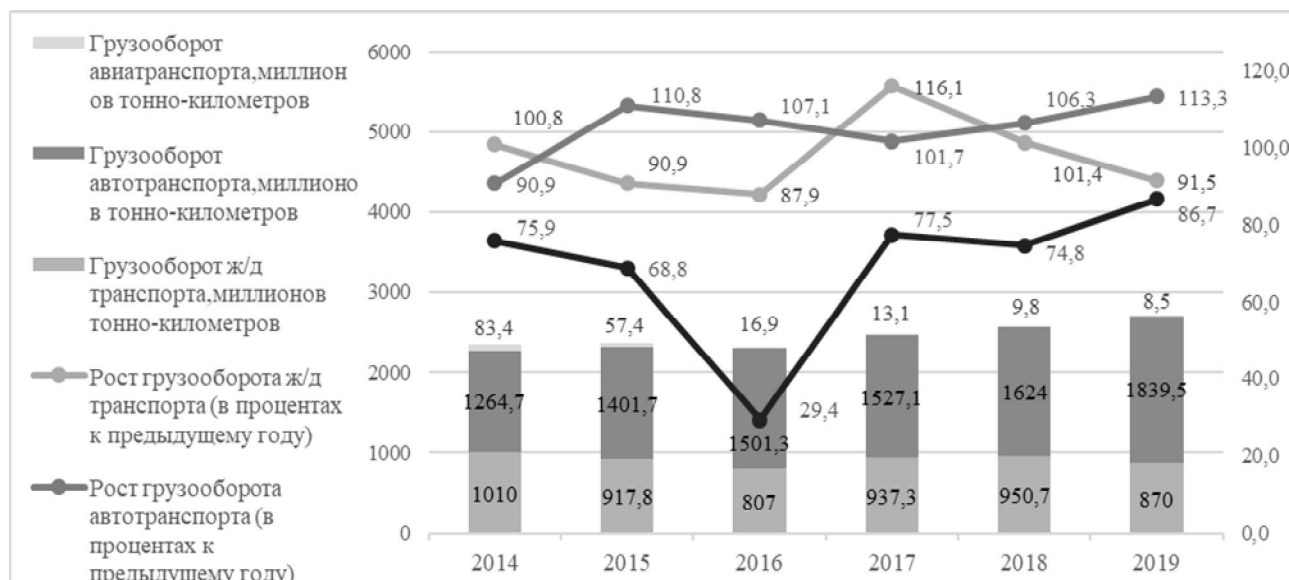

Рис. 10 – Динамика грузооборота по видам транспорта, 2014-2019 гг.

На основании представленных данных на рисунке 10, стоит отметить, что:

- наблюдается существенное снижение грузооборота авиатранспорта на 89,8 % к 2019 г. (по сравнению с уровнем показателя в 2014 г.), что характеризуется сокращением расстояний грузоперевозок;

- отмечается стабильность динамики роста грузооборота и объемов грузоперевозок автотранспорта на протяжении анализируемого периода.

Таким образом, согласно аналитическим данным перевозок грузов и грузооборота было выявлено, что в выделенных странах Средней Азии приоритетным видом грузового транспорта является автомобильный; наименее развитым видом транспорта выступает воздушный, в связи с чем при определении местоположения потенциального логистического центра в Оренбургской области необходимо руководствоваться, в первую очередь, данными о развитии автомобильной инфраструктуры.

Поэтому представляется возможным оценить уровень состояния автомобильной инфраструктуры Оренбуржья на основании «расчета величины коэффициента Гольца для каждой административно-территориальной единицы исследуемого региона с помощью формулы (1):

$$d = \frac{L}{\sqrt{S \cdot P}}, \quad (1),$$

где L – общая длина транспортных путей;

S – площадь территории;

P – число населенных пунктов [2].

Коэффициент Гольца является одним из наиболее эффективных инструментов, применяемых для оценки уровня транспортного развития территорий, так как на развитие транспортной инфраструктуры области оказывают влияние следующие факторы:

- географический – выгодное с точки зрения развития видов транспорта географическое положение;

- ресурсный – наличие в регионе природных ресурсов, использование которых способствует развитию транспортных артерий;

- расселенческий – большая площадь территории, удаленность районных центров и т.д.» [2].

Результаты расчётов коэффициента Гольца на основании статистических данных для административно-территориальных единиц Оренбургской области обобщены посредством картографического метода и представлены на рисунке 11.

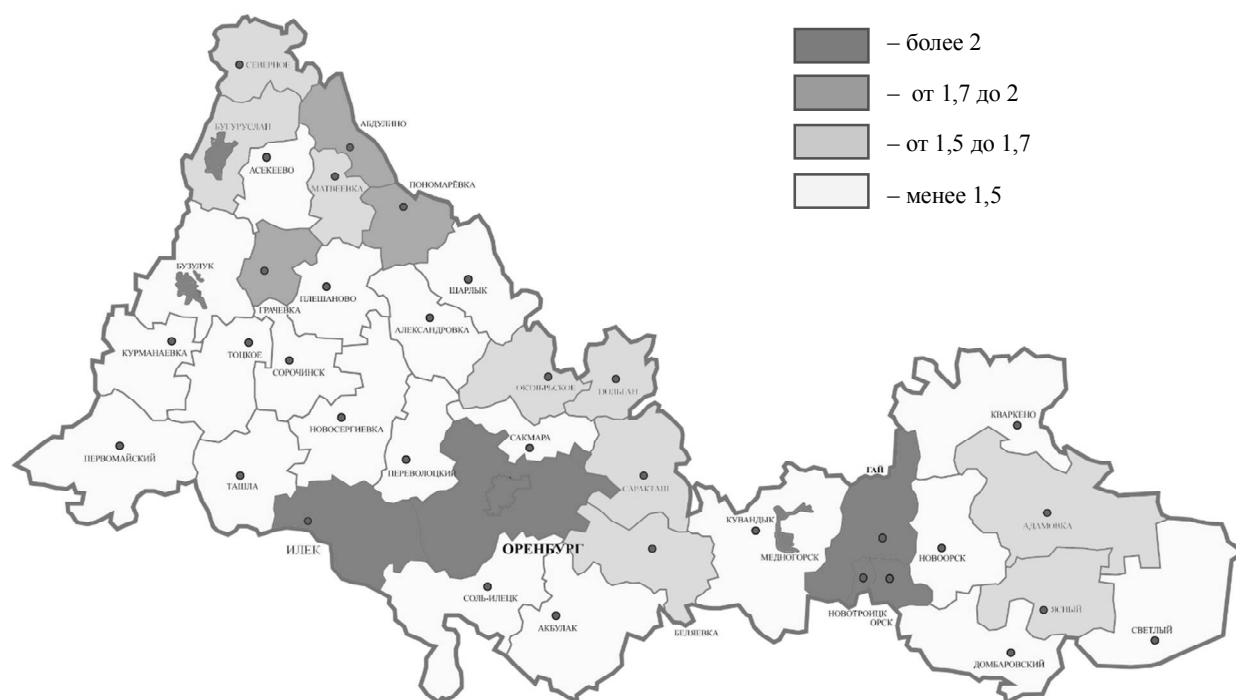

Рис. 11 – Районирование территории Оренбургской области по уровню развития авто-транспортной инфраструктуры

Реализованное районирование территории Оренбургской области по уровню развития автотранспортной инфраструктуры показало, что наиболее перспективными в целях осуществления грузоперевозок автомобильным транспортом являются такие административно-территориальные единицы, как города областного подчинения (г. Оренбург, г. Орск, г. Бузулук, г. Бугуруслан, г. Новотроицк и г. Медногорск), а также Оренбургский, Гайский и Илекский муниципальные районы, коэффициент Гольца в которых превышает значение 2. К менее обеспеченным автомобильными дорогами районам относятся субъекты, которые граничат с Республикой Казахстан, такие как: Первомайский, Соль-Илецкий, Акбулакский, Ташлинский, Кувандыкский, Домбаровский и Светлый. Низкий уровень обеспеченности качественными автомобильными дорогами в муниципальных образованиях Оренбургской области приводит к торможению их социально-экономического развития, и не соответствует потребностям хозяйствующих организаций региона и достаточному уровню развития транзитного потенциала приграничной территории [2].

Далее перейдем к оценке критериев выбора местоположения логистического центра. Данные критерии помогают провести оценку привлекательности логистической зоны, в которой планируется создать подобного вида инфраструктуру. Принятие решения о выборе оп-

тимального места дислокации логистического центра является сложной экономико-математической задачей [3]. Это связано с тем, что эта задача является многофакторной, а большинство критериев, которые влияют на выбор местоположения, формализовать затруднительно [10]. Поскольку приоритетным видом транспорта в рамках рассматриваемой концепции повышения уровня транзитного потенциала и укрепления внешнеэкономических связей Оренбургской области со странами Средней Азии был установлен автомобильный транспорт, проведём поиск оптимальной дислокации по методу центра тяжести на основании статистических данных об объемах грузоперевозок, осуществляемых по территории Оренбургской области в рамках административно-территориальных делений данным видом транспорта. Данный метод позволяет оптимизировать размещение логистического центра посредством определения координат центра тяжести грузовых потоков (х-склад, у-склад), то есть точки, в которой может быть размещен центр [3]. Расчёты оптимальной широты и долготы местонахождения потенциального логистического центра проводятся по следующим формулам (2) и (3):

$$x_0 = \frac{\sum_{i=1}^n G_i x_i}{\sum_{i=1}^n G_i}, \quad (2)$$

$$y_0 = \frac{\sum_{i=1}^n G_i y_i}{\sum_{i=1}^n G_i} \quad (3)$$

где x_0 и y_0 – искомые географические координаты оптимальной дислокации логистического центра;

x_i и y_i – географические координаты пунктов назначения-отправления грузоперевозок/расположения потенциальных потребителей;

G_i – объем грузоперевозок, осуществленных за определенный период в указанном пункте [3].

С помощью сервиса «Яндекс. Карты» были определены данные широты и долготы каждого административно-территориального деления Оренбургской области, объем грузоперевозок в разрезе субъектов предоставлен Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Расчетные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Расчеты по методу «центра тяжести» для определения оптимальной дислокации логистического центра в Оренбургской области

Административно-территориальная единица (городской округ/ муниципальный район/ город)	G (объем перевозок грузов, тыс. тонн)	x (широта)	y (долгота)	x*G	y*G
Абдулинский	21	53,701897	53,553641	1127,7398	1124,6
город Бугуруслан	40	53,6523	52,432606	2146,092	2097,3
город Бузулук	671	52,788116	52,262438	35420,826	35068,1
Гайский	584	51,401878	58,379202	30018,697	34093,5
Кувандыкский	55	51,332134	57,426538	2823,2674	3158,5
город Медногорск	14	51,403794	57,58324	719,65312	806,2
город Новотроицк	47	51,196417	58,301767	2406,2316	2740,2
город Оренбург	4057	51,768199	55,096955	210023,58	223528,4
город Орск	1029	51,229362	58,475196	52715,013	60171,0
Соль-Илецкий	294	51,100806	54,406456	15023,637	15995,5
Сорочинский	121	52,348166	53,301052	6334,1281	6449,4
Ясненский	29	51,096021	60,214298	1481,7846	1746,2
Адамовский	86	51,516409	59,935416	4430,4112	5154,4
Александровский	81	52,604773	54,401039	4260,9866	4406,5
Асекеевский	12	53,435491	52,968065	641,22589	635,6
Бугурусланский	202	53,653842	52,587781	10838,076	10622,7
Домбаровский	49	50,784728	59,307826	2488,4517	2906,1
Кваркенский	146	52,259512	59,411231	7629,8888	8674,0
Курманаевский	635	52,341729	51,801683	33236,998	32894,1
Новоорский	20	51,435484	59,10911	1028,7097	1182,2
Октябрьский	37	51,265135	58,452387	1896,81	2162,7
Оренбургский	709	51,495011	54,700933	36509,963	38783,0
Сакмарский	187	52,058428	55,241027	9734,926	10330,1
Саракташский	179	51,841654	56,306456	9279,6561	10078,9
Ташлинский	218	51,797049	52,811093	11291,757	11512,8
Тоцкий	48	52,323062	52,55404	2511,507	2522,6
Тюльганский	36	52,360162	56,08556	1884,9658	2019,1
Шарлыкский	220	52,90073	54,807823	11638,161	12057,7
Итого:	9827	51,851343	55,247913	-	-

На основании данных таблицы 1 удалось установить, что оптимальные координаты дислокации логистического центра равны (51,85134281; 55,24791342); точка относится к Оренбургскому району, а именно – пригороду

г. Оренбурга. Данное местоположение является оптимальным как с позиции местонахождения транспортных узлов, так и с точки зрения возможностей подключения к ж/д сообщению, кроме того, он будет расположен на террито-

рии, позволяющей предоставлять логистические услуги развитым отраслям локации и иметь инфраструктуру, соответствующую его функциональному содержанию.

Таким образом, сегодня экономика Оренбуржья развивается по энергосырьевому сценарию развития, который предполагает ускоренное стимулирование инфраструктуры транспорта и логистики не только с целью наращивания топливно-сырьевого экспорта, но и для диверсификации внешнеторгового товарооборота направленного на несырьевой экспорт. Больше перспективы существуют у реализации двух вариантов развития транспортно-логистической инфраструктуры (инерционного и инновационного), обеспечивающих транзитный потенциал экономики в условиях трансграничного сотрудничества Оренбургской области со странами Средней Азии.

Географию транспорта Оренбуржья в настоящее время можно охарактеризовать как неравномерную, имеющую большое расстояние между населёнными пунктами с низким процентом обеспеченности автомобильными дорогами с асфальтовым покрытием. Вместе с тем, этот регион занимает выгодное географическое положение, относительно ровный рельеф, богатую природно-ресурсную базу, что является необходимым условием для развития транспортно-логистической инфраструктуры, и главным приоритетом социально-экономического развития региона и страны в целом. Создание и развитие международных магистральных сетей, таких, как Западный Китай – Европа должно быть сопряжено и с решением социально-экономических проблем в тех административно-территориальных единицах –

местах прохождения маршрута. Региональные территории получают выгоду от её инфраструктурных, логистических и туристских функций [2, 5].

Для того чтобы реализовать процесс социально-экономического развития области планируется сформировать прогрессивный транспортно-логистический комплекс, который будет соответствовать потребностям, направленным на повышение качества жизни населения и укрепление межхозяйственных, межрегиональных и внешнеэкономических связей. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры Оренбургской области приведет к снижению транспортных издержек, образующихся при формировании логистических потоков, будет способствовать высокому уровню качества и доступности транспортных услуг и логистических операций, создаст предпосылки для увеличения объемов транзитного движения грузов. Кроме транзитной функции новая транспортная артерия будет использоваться в регионе для роста собственного экономического потенциала в различных сферах [2]. Формирование региональной транспортно-логистической инфраструктуры обеспечит рост производственного потенциала области, приведет к модернизации в сфере транспорта и логистики, а также повысит инвестиционную активность финансово-хозяйствующих субъектов. Все это ускорит интеграционные процессы в стране и области, приведет к созданию более прочных международных связей, а также повысит эффективность взаимодействия органов власти, крупных производителей и субъектов малого и среднего предпринимательства.

Литература

1. Болодурина М. П., Мишурова А. И. Концептуальные основы формирования и развития транспортно-логистической инфраструктуры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 2 (371). С. 240-257.
2. Григоревский Д. В., Чибилев А. А. (мл.) Анализ транспортной инфраструктуры Оренбургской области // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург: ООО «Компания ПОЛИГРАФИСТ», 2015. №8(39). С.34-37.
3. Гусев С. А. Проблемы определения местоположения склада // Логистика. 2015. №2. С. 53-55.
4. Комитет статистики Республики Казахстан. Режим доступа: URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 28.04.2020).
5. Курова А. Ю. Методология анализа и проектирования логистических центров // Вестник университета (Государственный университет управления). М.: ГУУ, 2015. №10. С. 121-126.
6. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/> (дата обращения: 28.04.2020).
7. Попов П. В., Мирецкий П. В. Методология построения логистической инфраструктуры на территории региона // Экономика региона. 2019. Т. 15, №2. С. 483-492.
8. Портал открытых данных Республики Узбекистан. URL: <https://data.gov.uz/ru> (дата обращения: 28.04.2020).

9. Сергеев В. И. Концептуальные подходы к проектированию и классификация логистических центров // Логистика и управление цепями поставок. 2014. № 4. С. 8-20.
10. Медведева В. Р., Коренков М. М. Влияние концепции «бережливое производство» на эффективность функционирования логистической системы (на примере ПАО «Казаньоргсинтез») // Управление устойчивым развитием. 2016. № 6 (07). С. 7-17.
11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. URL: <https://orenstat.gks.ru/> (дата обращения: 28.04.2020).
12. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).
13. Ru-Stat: экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/> (дата обращения: 05.05.2020).

Сведения об авторе:

©**Мишурова Анастасия Игоревна** – магистр, кафедра менеджмента, Оренбургский государственный университет, Российская Федерация, Оренбург, e-mail: www.stu.ru_5032@mail.ru.

©**Солдаткина Ольга Валерьевна** – кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента, Оренбургский государственный университет, Российская Федерация, Оренбург, e-mail: olg_sold@mail.ru.

Information about the authors:

©**Mishurova Anastasia Igorevna** – master's student, Department of Management, Orenburg State University, e-mail: www.stu.ru_5032@mail.ru

©**Soldatkina Olga Valerievna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management, Orenburg State University, e-mail: olg_sold@mail.ru.

УДК 338.45

Н. Н. Подтихова

ДИАГНОСТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ключевые слова: устойчивое развитие предприятия, показатели устойчивого развития, динамический показатель, интегральный показатель устойчивого развития, диагностика устойчивого развития, угольная промышленность, финансовая безопасность предприятия

Целью статьи является вынесение предложения по формированию методики диагностики устойчивого развития предприятия угольной промышленности на основе четырех групп показателей: экономического развития, экологических, социальных и показателей финансовой безопасности. В процессе исследования использованы такие методы как анализ, синтез, статистические методы исследования динамики и сведения количественных оценок в индексы. В статье обосновывается необходимость разработки методики, позволяющей получить информативные результаты, применимые в управленческих целях. Акцентируется внимание на связи диагностики с пониманием сущности явления. Рассматриваются современные трактовки терминов «устойчивое развитие», «устойчивое развитие предприятия». Приводятся результаты анализа определений устойчивого развития предприятия в исследованиях отечественных ученых. Затрагивается применение термина в практике управления предприятием. На основании вышеизложенного уточняется понятие «устойчивое развитие предприятия» в рамках проведения исследования. Приводится существующий базовый алгоритм диагностики устойчивого развития предприятия на основе триединого подхода. Обосновывается необходимость принятия во внимание показателей финансовой безопасности предприятия. Предлагается методика диагностики устойчивого развития предприятия с включением экономического, экологического и социального элементов, а также элемента, отражающего уровень финансовой безопасности. Рекомендуется перечень показателей устойчивого развития предприятия угольной промышленности с учетом отраслевой специфики. Выполняется апробация методики с использованием открытых данных АО «СУЭК» за 2018-2019 гг. Приводятся фактические значения показателей устойчивого развития предприятия в рамках рекомендованного перечня. Рассчитываются динамические показатели, интегральные показатели в рамках групп, единый интегральный показатель. Формулируется вывод о возможности применения методики в целях диагностики устойчивого развития. Отмечается, что для получения в процессе диагностики релевантной управленческой информации необходима корректировка показателей отчетности с учетом внутренней информации, а также наблюдение динамики показателей за ряд периодов. Предложенная в статье апробация иллюстрирует возможность применения предлагаемой методики.

N. N. Podtikhova

DIAGNOSTICS OF CORPORATE SUSTAINABILITY OF THE COAL INDUSTRY ENTERPRISE

Keywords: corporate sustainability, corporate sustainability indicators, dynamic indicator, aggregated indicator of corporate sustainability, diagnostics of corporate sustainability, coal industry, financial security of the enterprise

The purpose of the article is to make a proposal for the formation of a procedure for diagnosing the corporate sustainability of a coal industry enterprise, which is based on four groups of indicators: economic development, environmental, social, and financial security indicators. Methods used in the research: analysis, synthesis, statistical methods for the study of the dynamics and details of the quantitative estimates in the index. In an article attention is focused on the connection of diagnostics with the content of the essence of the phenomenon. Modern interpretations of the terms «sustainable development» and «corporate sustainability» are considered. The results of the analysis of definitions of corporate sustainability in the research of domestic scientists are presented. The article deals with the use of the term in the practice of enterprise management. Based on the above, the concept of corporate sustainability is clarified for this research. The existing basic algorithm for diagnostics of corporate sustainability, which based on the triune approach, is presented. The necessity of taking into account the indicators of financial security of the enterprise is justified. The method of diagnostics of corporate sustainability with the inclusion of economic, environmental and social elements, as well as an financial security element is proposed. The author recommends a list of indicators of corporate sustainability of the coal industry, taking into account the coal production specifics.

The procedure is being tested using open data from SUEK JSC for 2018-2019. The actual values of indicators of corporate sustainability within the recommended list are given. Dynamic indicators, integral indicators within groups, and a single integral indicator are calculated. The conclusion about the possibility of using the procedure for diagnostics is made. In order to obtain relevant management information in the diagnostic process, it is necessary to adjust the reporting indicators based on internal information, as well as to monitor the dynamics of indicators for a number of periods. The approbation proposed in the article illustrates the possibility of applying the proposed method.

Устойчивое развитие как междисциплинарное понятие прочно закрепилось в современных теоретических разработках и в практической деятельности. В условиях повышения уровня неопределенности макросреды, возрастания уже существующих рисков и внезапного возникновения новых, устойчивое развитие представляет собой желаемый вектор для экономических систем, как макро, так и микроуровня. Для понимания существующего направления движения, оценки темпов процесса развития, выявления уязвимых мест системы необходима теоретически обоснованная и практически применимая методика диагностики устойчивого развития. Разработка ее отталкивается от понимания сущности явления и затрудняется имеющей место недостаточной проработкой понятийного аппарата.

На сегодняшний день в макроэкономическом контексте наиболее широко распространена трактовка термина «устойчивое развитие», предложенная в докладе «Наше общее будущее» 1987г. Международной комиссии по окружающей среде и развитию. В нем устойчивое развитие характеризуется как долговременный экономический рост, отвечающий потребностям ныне живущих людей, и при этом не лишаящий будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. При этом подчеркивается, что для обеспечения устойчивого развития необходимы ограничения в эксплуатации природных ресурсов, связанные с современным уровнем техники и социальной организацией, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности [1]. Исходя из этого, устойчивое развитие рассматривается как совокупность трех элементов: экономическое развитие, ответственность за окружающую среду и социальный прогресс.

Термин «устойчивое развитие» имеет широкое хождение также в гуманитарных и общественных науках, где на основе междисциплинарности обосновывается положение о том, что высокие темпы и интенсивность развития науки и технологий порождают условия неопределенности, приводят к возрастанию рисков для жизни и благополучия человека, устойчивого развития общества и природы [2].

В 1994 году Джон Элтингтон предложил систему тройного критерия TBL, превратившуюся в инструмент менеджмента и учета. Этот факт считается точкой отсчета применения концепции устойчивого развития на микроуровне. При этом исследователи отмечают отличие англоязычной терминологии (устойчивое развитие на макроуровне – sustainable development, корпоративная устойчивость – corporate sustainability), что свидетельствует об отсутствии полной синонимичности данных понятий [3]. Тем не менее, при переходе на микроэкономический уровень сохраняется триединый аналитический подход к устойчивому развитию: Люди, Планета, Прибыль (People, Planet, Profit).

Отечественные исследователи предлагают более 30 определений устойчивого развития предприятия. Отмечая отсутствие единства в характеристике сущности явления и имеющее место разнообразие подходов, сформулируем следующие выводы:

1. Ряд исследователей [4; 5; 6] тесно соотносит понятия «устойчивое развитие предприятия» и «экономическая устойчивость», несмотря на, казалось бы, существующее противоречие: устойчивость – скорее статическая характеристика, в то время как развитие – динамическая. Тем не менее, принимая во внимание отличия в англоязычной терминологии на макро и микроуровне, вышеупомянутое употребление терминов объяснимо. Вероятно, устойчивость рассматривается, как способность субъекта функционировать независимо от влияния внешней среды и внутренних факторов.

2. Часть определений [5; 7; 8] содержит упоминание экологического и социального аспекта, как составляющих устойчивого развития предприятия, что свидетельствует о применении триединого подхода и связи трактовки термина с его значением на макроэкономическом уровне.

3. В большинстве случаев устойчивое развитие предприятия рассматривается как процесс, оценка которого производится на основании динамики набора показателей.

Обращаясь к практической стороне современного применения термина «устойчиво-

го развития предприятия» отметим определение, закрепленное национальным стандартом ГОСТ Р 54598.1-2015 Менеджмент устойчивого развития. Часть 1. Руководство [9]. В п. 2.3. данного документа устойчивое развитие характеризуется как развитие, удовлетворяющее потребностям настоящего времени, не ставя под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности. Аналогичная трактовка термина предлагается и в Руководстве по отчетности в области устойчивого развития (GRI-G4) [10]. В нем устанавливается соответствие между устойчивым развитием и сочетанием долгосрочной доходности, социальной справедливости и охраной окружающей среды.

Руководство по составлению отчетности GRI-G4 предлагает формирование трех категорий показателей: экономической, экологической и социальной. В то же время, подчеркивается, что в отчетности должна раскрываться информация о том, какой вклад организация вносит, или намеревается внести в будущем, в улучшение или деградацию экономических, экологических или социальных условий, процессов развития и тенденций на местном, региональном и глобальном уровне. Отражения информации о финансовом положении предприятия в отчетности по устойчивому развитию не предполагается.

На основании вышесказанного, можно предположить о существовании в теории и практике не менее двух направлений применения термина «устойчивое развитие» в контексте предприятия. Отметим, что с практической стороны отчеты компаний об устойчивом развитии содержат информацию о влиянии деятельности предприятия на экономические интересы заинтересованных сторон, на национальные, региональные экономические системы, экологию и общество. Таким образом, предприятия сообщают, какой они вносят вклад в устойчивое развитие общества в целом. Теоретические разработки российских ученых же трактуют устойчивое развитие предприятия в первую очередь с точки зрения реализации им своих экономических интересов, достижением целей, сочетающимся с социальной ответственностью и соблюдением экологических норм. При этом акцент все же делается на анализ экономической составляющей.

Обобщая научные теоретические разработки и сложившийся практический опыт, сформулируем в своем исследовании следующее определение: устойчивое развитие предприятия – процесс, связанный с достижением

целей предприятия в долгосрочном периоде, характеризующийся стабильным улучшением значений целевых экономических показателей и гармонично сочетающийся со снижением вреда окружающей среде и увеличением социальной ответственности.

Диагностика устойчивого развития предприятия позволяет сделать вывод его наличия либо отсутствия, о темпах устойчивого развития, либо процесса, ему обратного. Таким образом, разработка обоснованной методики диагностики устойчивого развития предприятия является необходимым условием возможности управления им.

Единой общепринятой методики диагностики устойчивого развития предприятия на сегодняшний день не существует. Предприятия при составлении отчетности в области устойчивого развития раскрывают показатели, исходя из субъективного ощущения существенности. Данный факт, как и добровольность составления отчетности, приводит к отсутствию системности, часть показателей периодически пропадает из поля зрения, что затрудняет формирование информационно емкого вывода об устойчивом развитии предприятия и его темпах.

Методики диагностики устойчивого развития предприятия, предлагаемые отечественными учеными [11; 12], включают в себя следующие этапы:

1. Отбор показателей и формирование групп. Определение фактических значений.
2. Расчет динамических показателей (индексов, темпов роста).
3. Расчет интегральных показателей в рамках групп
4. Расчет единого интегрального показателя.

Для определения интегральных показателей используется формула:

$$\text{Показатель}_{\text{ур}} = \sqrt[n]{P_1 * P_2 * \dots * P_n} \quad (1)$$

Сложность практического применения концепции устойчивого развития заключается в заложенном в ней росте расходов на социальные программы и охрану окружающей среды. По нашему мнению для контроля и своевременной нейтрализации угроз финансовым интересам предприятия в рамках диагностики устойчивого развития необходимо особое внимание уделять показателям, характеризующим финансовую безопасность предприятия.

Исходя из предлагаемого нами определения устойчивого развития предприятия, принимая во внимание необходимость учитывать уровень финансовой безопасности компании, а также с учетом отраслевой специфики, предлагаем следующую методику диагностики устойчивого развития угледобывающего предприятия на основе базового алгоритма:

1. Отбор показателей и формирование групп. Отберем показатели исходя из отраслевой специфики, сформируем четыре группы (таблица 1):

- показатели экономического развития;
- экологические показатели;
- социальные показатели;
- показатели финансовой безопасности.

Используем открытые данные АО «СУ-ЭК» по сегменту «уголь» и в целом по группе (интегрированный отчет за 2019 год, отчет об устойчивом развитии за 2018-2019 гг.) для апробации методики [13]. Фактические значения показателей за 2018 и 2019 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 1– Показатели устойчивого развития угледобывающего предприятия

Показатель	Формула, порядок расчета	Положительно трактуется
Показатели экономического развития		
(ЭР1) EBITDA	Прибыль до вычета процентов, налогов, износа и амортизации	Рост показателя
(ЭР2) Производительность труда	Отношение выпуска продукции к численности производственного персонала	Рост показателя
(ЭР3) Капитальные вложения	Фактическое значение по учетным данным	Рост показателя
Экологические показатели		
(ЭП1) Удельный показатель атмосферных выбросов (кг/т)	Выбросы в атмосферу на тонну добытого угля	Снижение показателя
(ЭП2) Удельный показатель содержания загрязняющих веществ в сточных водах (кг/т)	Загрязняющие вещества в сточных водах на тонну добытого угля	Снижение показателя
(ЭП3) Удельный показатель нарушения земель (га/млн.т)	Площадь нарушенных земель за вычетом рекультивированных земель на млн. тонн добытого угля	Снижение показателя
(ЭП4) Удельный показатель отходов (отходов производства) (т/т)	Количество тонн не переработанных и не утилизированных отходов на тонну добытого угля	Снижение показателя
(ЭП5) Показатель экологичности продукции -	Отношение объема обогащенного угля к общей величине добычи	Рост показателя
Социальные показатели		
(СП1) Коэффициент LTIFR	Количество инцидентов на тысячу трудящихся	Снижение показателя
(СП2) Коэффициент текучести кадров	Отношение численности уволенных к среднесписочной численности персонала	Снижение показателя
(СП3) Налоговые отчисления	Величина перечисленных налогов в бюджет	Рост показателя
(СП4) Расходы на социальные программы	Фактическое значение по учетным данным	Рост показателя
Показатели финансовой безопасности		
(ФБ1) Коэффициент текущей ликвидности	Отношение текущих активов к краткосрочным обязательствам	Пороговое значение 1. Меньше 1 – опасное значение
(ФБ2) Долг по кредитам и займам/EBITDA	Отношение фактической величины задолженности по кредитам и займам к EBITDA	Пороговое значение 5, Больше 5 – безопасное значение
(ФБ3) Коэффициент автономии	Отношение собственного капитала к валюте баланса	Пороговое значение 0,3. Меньше 0,3 – опасное значение

Составлено автором.

Таблица 2 – Фактические значения показателей устойчивого развития АО «СУЭК» 2018-2019 гг.

Показатель	2018	2019	Динамика
Экономическое развитие			
(ЭР1) EBITDA в целом (млн. долл. США)	2541	2115	0,832349
(ЭР2) Производительность труда по сегменту «уголь» (тонн на человека в месяц)	540	508	0,940741
(ЭР3) Капитальные затраты по сегменту «уголь» (млн. долл. США)	802	972	1,21197
Экологические показатели			
(ЭП1) Удельный показатель атмосферных выбросов (кг/т)	0,14	0,17	0,823529
(ЭП2) Удельный показатель содержания загрязняющих веществ в сточных водах (кг/т)	0,18	0,18	1
(ЭП3) Удельный показатель нарушения земель (га/млн.т)	23,559783	11,2052731	2,102562
(ЭП4) Удельный показатель отвалов (т/т)	1,4963433	2,03375989	0,735752
(ЭП5) Доля обогащения в добыче (как показатель экологичности продукции) (т/т)	0,38	0,39	1,017378
Социальные			
(СП1) Коэффициент LTIFR	0,75	0,72	1,041667
(СП2) Коэффициент текучести кадров	14	14	1
(СП3) Налоговые отчисления (млрд. руб.)	44	35	0,795455
(СП4) Расходы на социальные программы (млн.руб.)	2378	1685	0,708579
Финансовая безопасность			
(ФБ1) Коэффициент текущей ликвидности по консолидированной отчетности	1,1592098	0,720625	1
(ФБ2) Долг по кредитам/EBITDA	1,6	3,1	1
(ФБ3) Коэффициент автономии по консолидированной отчетности	0,3728898	0,33398094	1

Составлено автором по данным АО «СУЭК» [12].

2. Расчет динамических показателей

Поскольку устойчивое развитие характеризуется ростом одних показателей и снижением других, для расчета динамических показателей были использованы формулы двух видов. Если устойчивое развитие характеризуется ростом показателя, то динамический показатель рассчитывается по формуле:

$$\Pi = \frac{a_1}{a_0},$$

Где a_1 – фактическое значение показателя в 2019 году, a_0 – фактическое значение показателя в 2018 году.

Если устойчивое развитие предприятия характеризуется снижением показателя, то динамический показатель рассчитывается по формуле:

$$\Pi = \frac{a_0}{a_1},$$

Где a_1 – фактическое значение показателя в 2019 году, a_0 – фактическое значение показателя в 2018 году.

Блок показателей финансовой безопасности с позиции динамики оценивать не требуется. Ключевым условием является нахождение фактических значений показателей в безопасной зоне. Оцениваем каждый показатель по бинарному принципу: 1- значение показателя в безопасной зоне, 0 – значение показателя свидетельствует об опасности. Результаты расчета динамических показателей представлены в Таблице 2 в столбце «Динамика».

3. Рассчитываем интегральные показатели по группам, используя формулу (1).

$$\Pi_{ЭР} = \sqrt[3]{ЭР_1 * ЭР_2 * ЭР_3} = 0,982704$$

$$\Pi_{ЭП} = \sqrt[5]{ЭП_1 * ЭП_2 * ЭП_3 * ЭП_4 * ЭП_5} = 1,053242$$

$$П_{сн} = \sqrt[4]{СП_1 * СП_2 * СП_3 * СП_4} = 0,8753$$

53

$$П_{фб} = \sqrt[3]{ФБ_1 * ФБ_2 * ФБ_3} = 1$$

4. Рассчитываем итоговый интегральный показатель устойчивого развития.

$$П_{ур} = \sqrt[4]{П_{эр} * П_{эл} * П_{сп} * П_{фб}} = 0,9756$$

26

Интерпретируем результаты расчетов, сравнивая полученные значения с единицей. В случае, если показатели выше единицы, можно

делать вывод об устойчивом развитии предприятия.

Хотелось бы уточнить, что данный расчет приведен исключительно для иллюстрации возможность применения методики. Для формулировки содержательных выводов необходимо использовать внутреннюю учетную информацию в целях корректировки фактических значений показателей, а также применять для расчетов данные длительного периода времени, поскольку устойчивое развитие является долгосрочным процессом.

Литература

1. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ.; под ред. С. А.Евтеева и Р. А.Перелета. М.: Прогресс, 1989. 372 с.
2. Нежметдинова Ф.Т. Роль междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности в устойчивом развитии современного общества (обзор мировых тенденций науки и технологий) // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1(01). С. 33-37.
3. Старикова Е. А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. №1. С.7-17.
4. Веселовский М. Я., Федотов А. В., Волчков Д. С. Обеспечение устойчивого развития предприятия в условиях экономической нестабильности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т.6. №3. С. 124-129.
5. Калининченко М.П. Устойчивое развитие предприятия: оценка, проект, функциональная стратегия маркетинг менеджмента // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. №1. С. 40-52.
6. Аксенов П. В. Обеспечение устойчивого развития промышленного предприятия на основе конкурентных преимуществ.: дис... канд. экономических наук. М., 2016. С. 214.
7. Мацнева Е. А., Магарил Е. Р. Устойчивое развитие промышленного предприятия: понятие, критерии оценки // Вестник УФУ. Серия Экономика и управление. 2012. №5. С. 25-33.
8. Багровникова А. Н. Особенности исследования концепции контроллинга устойчивого развития предприятия // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и Право. 2019. Т.29, вып.4. С. 419-427.
9. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 54598.1-2015 Менеджмент устойчивого развития. Часть 1. Руководство. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200127235> (дата обращения 24.09.2020).
10. Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4 URL: <http://media.rssp.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf> (дата обращения: 24.09.2020).
11. Ротарь Т. С., Ниязян В. Г. Устойчивое развитие предприятия: сущность и методика расчета интегрального индекса устойчивого развития авиакомпаний // Статистика и Экономика. 2015. №4. С.149-153.
12. Бекренев И. В., Лозовская Я. Н. Методические аспекты формирования адаптивного механизма устойчивого развития предприятия на основе целевого комплексного подхода // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2017. Т.25. №2. С.233-241.
13. Официальный сайт АО «СУЭК». URL: <http://www.suek.ru> (дата обращения: 10.06.2020)

Сведения об авторе:

©Подтихова Наталья Николаевна – аспирант кафедры финансов, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, Красноярск, e-mail: n.podtikhova@yandex.ru.

Information about the author:

©Podtikhova Natalia Nikolaevna – Postgraduate student, Department of Finance, Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk, e-mail: n.podtikhova@yandex.ru.

УДК 338.24

Д. А. Рубан

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ РАЗЛИЧНЫХ БАЗОВЫХ КАТЕГОРИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: акторы, высшее образование, интеллектуальный капитал, региональная экономика, репутация

Построение инновационной экономики предполагает создание региональных инновационных систем. Предыдущими исследователями признается исключительная роль университетов в функционировании последних, однако при этом не учитывается неоднородность академического пространства и, в частности, разная ориентация вузов. В настоящей работе делается попытка рассмотреть возможный вклад университетов четырех базовых категорий в реализацию пяти основных функций региональных инновационных систем. В качестве методов использованы концептуальный анализ и оценочный (полуколичественный) подход. Предлагается выделить четырех базовых категорий университетов, а именно образовательных, исследовательских, профессиональных и репутационных вузов. Их ключевыми ресурсами являются технологии массового обучения, интеллектуальный капитал, практикоориентированность, элитарность и имиджевость соответственно. Показано, что при реализации производственной и финансовой функций региональной инновационной системы основную роль могут сыграть исследовательские университеты, консолидационной и коммуникативной функции – репутационные университеты, социальной функции – образовательные университеты. Балльная оценка роли вузов различных базовых категорий в реализации функций региональных инновационных систем показала, что явный приоритет имеют исследовательские и репутационные университеты. Однако образовательные и профессиональные вузы также способны внести существенный вклад в функционирование инновационных систем. В этой связи в тех регионах, где уже существуют университеты, ориентированные на научную деятельность или накопление репутационного капитала, усиление их позиций должно получить дополнительную поддержку для обеспечения инновационного развития территории в целом. Модернизация и постепенная, сбалансированная переориентация образовательных и профессиональных вузов за счет стимулирования, поощрения соответствующих изменений требуется в тех регионах, где существуют университеты только этих категорий. В целом, проведенное исследование имеет методологическое значение, т.к. подтверждает необходимость дифференцированного рассмотрения роли вузов в региональных инновационных системах в зависимости от их базовых категорий. Более того, установлено, что эта роль зависит не только от категории, но и от функции системы, относительно которой она анализируется.

D. A. Ruban

THE ROLE OF UNIVERSITIES OF DIFFERENT BASIC CATEGORIES IN A REGIONAL INNOVATION SYSTEM: A CONCEPTUAL ANALYSIS

Keywords: actors, higher education, intellectual capital, regional economy, reputation

Building innovation economy requires creation of regional innovation systems. The previous researchers have proven the outstanding role of universities in functioning of the latter, although they have not taken into account the heterogeneity of the academic space and, particularly, the different orientation of universities. In the present work, it is undertaken to consider the possible impact of universities of four basic categories into the realization of the main five functions of regional innovation systems. As the methods, conceptual analysis and evaluation (semi-quantitative) approach are used. It is suggested to distinguish four basic categories of universities, namely educational, research, professional, and reputational universities. Their key resources are technologies of mass education, intellectual capital, practice orientation, and elite- and image-focusing, respectively. It is shown that when the productive and financing functions of a regional innovation system are realized, the leading role can be played by research universities; when the consolidative and communicative functions are realized, the leading role can be played by reputational universities; when the social function is realized, the leading role can be played by educational universities. The score-based evaluation of the univer-

sities of the different basic categories has shown that the evident priority belongs to research and reputational universities. However, educational and professional universities are also able to make sufficient input into the functioning of innovation systems. In regard to these findings, the regions, where the universities focused on scientific research or accumulation of reputation capital already exist, should provide additional support for strengthening their positions for securing innovation development of the entire territory. Modernization and gradual, balanced re-orientation of educational and professional universities via stimulation and appreciation of the relevant changes is required in those regions, where there are universities of only these categories. In general, the undertaken study is of methodological importance, as it proves the necessity of differentiated consideration of the role of universities in regional innovation systems depending on their basic categories. Moreover, it is established that this role depends not only on the category, but also on the system function, relatively to which the former is analyzed.

Инновационная экономика предоставляет широкий набор инструментов для достижения и поддержания устойчивого экономического роста [1,2], а ее построение в России является одним из существенных приоритетов [3-5]. С учетом больших размеров и социально-экономической дифференциации территории страны решение этой задачи видится уместным не только в национальном, но и региональном масштабах. В работах Н. А. Латушко [6, 7] обращается внимание на системные подходы к управлению региональным развитием, а в трудах Е. А. Носачевской [8-10] аргументирована исключительная важность использования широкого научного инструментария для обеспечения эффективности этого развития.

Одним из важнейших понятий в теории инновационной экономики является региональная (территориальная) инновационная система. Оно было введено и концептуализировано английским экономистом Ф. Куком [11, 12]; его также разрабатывали Б. Ашейм [13], А. Берман [14], Д. Долорё [15], Л. Лайдесдорфф [16], М. Ранга [17] и др. Данное понятие пользуется популярностью и у отечественных специалистов, и оно анализировалось, в частности, в работах И. Л. Литвиненко [18], Д. А. Рубана [19], П. А. Сухановой [22]. В самом общем виде региональная инновационная система представляет собой сетевую структуру, объединяющую производственных, исследовательских, финансовых, административных, общественных и прочих акторов инновационной деятельности, смысл существования которой заключается в обеспечении устойчивости и снижении транзакционных издержек этой деятельности в пределах конкретной территории, в качестве которой может выступать и административно-территориальная единица (республика, область и т.п.). При разработке соответствующего понятия особое внимание традиционно обращалось на университеты, которые могут как выступать генераторами инноваций, так и обеспечивать кадровую и консультационную поддержку их разработки, трансфера и импле-

ментации. Подобного рода идеи можно признать базовыми для теории инновационной экономики в целом [23-25]. Однако в указанном направлении исследований акцент делается на вузы определенного типа, тогда как современное мировое академическое пространство характеризуется неоднородностью, которая связана в т.ч. с одновременным существованием вузов разного типа, позиции которых в региональных инновационных системах могут существенно отличаться. Изучение соответствующих вопросов видится предельно актуальным.

Целью настоящей работы является рассмотрение деятельности университетов различных базовых категорий с позиции функционирования региональных инновационных систем. Основным методом является концептуальный анализ. Номенклатура функций региональных инновационных систем (производственная, консолидационная, коммуникативная, финансовая, социальная) дается согласно [19], а сама такая система считается полностью пространственно тождественной административно-территориальной единице (это отлично от европейской трактовки региональных инновационных систем, хотя и не противоречит представлениям об их обучаемости и прочих свойствах [11]). Базовые категории университетов выделяются опытным путем, частично на основе авторского опыта изучения академических учреждений разных стран и взаимодействия с ними. Кроме того, в настоящей работе использован оценочный (полуколичественный) подход. Он заключается в том, что значимость каждой базовой категории университетов для реализации конкретной функции региональной инновационной системы оценивается в баллах от 1 до 5. Далее вводится поправка на критичность функции для региональной инновационной системы. Полученные таким образом значения суммируются для определения относительной значимости вузов различных базовых категорий для региональных инновационных систем.

Для начала определим основные базовые категории современных университетов, каковых видится четыре. Образовательные университеты представляют собой "классические" вузы традиционного европейского типа, основная деятельность которых состоит именно в массовом обучении. В настоящее время таких университетов остается все меньше и, как правило, это небольшие и средние по размерам университеты. Вузовская модель, акцентированная на образование, активно развивалась в СССР, когда научная деятельность сосредотачивалась преимущественно в институтах Академии наук; она в значительной мере наследуется и в современной России, хотя и здесь уже четко обозначился тренд на постепенный отказ от нее. Основным недостатком университетов данной категории является невысокий уровень научной работы, что сказывается на качестве и актуальности знаний, сообщаемых студентам.

Исследовательские университеты – преобладающий во всем мире тип вузов, основной деятельностью которых является научная работа, тогда как учебный процесс или выступает «приложением» к ней, или же второстепенен. Важно отметить, что подобного рода университеты могут быть как своего рода «перерождением» образовательных университетов, так и вновь созданными учреждениями, основывающимися на инновационных представлениях о высшем образовании. Следует подчеркнуть, что научная работа в таких вузах большей частью основывается на принципе «наука ради науки» и обеспечивает национальные интересы через усиление позиций страны в мировом академическом пространстве, что означает приток иностранных студентов, рост инвестиционной привлекательности и т.п. Одновременно с этим данные университеты решают и практические задачи при наличии соответствующего запроса со стороны государства и/или бизнес-сообщества. Хотя такие вузы в большом числе встречаются во всем мире, наиболее характерные примеры можно обнаружить в Австралии и США. Основным недостатком университетов данной категории является утрата системности процесса обучения, которая лишь частично компенсируется высоким качеством и актуальностью знаний, сообщаемых студентам.

Профессиональный университет представляет собой, как правило, небольшой вуз, основной задачей которого является подготовка кадров для конкретной, в той или иной мере специфической отрасли. Например, к этой ка-

тегории должны быть отнесены школы отельеров или институты дизайна. По формальным признакам они вполне напоминают «обычный» университет, отличаясь от него спецификой, неуниверсальностью обучения и невысокой научной активностью (либо даже полным отсутствием таковой). В мире такие вузы занимают отчетливо маргинальную позицию. В России подобного рода университеты немногочисленны, и их роль скорее выполняют учреждения, ориентирующиеся на программы среднего профессионального образования (колледжи, техникумы и т.п.). Основным недостатком университетов данной категории является вышеотмеченная неуниверсальность образования и избыточная практикоориентированность, привязка к профессиональным стандартам и нормам, что никак не компенсирует отсутствия «ширины» и «глубины» подготовки, которую можно получить в образовательном или исследовательском университете.

Наконец, в качестве еще одной категории стоит выделить репутационные университеты. Это вузы, часто самостоятельные (вне аффилиции с крупными университетами) бизнес-школы, имеющие черты одновременно образовательных и исследовательских университетов, но при этом ориентированные на аккумуляцию и трансфер репутации. Иными словами, они имеют исключительно благоприятный имидж, которым большей частью возмездно делятся с взаимодействующими с ними лицами и учреждениями. Именно обеспечение и перераспределение репутации, а не получение образования или научных достижений является главной услугой этих университетов (тем не менее они могут демонстрировать, хотя и довольно ограниченно, образовательную и научную деятельность высокого качества). В мире такие университеты немногочисленны, однако по определению хорошо известны. В качестве примера можно привести Лондонскую школу экономики (всемирно известный вуз, однако с довольно умеренной научной продуктивностью) (табл. 1). В России делались попытки построения подобных университетов, однако в настоящее время они скорее утратили актуальность. Отметим, что некоторые из таких вузов служат для подготовки (переподготовки) национальных элит. Основным недостатком университетов данной категории является именно их избыточная имиджевость, элитарность, «вытесняющие» образовательный и научный компонент из их деятельности.

Таблица 1 – Публикационная активность зарубежных репутационных университетов относительно некоторых российских вузов (на основе данных библиографической базы данных «Scopus»)

Университет	Число работ в БД «Scopus» по годам		
	2017	2018	2019
Лондонская школа экономики (Великобритания)	1910	1841	1546
Сингапурский институт менеджмента (Сингапур)	1	2	5
Высшая коммерческая школа Парижа (Франция)	99	101	96
Высшая школа экономики (РФ)	2348	2582	2936
Южный федеральный университет (РФ)	1101	1213	1495
Казанский инновационный университет (РФ)	19	18	48
Тамбовский государственный университет (РФ)	83	108	133

Существование университетов всех вышеуказанных базовых категорий оправдано теми или иными причинами и должно восприниматься как данность. При этом важно проследить роль каждого из них применительно к функциям региональных инновационных систем.

Производственная функция региональной инновационной системы заключается в генерации, трансфере и имплементации инноваций входящими в нее организациями [19]. Вполне очевидно, что в ее реализацию наибольший вклад может внести исследовательский университет, обладающий соответствующим интеллектуальным капиталом и инфраструктурой [20, 21]. В подобного рода вузах доминирует культура креативности и ценностного отношения к новаторским идеям. Более того, и сотрудники, и студенты таких университетов имеют достаточное количество времени для полноценного участия в инновационной деятельности. Образовательные и профессиональные университеты могут внести вклад в реализацию данной функции опосредованно, через массовую подготовку кадров для инновационных предприятий и организаций. Однако сами начинающие специалисты в меньшей степени готовы участвовать в генерации инноваций в силу меньшей уникальности и «продвинутой» получаемых ими знаний. Что касается внедрения инноваций, то выпускники именно профессиональных вузов имеют некоторый приоритет в силу лучшей «технической» подготовки. Наконец, репутационные университеты вряд ли способны внести существенный вклад в реализацию производственной функции.

Консолидационная функция региональной инновационной системы заключается в интеграции отдельных акторов инновационной деятельности в сетевую структуру [19]. С ее реализацией наиболее просто справиться репутационным университетам, обладающим достаточным влиянием и позитивным имиджем для того, чтобы не просто стать площадкой взаимодействия акторов, но и своим репутационным капиталом привлечь их к

взаимодействию и гарантировать успешность и долговременность последнего. Это тем более актуально в случае репутационных вузов с государственным участием. По отношению к данной функции исследовательские университеты могут выполнять роль скорее площадок взаимодействия, в качестве каковых подходят действующие в их рамках научно-исследовательские центры, технопарки, а также специальные единицы администрирования инновационной деятельности. Подобного рода площадки могут формироваться и в образовательных и профессиональных вузах, однако их возможности при этом более ограничены, а инновационная среда оказывается «оторванной» от основной их деятельности – учебного процесса.

Коммуникативная функция региональной инновационной системы заключается в установлении ее внешних связей [19]. Речь идет о партнерских отношениях с акторами из других регионов, коллаборации с другими региональными и национальными инновационными системами, а также об информационной открытости. В данном случае приоритет также принадлежит репутационным университетам, которые, с одной стороны, обладают достаточным «весом» для организации и поддержания устойчивости таких связей, а, с другой, – могут использовать присущие им каналы влияния для привлечения внимания к деятельности региональной инновационной системы, в рамках которой они существуют. Более того, в число сотрудников таких вузов часто входят представители руководства акторов инновационной деятельности. Исследовательские университеты также могут внести существенный вклад в реализацию данной функции за счет использования каналов научно-технического взаимодействия, которые обычно устанавливаются и активно используются ими для проведения исследований. Это могут быть каналы, сформированные как по инициативе вуза и работающих в нем научных групп, так и «магистральные» каналы, создаваемые государством в рамках реализации научно-технической политики. Например, в России к чис-

лу последних вполне допустимо относить национальный проект «Наука» [26, 27], тем более что национальные проекты имеют значение для развития региональной экономики [10]. Профессиональные университеты, предполагающие практикоориентированное образование, могут создавать информационные поводы для открытости региональной инновационной системы в случае проведения мероприятий с участием представителей ее акторов. Что касается образовательных университетов, то их вклад в реализацию данной функции вряд ли может быть существенным.

Финансовая функция региональной инновационной системы заключается в обеспечении стабильного притока инвестиций в инновационную деятельность [19]. Исследовательские вузы могут обладать некоторым количеством капитала для подобного рода инвестиций. Репутационные вузы обеспечивают гарантию стабильного развития системы, тогда как наличие образовательных и профессиональных вузов вполне может рассматриваться как демонстрация «классичности», традиционности и долговременности образовательных практик и их практикоориентированности. Таким образом, эти две базовые категории вузов обеспечивают региональной инновационной системе инвестиционную привлекательность.

Наконец, социальная функция региональной инновационной системы заключается в трансляции выгод инновационной деятельности населению территории [19]. Безусловно, приоритет в ее реализации принадлежит образовательным университетам. С одной стороны, их деятельность в рамках инновационной системы приобретает устойчивость (за счет «подпитки» средствами от

инновационной деятельности, перераспределяемыми в пределах как самой системы, так и региона в целом), что позволяет и повысить качество образования, и сделать его более доступным, одновременно решая проблему занятости молодежи и поднимая по мере возможности ее культурный уровень. С другой стороны, массовость их образовательных программ позволяет привить населению культуру инновационного потребления. Исследовательские университеты, способные выступать генераторами инноваций, могут ориентировать систему именно на те решения, продукты, услуги, которые востребованы в пределах конкретной территории. Положение репутационных вузов в рамках инновационной системы упрочится, что придаст дополнительную привлекательность и известность региону с соответствующими прямыми и косвенными выгодами. Наконец, профессиональные университеты смогут значительно улучшить качество образования за счет обращения к региональному опыту инновационной деятельности.

Сказанное выше может суммировано и проанализировано с помощью оценочного подхода (табл. 2). Как можно увидеть, наибольшую ценность для региональных инновационных систем представляют исследовательские и репутационные университеты. Первые получают наивысшую итоговую оценку, тогда как и первые, и вторые лидируют по отношению сразу к двум функциям региональных инновационных систем. Профессиональные и образовательные вузы имеют меньшее значение, однако их роль в реализации отдельных функций системы может быть довольно существенна.

Таблица 2 – Балльная оценка вклада университетов различных базовых категорий в реализацию функций региональной инновационной системы

Функция	Базовая категория вуза			
	Образовательный	Исследовательский	Профессиональный	Репутационный
Производственная	2	5	3	1
с учетом поправки (k=3.0)	6	15	9	3
Консолидационная	2	4	2	5
с учетом поправки (k=2.0)	4	8	4	10
Коммуникативная	1	4	2	5
с учетом поправки (k=1.0)	1	4	2	5
Финансовая	2	3	2	2
с учетом поправки (k=2.0)	2	6	4	4
Социальная	5	4	3	3
с учетом поправки (k=1.0)	5	4	3	3
ИТОГО с учетом поправок	18	37	22	25

Полученные результаты позволяют сделать общий вывод о том, наличие в регионе университетов исследовательской и репутационной базовых категорий может рассматриваться как одно из условий успешного создания и устойчивого функционирования в нем инновационной системы. Именно таким вузам окажется наиболее просто интегрироваться в эту систему в качестве полноправных и даже ведущих акторов. При этом наличие в регионе профессиональных и образовательных вузов наряду с университетами других категорий не может рассматриваться в качестве существенного препятствия на пути инновационного развития. В более общем виде, для построения региональных инновационных систем требуется сбалансированный переход к усилению позиций исследовательских и репутационных университетов в российских регионах. Наиболее логичным видится осуществить это за счет

особой поддержки вузов, уже обозначивших соответствующую направленность, а также стимулирования модернизации и переориентации образовательных и профессиональных университетов, если таковые оказываются единственными вузами в региональном академическом пространстве. С методической точки зрения настоящая работа полностью подтверждает необходимость дифференцированного подхода к изучению роли университетов в функционировании региональных инновационных систем. В качестве перспективы для последующих исследований можно обозначить необходимость анализа успешности инновационной деятельности в российских регионах с учетом диверсифицированности их академического пространства, т.е. наличия и численного соотношения вузов различных базовых категорий.

Литература

1. Harada T. Economics of an Innovation System: Inside and Outside the Black Box. London: Routledge, 2019. 280 с.
2. Hall B. H., Rosenberg N. (Eds.) Handbook of the Economics of Innovation. Vol. 1, 2. Amsterdam: Elsevier, 2010. 804 p., 600 p.
3. Бухвальд Е. М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 9-25.
4. Смирнов В. В., Мулендеева А. В. Проектирование российской национальной инновационной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 1. С. 111-131.
5. Урунов А. А., Левина Л. Ф. Российское инновационное пространство в условиях цифровизации: особенности и возможности его развития // Фундаментальные исследования. 2020. № 5. С. 167-171.
6. Латушко Н. А. Основы региональной политики и организации управления социально-экономическими процессами в регионе. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2018. 118 с.
7. Латушко Н. А. Оценка и измерение структуры национального богатства региона: методические подходы // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. С. 67.
8. Носачевская Е. А. Влияние научных факторов на эффективность регионального социально-экономического развития // Вестник ОрелГИЭТ. 2016. № 3. С. 44-46.
9. Носачевская Е. А. Региональная экономика: теория и практика управления, научное обеспечение развития. Курск: ЮЗГУ, 2017. 123 с.
10. Носачевская Е. А. Об актуальных вопросах научного обеспечения развития региональной экономики в контексте реализации национальных проектов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1. С. 210-213.
11. Cooke P. Regional innovation systems: Competitive regulation in the new Europe // Geoforum. 1992. V. 23. P. 365-382.
12. Cooke P., Uranga M. G., Etzebarria G. Regional innovation systems: Institutional and organisational dimensions // Research Policy. 1997. V. 26. P. 475-491.
13. Asheim B. T., Smith H.L., Oughton C. Regional Innovation Systems: Theory, empirics and policy // Regional Studies. 2011. V. 45. P. 875-891.
14. Berman A., Marino A., Mudambi R. The global connectivity of regional innovation systems in Italy: a core-periphery perspective // Regional Studies. 2020. V. 54. P. 677-691.
15. Doloreux D., Porto Gomez I. A review of (almost) 20 years of regional innovation systems research // European Planning Studies. 2017. V. 25. P. 371-387.

16. Leydesdorff L., Fritsch M. Measuring the knowledge base of regional innovation systems in Germany in terms of a Triple Helix dynamics // *Research Policy*. 2006. V. 35. P. 1538-1553.
17. Ranga M. Smart specialization as a strategy to develop early-stage regional innovation systems // *European Planning Studies*. 2018. V. 26. P. 2125-2146.
18. Литвиненко И. Л. К вопросу о государственном регулировании региональной инновационной системы // *Экономика и предпринимательство*. 2018. № 7. С. 450-454.
19. Рубан Д. А. Функции региональных инновационных систем: систематизация представлений российских специалистов // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 1. С. 113-123.
20. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Развитие инновационной структуры исследовательских университетов через трансформацию образовательного процесса // *Вестник Казанского технологического университета*. 2012. Т. №15. С. 287-292
21. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Особенности социального заказа на двухуровневую профессиональную подготовку // *Высшее образование в России*. 2008. № 5. С. 113-121.
22. Суханова П. А. Модель региональной инновационной системы: отечественные и зарубежные подходы к изучению региональных инновационных систем // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2015. № 4. С. 92-102.
23. Котов А. И. Региональный научно-образовательный и инновационный хаб и его роль в инновационном развитии субъекта Российской Федерации // *Инновации*. 2020. № 2. С. 47-55.
24. Orlando M. J., Verba M., Weiler S. Universities, agglomeration, and regional innovation // *Review of Regional Studies*. 2019. V. 49. P. 407-427.
25. Tang Y., Motohashi K., Hu X., Montoro-Sanchez A. University-industry interaction and product innovation performance of Guangdong manufacturing firms: the roles of regional proximity and research quality of universities // *Journal of Technology Transfer*. 2020. V. 45. P. 578-618.
26. Горчаков С. Е. Цели, задачи и инструменты реализации национального проекта «Наука» // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2020. № 1. С. 56-59.
27. Шабунина В. В. Роль национального проекта «Наука» в реализации государственной политики в сфере научных исследований и разработок // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2020. № 1. С. 236-239.

Сведения об авторе:

©**Рубан Дмитрий Александрович** – Philosophiae Doctor, доцент, научный сотрудник, Московский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация, Москва; e-mail: ruban-d@mail.ru.

Information about the author:

©**Ruban Dmitry Aleksandrovitch** – Philosophiae Doctor, Docent, Researcher, Moscow State University of Technologies and Management, Russian Federation, Moscow; e-mail: ruban-d@mail.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.454.52

Д. М. Винокурова

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МОДЕЛИ
СОВМЕСТНОГО ДОМОХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: частотность миграции, домашняя автономия, малый город, модели городских домохозяйств, многопоколенная семья, этапы жизни индивида

На фоне тотальной «индивидуализации» всех сфер жизни домашняя автономия постепенно может привести к разъединению «семья ↔ совместное проживание одним домохозяйством», также как, это сегодня происходит с разнообразием семейно-брачных отношений, к примеру, гостевая семья и др. В статье рассмотрена на первичном материале территориальная мобильность и модели совместного домохозяйства в монопромышленном г. Мирный на Северо-Востоке ДВФО РФ. Проанализирован эмпирический материал, собранный в рамках темы: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети» проводимых в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100; Программ 9.6.1. и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III – «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010-2016 гг.). Был проведен опрос по квотной выборке в 2010 г. в г. Мирном. Полученные данные обработаны в программном приложении SPSS Statistics 22.0. Рассмотрена социально-демографическая характеристика респондентов, наличие детей, их число, самооценка материального достатка, которые позволяют судить в целом об уровне жизни опрошенных горожан. Уровень материального достатка, по мнению респондентов, не может позволить приобретение жилья, за исключением малой доли ответивших (2,4 %). Большинство из них живет в первом браке, имея одного-двух детей. Проанализирована степень территориальной мобильности, сохраняющийся миграционный потенциал и их обоснование самими респондентами. Гипотетически заданные пять моделей совместного проживания одним домохозяйством впервые рассмотрены в зависимости от семейного статуса, признаков пола и возраста респондентов, что позволяет говорить о доминировании нуклеарной модели совместного проживания. Однако, совместное домохозяйство не раз и навсегда заданные модели, они могут меняться в зависимости от возраста конкретного индивида, его семейного статуса, наличия/отсутствия детей, собственного жилья и т.п.

D. M. Vinokurova

TERRITORIAL MOBILITY AND MODELS OF JOINT
HOUSEHOLDING IN URBAN CONDITIONS

Keywords: frequency of migration, home autonomy, small town, models of urban households, multigenerational family, stages of an individual's life

Against the background of the total «individualization» of all spheres of life, home autonomy can gradually lead to the separation of «family - cohabitation by one household», just as it happens today with a variety of family and marriage relations, for example, a guest family, etc. based on primary material, territorial mobility and joint household models in the mono-industrial town of Mirny in the North-East of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation. The socio-demographic characteristics of the respondents included in the sample, the presence of children, their number, self-assessment of material well-being, which make it possible to judge the overall standard of living of the surveyed townspeople, are analyzed. The level of material prosperity, in the opinion of the respondents, cannot afford the purchase of housing, with the exception of a small share of the respondents (2.4 %). Most of them live in their first marriage, with one or two children. The degree of territorial mobility, the remaining migration potential and their justification by the respondents themselves are analyzed. For the first time, the hypothetically set five models of cohabitation by one household were considered depending on the marital status, sex characteristics and age of the respondents, which allows us to speak of the dominance of the nuclear cohabitation model. However, a joint household is not a set model once and for all, but they can change depending on the age of a particular individual, his marital status, the presence / absence of children, his own home, etc.

В век «культы индивида», по Э. Дюркгейму, жизнь семьи сосредоточена вокруг потребностей и интересов каждого ее члена – начиная от представителей старшего поколения и заканчивая детьми. Сегодня каждый из супругов старается, с одной стороны, преуспеть в своей карьере, самореализоваться, с другой – дать своим детям возможность индивидуально развиваться, подчеркивая их особенности, интересы, таланты и т.д. И как следствие, каждый из членов семьи погружен в свой собственный мир, для которого даже не всегда нужны собственные комнаты, достаточно каждому взять свои гаджеты, ноутбуки и т.п.

Известно множество факторов, способствующих культивированию в себе способности быть одному, не считая такие социально-экономические составляющие, как наличие индивидуальных счетов в банке, адресная материальная помощь от государства, приобретение жилья для своих детей в качестве вложения денег в долгосрочной перспективе, дифференцированные льготы отдельным категориям населения и т.д. В общественном мнении формируются представления, а в СМИ широко тиражируется польза и соблюдение личного пространства, личного времени в одиночестве, соблюдении баланса между общением и одиночеством, высвобождении времени, для личного и профессионального развития и др. Все больше и больше инвестиции на себя становятся необходимым условием в современном обществе, так как приходится надеяться только на самого себя.

Очевидно, отсюда – собственное жилье приобрело культурное значение, становясь «дополнением» к социальному статусу индивида, степени его автономии и т.п. На фоне «культы индивида» домашняя автономия постепенно может привести к разъединению «семьи и совместного домохозяйствования», в том понимании, что семья живет совместно под одной крышей, ведя единое домохозяйство, решая бытовые повседневные потребности, также как, например, происходит разъединение брака и семьи.

Теперь рассмотрим на эмпирическом материале, какие модели домохозяйств респондентов складывались на момент опроса жителей в г. Мирный. Этот город с населением 35390 чел., по официальной статистике 2020 г. можно характеризовать как монопромышленный, который имеет ряд отличительных особенностей известных науке [1,2] В анализе используются первичные данные проведенных автором статьи исследований на темы: «Территориальная мобильность при индустриализации

как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети» проводимых в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100; Программ 9.6.1.и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III – «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010-2016 гг.). Были использованы качественные и количественные методы: социологический опрос по квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$) был проведен в декабре 2010 г. в г. Мирном (n=290). Сбор данных проводился с помощью инструментария, разработанного И. М. Кузнецовым и В. И. Мукомелем, часть вопросов была разработана автором. [3] Полученные данные обработаны и проанализированы в программном приложении SPSS Statistics 22.0.

Известно, что г. Мирный – это город мигрантов, который возник при освоении месторождения алмазов. Можно понаблюдать, какова степень активности в миграции попавших в выборку респондентов: один раз сменили место постоянного жительства опрошенные мужчины (37,2 %), женщины (38,4 %), от 2 до 3 раз – (27,4 % и 32,8 % соответственно); от 4 до 5 раз – (12,4 % и 6,2 % соответственно); 6 раз и более – (5,3 % и 4,0 % соответственно). Значит, можно утверждать, что опрошенные женщины и мужчины почти в одинаковой мере активны в территориальной мобильности.

Остается ли еще миграционный потенциал у горожан на момент опроса? Для выявления был задан специальный вопрос и получено следующее распределение ответов: намерены «обязательно» уехать (31,4%), «уеду, если появится возможность» (37,2 %), «не знаю, об этом не думал» (14,8 %), твердо не намерены сменить постоянное место жительства (7,6 %) и «скорее нет, чем да» (6,2 %).

Как обосновывают респонденты свои намерения о миграции: «здесь слишком суровый климат, это меня не устраивает» (17,6 %), «тянет в родные места, к родственникам, знакомым» (16,9 %), «изначально я так и планировал, как только закончу работать – уехать» (14,8 %), «не знаю, здесь мне уже не вмоготу, хочется подальше куда-нибудь» (12,4 %), «там, куда я намерен выехать, я приобрел жилье» (7,9%), «там живут мои дети, они меня приглашают, им нужна моя помощь» (6,9 %).

Безусловно, многое зависит от уровня материального достатка, когда индивид решает, с кем совместно проживать и иметь единое домохозяйство. Хотя считается, что в промышленных городах республики материальный дос-

таток и уровень жизни выше, чем в сельской местности, однако и потребности у горожан выше, о чем свидетельствует оценка респондентами своего материального положения. Так, ответы респондентов распределились: денег хватает только на продукты питания, мы не можем купить дорогие вещи, или покупаем крайне редко, приходится копить (39,3 %); мы можем приобретать одежду и предметы длительного пользования, но недвижимость нам не «по карману» (35,5 %); денег хватает только на продукты и одежду, а другие вещи (например, холодильник, телевизор, мебель) для нас недоступны (18,3 %); Мы можем позволить себе приобретение квартиры, дачи, частного дома, автомобиля (2,4 %).

Итак, из приведенных данных видно, что из попавших в выборку респондентов почти каждый второй, оценил свой уровень материального достатка, как недостаточный для приобретения недвижимости, жилья. Теперь рассмотрим их семейный статус. Из попавших в выборку респондентов: имеют зарегистрированный брак (56,6 %); незарегистрированный брак (7,2 %); разведенные (10,7 %); вдовец/вдова (4,8 %); никогда не состоявшие в браке (14,5 %).

Таблица 1 – Распределение респондентов по семейному статусу, проживающих одним домохозяйством, в %

	Семейный статус				
	зарегистр. брак	незарег. брак	никогда не состоял в браке	разошлись (разведен официально)	вдовец, вдова
проживаю супругом (й) и детьми	86,0	71,4	-	6,5	-
родителями и своим супругом (й) и детьми	5,5	4,8	16,7	6,5	-
детьми	2,4	4,8	4,8	51,6	64,3
другими родственниками	1,2	9,5	11,9	6,5	-
один	0,6	4,8	16,7	22,6	14,3
другое	2,4	4,7	45,2	3,1	14,3
нет ответа	1,9	-	4,7	3,2	7,1
Итого:	100	100	100	100	100

Из приведенных данных табл. 1, видно, что большинство опрошенных горожан проживает совместно в виде нуклеарной семьи вне зависимости от регистрации брачных отношений, т.е. родители – дети, условно назовем первой моделью. Вторая – это проживание единым домохозяйством с родителями и своим супругом (й) и детьми, т.е. многопоколенная, традиционная модель. В нашей выборке так проживают, в основном, никогда не состоявшие в браке (16,7 %). Очевидно, это те, кто проживает

Если смотреть по счету, в каком браке состоят респонденты, включая незарегистрированный, то ответы распределились: в первом браке живет почти каждый второй (51,0 %), во втором (13,4 %), в третьем (1,7%). Большинство, попавших в выборку жителей г. Мирный имеют детей (74,5 %), бездетные (19,7%). При этом, по числу детей, респондентов, имеющих одного ребенка (32,8 %) и двух (36,6 %) почти равная доля, три и более (6,6 %).

Итак, предварительно, можно сказать, что по уровню материального достатка опрошенные горожане не могут себе позволить приобретение жилья, за исключением малой доли (2,4 %). Большинство из них живет в первом браке, имея одного–двух детей.

Теперь более подробно рассмотрим пять моделей единого домохозяйства, которая гипотетически была «задана» в вопросе анкеты. Однако это не значит, что на протяжении жизни отдельный индивид может жить только в раз и навсегда заданной модели домохозяйства, что и следует из ниже приведенного анализа эмпирических данных. В таблице 1 приведены ответы респондентов, каково распределение моделей домохозяйств на момент опроса в зависимости от их семейного статуса.

с родителями. Третья модель – проживание совместно с детьми: каждый второй разведенный респондент, а также большинство вдовых (64,3 %). Четвертая – вести единое домохозяйство с другими родственниками могут в большей мере никогда не состоявшие в браке респонденты и, очевидно, не имеющие собственного жилья (11,9 %), также как и те, кто живет в незарегистрированном браке (9,5%). Пятая модель – «жизнь соло», «автономное домохозяйство» то, что по утверждению исследователей, находит

сегодня распространение в больших мегаполисах [4]. Автономное домохозяйство могут вести те, кто разведен (22,6 %), никогда не состоявшие в браке (16,7 %) и вдовы (14,3 %) и, видимо, те, кто имеет собственное жилье, судя по возрасту респондентов (рис.1).

Конечно, возраст современного индивида «институционализирован» согласно периоду его жизни: так, от 18 лет и до 21 года предполагается, что он получает профессиональную подготовку – обучение в ССУЗе, ВУЗе, проживание в общежитии, аренда жилья

или проживание у родственников, если это связано с образовательной миграцией (рис. 1). Из данных рис.1 видно, что каждый четвертый 20-24-летний проживает многопоколенным совместным домохозяйством, также живут и 30-34-летние респонденты (13,2 %). Вероятно, этот возраст приходится на инвестиции в собственное жилье молодых семей, когда родители помогают не только по уходу за детьми, но и материально для экономии повседневных расходов на бытовые нужды.

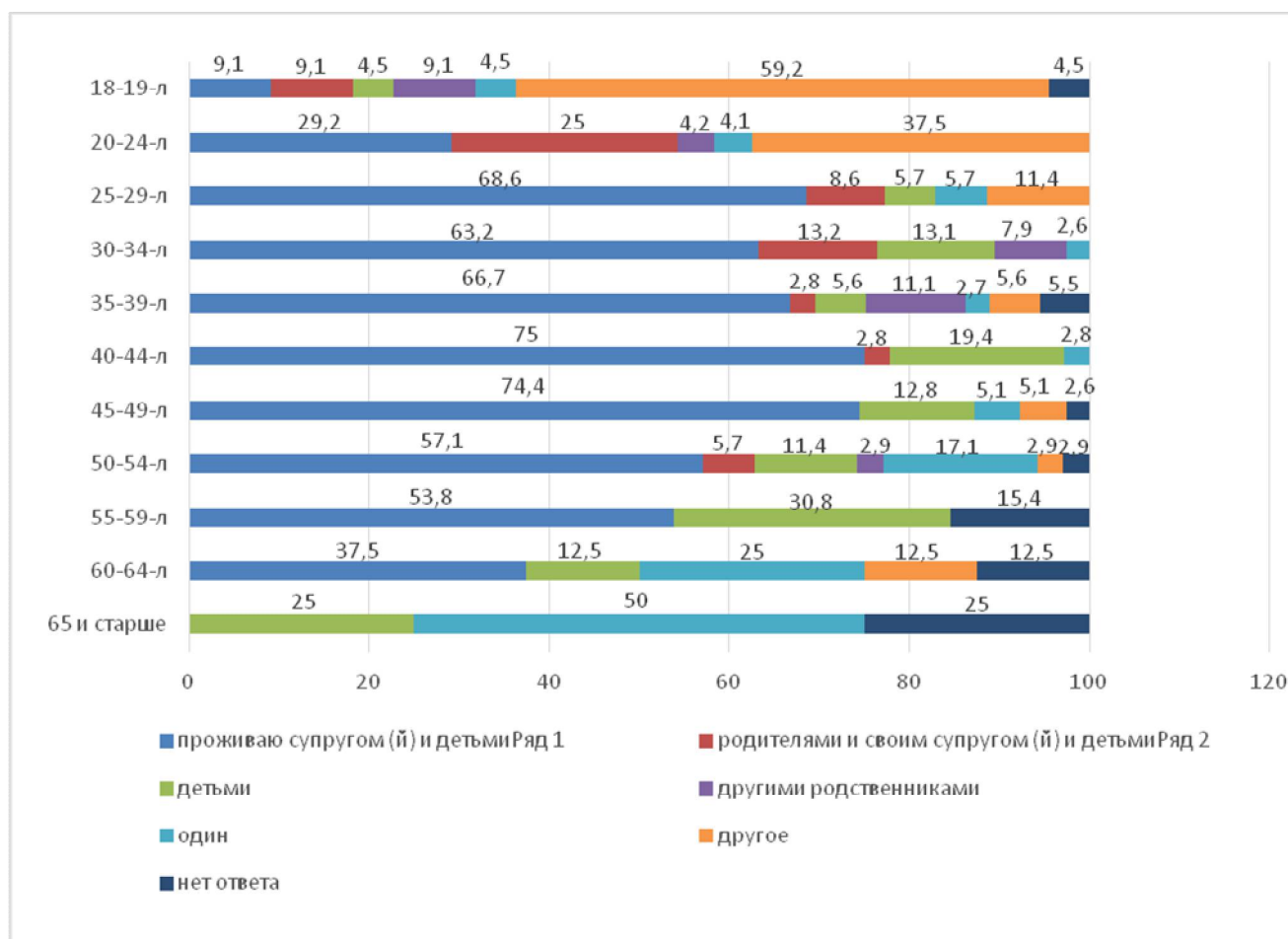

Рис. 1 – Распределение респондентов по возрасту, проживающих одним домохозяйством, в %

Большую долю проживающих с другими родственниками 35-39-летних респондентов (11,1 %), очевидно, можно объяснить тем, что в основном это могут быть одинокие – кто никогда не состояли в браке, разведенные, живущие в незарегистрированном браке. И это в большей мере могут быть мужчины (табл.2). Наибольшая доля приходится на 55-59-летних (30,8 %) и каждый четвертый 65-лет и старше респондентов, которые живут со своими детьми. Можно предположить, что родители из сел могут приобретать жилье для своих детей в го-

родах для того, чтобы они получили образование и в дальнейшем один из родителей может проживать там со своими детьми. И это в большей мере могут быть женщины (табл. 2). Кто сегодня живет один автономным домохозяйством в г. Мирный? Каждый второй 65-летний и старше респондент проживает один, понятно, что этот возрастной контингент по большей части может иметь собственное жилье. Вместе с тем можно обратить внимание, что после 60 лет каждый четвертый опрошенный проживает один.

Таблица 2 – Распределение респондентов по признаку пола, проживающих одним домохозяйством, в %

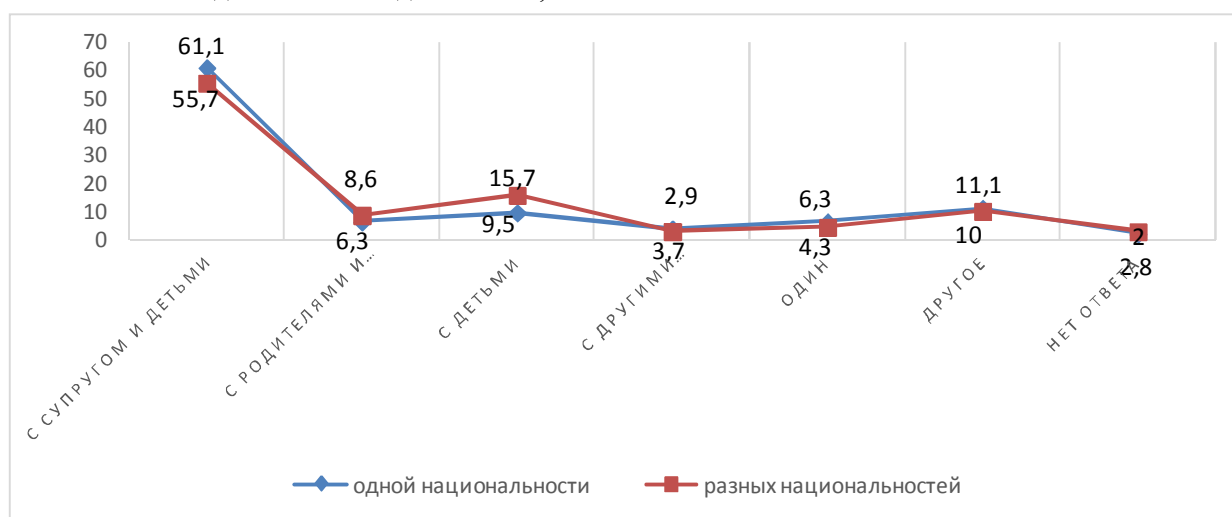
С кем проживает респондент:	Пол	
	муж.	жен.
супругом (й) и детьми	55,8	58,8
родителями и своим супругом (й) и детьми	9,7	5,1
детьми	5,3	14,7
другими родственниками	6,2	2,3
один	8,8	5,1
другое	12,4	10,2

Из данных табл. 2 видно, что из попавших в выборку респондентов с многопоколенной семьей единым домохозяйством живет больше мужчин, также как с другими родственниками, чем – женщин. Однако, на вопрос, сколько раз меняли жилье в г. Мирный, где респонденты проживали на момент опроса один раз сменили жилье опрошенные мужчины (45,1 %), женщины (35,6 %); два-три раза – (соответственно 15,0 % и 19,8 %); четыре и более раз (соответственно 4,4 % и 6,8 %). Значит, можно утверждать, основываясь на ответах опрошенных горожан, что мужчины и женщины почти в одинаковой доле сменили свое жилье в г. Мирный, за исключением того, что мужчины-респонденты на 9,5% превосходили женщин в одноразовой смене жилья. Конечно, речь не всегда может идти о приобретении жилья, это может быть аренда, или «присоединение» к членам семьи и т.п.

В 2019 г. Р. И. Зинуровой проведено пилотажное исследование молодых семей, в

выборку которого попало 42,3 % респондентов, имеющих межэтнический брак [5]. Такая же выборка представлена в исследовании А.Р. Тузикова, проведенного в Республике Татарстан [6]. В 2019 г. З. С. Эльсаевой было проведено исследование о межэтнических браках методом биографического интервью мигрантов из стран Ближнего Востока и Средней Азии и местных женщин, выходящих за них замуж. Хотя респонденты не акцентировали внимание на модели проживания одним домохозяйством, однако каждый рассказывал, как складывались взаимоотношения с родственниками, родителями супругов [7].

Интересно рассмотреть, как распределились ответы наших респондентов, у которых семья объединяет представителей разных этносов (рис. 2). Из приведенных данных видно, что резких расхождений между семьями с одним и разным национальным составом не наблюдается, кроме как третьей модели домохозяйства.

Рис. 2 – Проживание респондентов в зависимости от национального состава семьи одним домохозяйством, в %

Это могут быть респонденты старше 55-65 лет, кто приобретает жилье в городах для своих детей и совместно с ними проживает, пока их дети обучаются, начинают свою профес-

сиональную карьеру или являются одинокими родителями, нуждающимися в помощи и т.п. И это, чаще, может быть женщина (табл.2).

Итак, большинство попавших в выборку горожан живет в первом браке, имея одно-двух детей. Самооценка материального достатка позволяют судить в целом об уровне жизни опрошенных горожан. Уровень материального достатка, по их мнению, не может позволить приобретение жилья, за исключением малой доли ответивших (2,4 %).

Сравнение территориальной мобильности опрошенных мужчин и женщин показала, что ощутимая разница в степени активности между ними отсутствует. У большинства опрошенных в выборке сохраняется миграционный потенциал, который обосновывается природно-климатическими условиями, ностальгией по родным местам, родственникам и т.п.

Гипотетически заданные пять моделей совместного проживания одним домохозяйством респондентов в зависимости от их семейного статуса, признаков пола и возраста позволяет сделать следующие выводы:

– доминирует первая модель нуклеарной семьи, т.е. совместное проживание родителей с детьми в зарегистрированном или незарегистрированном первом/втором браке с одним/двумя детьми;

– вторая модель – проживание единым домохозяйством с родителями и своим супругом (й) и детьми, т. е. многопоколенная, традиционная модель. В нашей выборке так

проживают в основном те, кому от 18 до 25 лет. А также от 50-54 лет, очевидно, это те, кто ухаживает за своими престарелыми родителями, забирая их к себе;

– третья – проживание совместно с детьми: каждый второй разведенный респондент, а также большинство вдовых (64,3 %). Наибольшая доля приходится на 55-59-летних (30,8 %) и каждый четвертый 65-лет и старше респондент, который живет со своими детьми. Возможно, доминирование представителей многонациональных семей и женщин, которые оказывают помощь своим детям, приобретая жилье в городе для них;

– четвертая – вести единое домохозяйство с другими родственниками могут в большей мере никогда не состоявшие в браке 35-39-летние респонденты (11,1 %), очевидно, не имеющие собственного жилья, также как и те, кто живет в незарегистрированном браке (9,5 %). В основном, это могут быть мужчины.

– пятая модель – «жизнь соло», «автономное домохозяйство». Автономное домохозяйство могут вести те, кто разведен (22,6 %), никогда не состоявшие в браке (16,7 %) и вдовы (14,3 %) и, видимо, те, кто имеет собственное жилье. После 60 лет каждый четвертый опрошенный проживает один.

Литература

- 1 Численность постоянного населения по муниципальным образованиям. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (дата обращения: 04.07.2020)
2. Косицына С. В. Социокультурное пространство современного монопромышленного города (теоретический анализ) // Вектор науки ТГУ. № 4(18), 2011. С. 107-110.
3. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств М.: Институт социологии, 2005 50 с.
4. Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М., 2014. 279 с.
5. Зинурова Р. И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение // Управление устойчивым развитием. №3 (28), 2020. С.48 – 55
6. Тузиков А. Р. Молодая семья: социальное самочувствие и общественно-политические процессы (на примере Республике Татарстан) // Управление устойчивым развитием. №3 (28), 2020. С.56 – 64
7. Эльсаева З. С. Кросс-культурная специфика стратегий гендерных взаимодействий //Управление устойчивым развитием. №1 (26), 2020. С.71- 78

©**Винокурова Декабрина Михайловна** – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, e-mail: dorofdm1@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Vinokurova Dekabrina Mikhailovna** – Candidate of Sociology, Associate Professor, Chair, Department of Psychology and Social Sciences, Ammosov NEFU Institute of Psychology, Yakutsk, e-mail: dorofdm1@yandex.ru.

УДК 316.45

Р. И. Зинурова, Л. З. Фатхуллина

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РИСКИ В РЕГИОНЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981

Ключевые слова: регион, агломерация, риски, межнациональное согласие, миграционный поток, этнокультурная ситуация

В современных условиях важным фактором модернизации всего многонационального российского общества и каждой этнической группы в отдельности выступает этнокультурная ситуация. Проблема межэтнических взаимодействий чрезвычайно сложна и противоречива. Сохранение общественного согласия в условиях роста миграционных потоков зависит от того, как воспринимает местное население приезжих и от того, какие риски несет регион из-за большого количества мигрантов. Первичным для определения ситуации риска являются просчет возможных последствий событий с целью избегания рисков. Риск – это опасность, требующая действий по ее избеганию в будущем. Просчет возможных рисков позволит снять напряженность между местным населением и мигрантами, поможет избежать конфликтов, будет препятствовать росту ксенофобских антимигрантских настроений в принимающем сообществе. Основную долю мигрантов в нашем регионе составляют выходцы из стран Средней Азии. Культурная и социальная дистанция стала одной из важных характеристик приезжающих мигрантов и коренного населения. Анализ проблем, которые являются наиболее острыми для принимающего сообщества, в дальнейшем позволят принять стратегические и тактические документы, направленные на интеграцию иностранных граждан и нейтрализацию возможных рисков. Авторами статьи проанализирована миграционная ситуация в Республике Татарстан; разработана типология этноконфессиональных рисков городской агломерации; проведено социологическое исследование в Казанской и Набережночелнинской агломерациях.

R. I. Zinurova, L. Z. Fatkhullina

MIGRATION PROCESSES AND RISKS IN THE REGION

Keywords: region, agglomeration, risks, interethnic harmony, migration flow, ethno cultural situation

In modern conditions, the ethno cultural situation is an important factor in the modernization of the entire multinational Russian society and each ethnic group separately. The problem of interethnic interactions is extremely complex and controversial. Maintaining social harmony in the face of growing migration flows depends on how the local population perceives newcomers and on what risks the region bears due to the large number of migrants. Primary for determining a risk situation is the calculation of the possible consequences of events in order to avoid risks. Risk is a hazard that requires action to avoid it in the future. Calculation of possible risks will help relieve tension between the local population and migrants help to avoid conflicts, and prevent the growth of xenophobic anti-immigrant sentiments in the host community. The bulk of migrants in our region are immigrants from the countries of Central Asia. Cultural and social distance has become one of the important characteristics of visiting migrants and indigenous people. An analysis of the problems that are most acute for the host community will further make it possible to adopt strategic and tactical documents aimed at integrating foreign citizens and neutralizing possible risks. The author of the article analyzes the migration situation in the Republic of Tatarstan; a typology of ethno-confessional risks of urban agglomeration has been developed; a sociological study was carried out in the Kazan and Naberezhnye Chelny agglomerations.

Татарстан – один из наиболее развитых в социально-экономическом отношении регионов в составе Российской Федерации. Структура экономики внутри республики territori-

ально дифференцирована. Основой Северо-Западного старопромышленного региона служит Казанская городская агломерация. Из отраслей промышленности здесь наиболее разви-

ты машиностроение, в частности, авиа- и двигателестроение, а также нефтехимия. В Набережночелнинской агломерации расположено крупнейшее предприятие по производству большегрузных автомобилей («КамАЗ») и ведущие предприятия нефтехимии («Нижнекамскнефтехим» и «Нижнекамскшина»). Северная, центральная, южная и юго-западная части республики представляют собой аграрные территории. Отметим, что наиболее распространенные социологические критерии выделения регионов включают в себя феномены, которые рассматриваются как важные элементы структуры социального капитала общностей, групп и организаций, в частности, нормы общения и поведения [1].

Привлекательность РТ для мигрантов обусловлена несколькими причинами.

Первая причина – экономическая привлекательность. Динамично развивающаяся инфраструктура республики, подготовка мероприятий общероссийского и мирового масштаба требуют огромного количества рабочих рук. Эту потребность невозможно покрыть местными трудовыми ресурсами, поэтому приходится нанимать мигрантов.

Вторая причина – культурная составляющая региона. Тюркское население мусульманского вероисповедания воспринимается приезжающими из Средней Азии и с Кавказа как родственное, близкое. Мигранты-мусульмане полагаются на мусульманскую этику.

Еще одна причина – коммуникационная. В Татарстане близость тюркских языков намного облегчает взаимопонимание между местными и мигрантами-гастарбайтерами.

По мнению Шлыковой Е. В., мигранты представляют собой новый элемент социальной среды, снижающий общий уровень защищенности различных групп принимающего населения, выступая источником рисков разного типа [2].

В этих условиях региональная политика властей должна базироваться на следующих принципах: 1) рассмотрение процесса миграции как неотъемлемой, необходимой и нормальной составляющей общественных процессов; 2) формирование «портрета мигранта» как субъекта, значимого для экономики города и региона; 3) управление и контроль процесса адаптации, и их вхождения в городскую среду [3].

Сохранение общественного согласия в регионах в условиях роста миграционных потоков зависит от того, как воспринимает местное население приезжих. В межэтнических отно-

шениях, всегда видно присутствие двух норм. Вроде естественно считать, что одно дело – «наши, свои», а совсем другое – «чужие». В свою очередь, деление «на своих и чужих» приводит к усилению ксенофобских настроений.

В миграционном обмене со странами ближнего зарубежья по-прежнему преобладают государства Средней Азии. Мигранты априори будут приезжать в Россию: наша страна состоит в Евразийском экономическом союзе, ее рынок труда открыт для граждан Кыргызстана, Армении, Казахстана и Беларуси. Жителям этих стран даже не нужен патент, чтобы работать в нашей стране. С Узбекистаном у России подписано соглашение об организованном наборе, которое гарантирует многие социальные преференции трудовым мигрантам из этой страны. По такому же пути планирует пойти Таджикистан. Мигранты работают там, куда не хочет идти местное население, и они, безусловно, востребованы экономикой России. Часто представители принимающего сообщества отмечают неинтегрированность и слабую встроенность мигрантов в поведенческую культуру того или иного региона [4].

Нельзя однозначно утверждать, что этнические, конфессиональные и миграционные риски в регионе, в том числе в Казанской и Набережночелнинской агломерациях, полностью отсутствуют.

Риск определяет свободу выбора альтернативных решений, направленных на изменение социальных условий существования в сторону повышения благосостояния, стабильности [5]. Чаще всего у населения диагностируется тревожное состояние, связанное с политическими и экономическими трудностями в зоне совместного проживания различных конфессиональных и этнических групп. Решения, принимаемые населением в ситуации риска, зависят от степени контролируемости ситуации. Риск интерпретируется людьми как желательное или нежелательное событие в зависимости от необратимости альтернативного выбора или добровольного создания ситуации риска вследствие психологических особенностей. Риск направлен на реализацию конкретной цели, либо риск – это опасность, требующая действий по ее избеганию в будущем. Главным тогда становится наличие ресурсной базы настоящего по его предотвращению. На интеграцию иностранных граждан и нейтрализацию возможных рисков направлена разработанная «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: «формирование системы социальной и куль-

турной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество» [6].

В рамках реализации проекта РФФИ №18-011-00981 «Социальное картирование эт-

ноконфессиональных и миграционных рисков современной городской агломерации» разработана типология этноконфессиональных рисков городской агломерации (рис. 1):

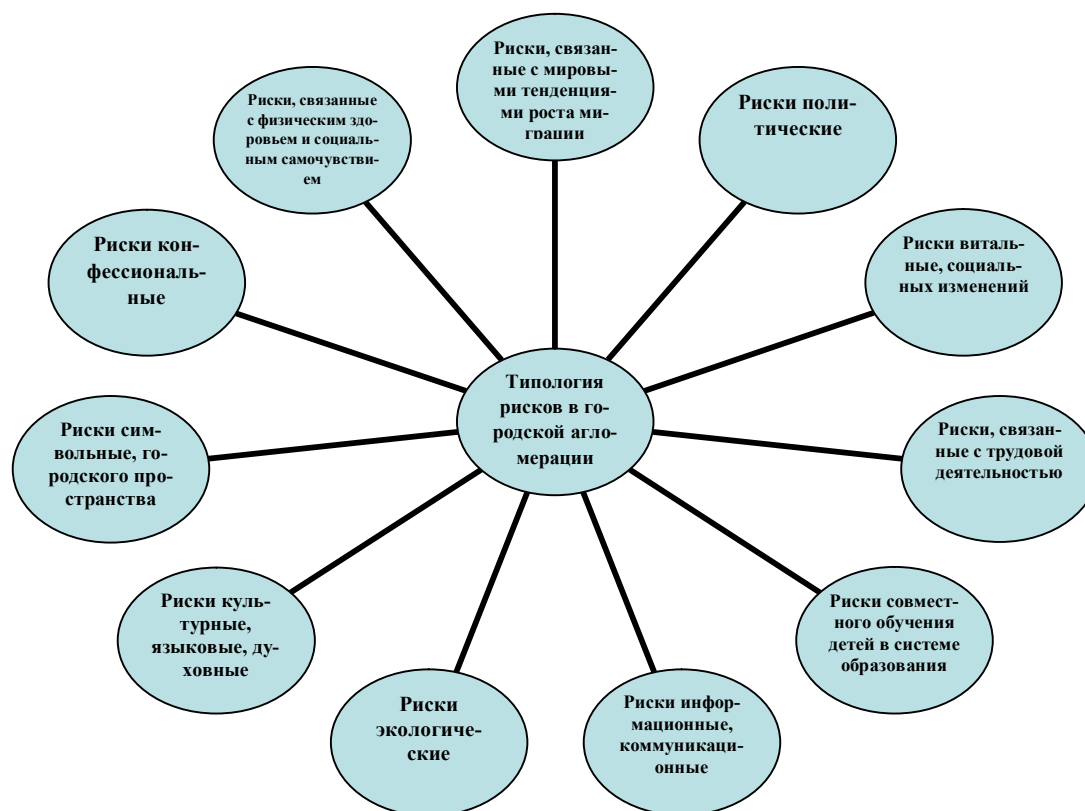

Рис. 1 – Типология этноконфессиональных рисков городской агломерации

Как показало исследование, в представлении населения мигранты порождают ощущения риска, связанного: с изменением состава населения вследствие миграции, возникновением районов, заселенных представителями конкретной национальности и религии; проявлением несвойственного коренным жителям поведения в быту и на работе; проявлением ритуалов, обычаев, типов одежды и т.д., характерных для мигрантов; увеличением детей мигрантов в образовательных учреждениях, в т.ч. и дошкольных; снижением заработной платы на рынке труда, увеличением конкуренции на рынке труда, возникновением нелегального рынка труда из-за притока мигрантов, преобладанием представителей одной национальности или религии в определенных сферах экономики; ростом преступности и обострением криминальной обстановки из-за мигрантов; обострением межнациональных конфликтов и распространением радикальных идей [7].

Таким образом, можно выделить целый комплекс факторов, приведших к сложившейся

ситуации. Во-первых, стоит отметить слабую адаптацию мигрантов. Во-вторых, можем отметить общую фрустрацию российского общества. В-третьих, значительное влияние на ситуацию оказывают СМИ.

В ходе реализации проекта проведено социологическое исследование и проведен сбор эмпирической информации методом массового опроса.

От работающего населения Татарстана иностранцы занимают долю в 1,7 %. По отраслям больше всего мигрантов задействовано в строительной сфере (11 %). В гостиничной отрасли и сфере общепита трудятся 7 % иностранных граждан, на транспорте – 2 %, в торговле – 2 %, на обрабатывающих производствах – 0,7 %. В большинстве своем иностранные граждане занимают сектор с более низкой заработной платой [8]. Эти цифры подтвердило и проведенное исследование. Вопрос анкеты: «В каких сферах мигранты создают конкуренцию основному населению на рынке труда?»

позволил выявить, в каких сферах местное население видит мигрантов в качестве конкурентов (опрос проводился в Казанской и

Набережночелнинской агломерациях). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «В каких сферах мигранты создают конкуренцию основному населению на рынке труда?»

Вариант ответа	Казанская агломерация, %	Набережночелнинская агломерация, %
Создают конкуренцию в промышленности	14,7	18,6
Создают конкуренцию в сельском хозяйстве	16,1	14,7
Создают конкуренцию в транспорте	41,2	18,6
Создают конкуренцию в строительстве	42,2	31,0
Создают конкуренцию в общественном питании	30,6	16,3
Создают конкуренцию в торговле	39,9	28,7
Затрудняюсь ответить	15,1	34,1

Как видим из данных, представленных в таблице, мигранты в Казанской агломерации создают конкуренцию в большей степени в строительстве, транспорте и торговле; в Набережночелнинской – в строительстве, торговле, промышленности. Хотя местное население и отмечает наличие конкуренции, все же эти отрасли нуждаются в большом количестве низкоквалифицированных работников. Таким образом, исследование показало, что конкуренция зависит от

конкретного сегмента рынка труда, и число мигрантов растет в низовых звеньях, куда неохотно идут работать местные.

Для ослабления потенциальной социальной напряженности, которая может возникнуть между местным населением и приезжими, необходимо освещать жизнь этнических мигрантов. Среди основных источников, из которых респонденты узнают о жизни этнических групп, респонденты отметили Интернет и ТВ (табл. 2).

Таблица 2 – Укажите, пожалуйста, из каких источников Вы узнаете о проблемах, связанных с мигрантами в районе вашего проживания?

Вариант ответа	Казанская агломерация, %	Набережночелнинская агломерация, %
Телевизионные каналы	36,1	43,2
Ток-шоу	18,8	13,6
Новостные телевизионные передачи	37,0	28,0
Печатная пресса (газеты, журналы)	32,5	19,5
Новостные сайты в интернете	38,3	45,8
Интернет-источники информации (форумы, блоги, социальные сети)	37,8	43,2
Близкие люди (семья, родственники)	34,5	22,9
Жильцы Вашего дома, микрорайона	18,0	14,4
Личный опыт	27,6	17,0
Другое	0,5	0,9

Современные СМИ, используя новейшие технологии сбора и распространения информации, объективно являются носителем и одновременно транслятором ценностей, внедряя их в сознание представителей

различных групп и слоев населения. Можем отметить, что СМИ могут оказывать существенное влияние на формирование у местного населения негативных установок по отношению к мигрантам. Поэтому сегодня

важны сообщения СМИ, содержащие более реалистичные изображения «портрета мигранта». Часто антимигрантские настроения обусловлены негативными стереотипами, создаваемых и поддерживаемых СМИ. По мнению Шибановой Н. А.: «Социальный портрет мигранта, создаваемый СМИ, не всегда соответствует реальности и зачастую выводит мигрантов за нормативные рамки, позиционируя мигранта как «чужого», во всем отличающегося от «своих» (внешностью, верой, обычаями). Данный образ в дальнейшем может переоформиться в образ мигранта как «врага» или «чужого». Это, в свою очередь, создаст чувство опасности, напряжения и тревожности в принимающем сообществе» [9].

Мигранты, приезжающие в новую страну, стремясь сохранить свои традиции и обычаи, демонстрируют этническую и конфессиональную принадлежность. Эта символизация не характерна для жителей

принимающего сообщества, а связана с традициями трудовых мигрантов. Как видим, почти треть опрошенных в обеих агломерациях «не обращают внимания» на демонстрацию этнической и конфессиональной принадлежности; «готовы сделать замечание в мягкой форме» – 21,3 % и 24,8 % опрошенных соответственно в Набережночелнинской и Казанской агломерациях (рис. 2).

Как видим, 40,9 % респондентов в Набережночелнинской и 30,4 % опрошенных в Казанской агломерациях предпочитают избегать конфликтов; почти пятая часть опрошенных в обеих агломерациях также отметили ответ «сделаю замечание в мягкой форме». То есть большая часть опрошенных занимает наименее агрессивную позицию (рис. 3).

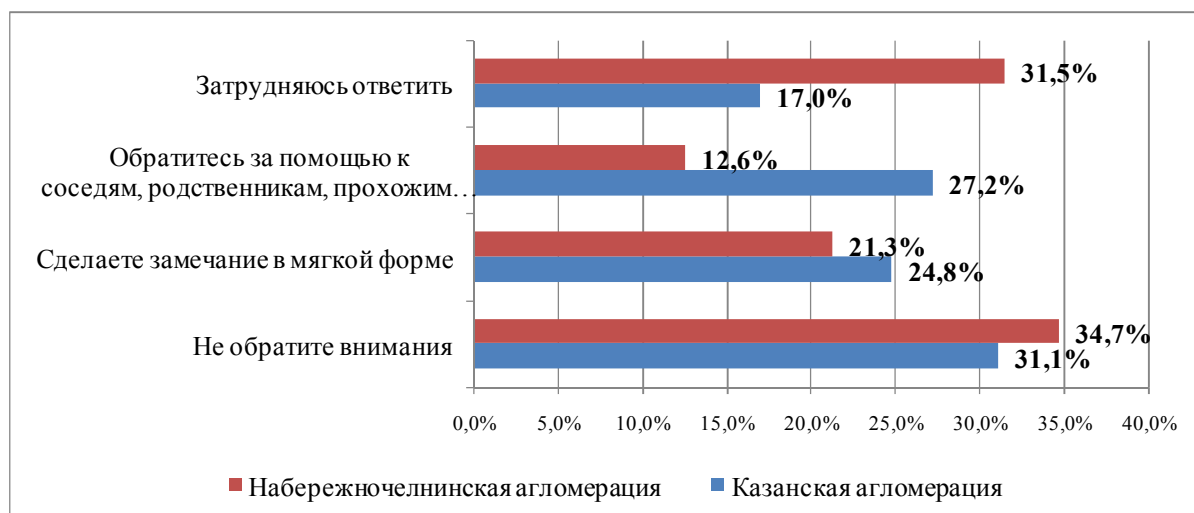

Рис. 2 – Распределение ответов на вопрос: «Если Вы являетесь свидетелем демонстративного проявления приезжими этнической или конфессиональной принадлежности, скорее всего Вы...»

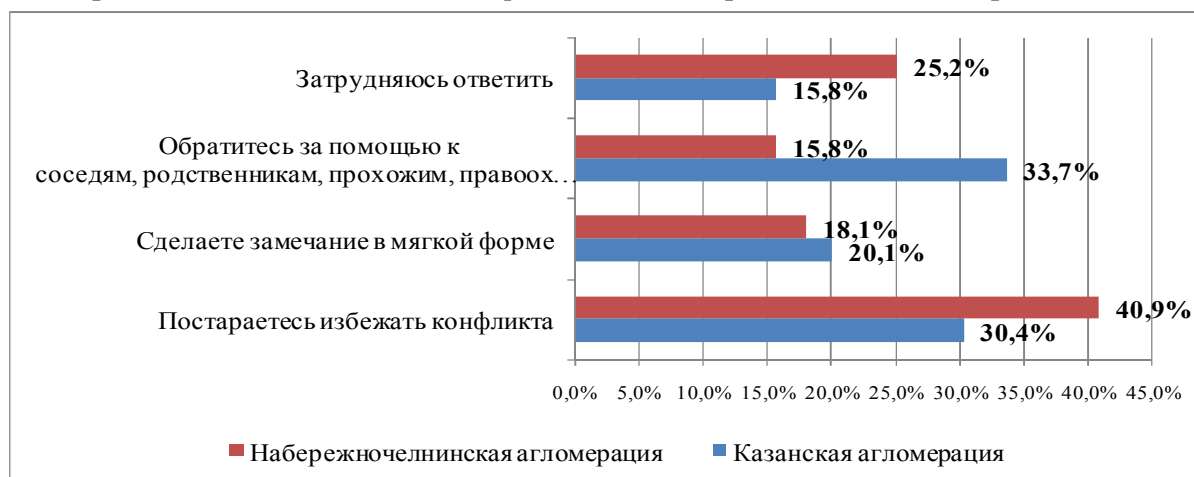

Рис. 3 – Распределение ответов на вопрос: «Если Вы являетесь участником конфликтных отношений с приезжими в своем населенном пункте, скорее всего Вы...»

Таким образом, важным субъектом оптимизации процессов адаптации и минимизации возникающих рисков выступают и сами мигранты. Приезжая в новую страну, важно изучить ее законы, традиции, обычаи,

язык, что поможет в их трудовой деятельности. Самоидентификация в новом обществе, определение стратегии поведения, планы на будущее выступают важным механизмом при адаптации в принимающем сообществе.

Литература

1. Нугаев М. А. Качество социального капитала полиэтнического региона: междисциплинарный и полипарадигмальный анализ. Казань: ООО «Офсет-Сервис». 2015. С. 121-122.
2. Шлыкова Е. В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам. Социология: методология, методы, математическое моделирование. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/3668> (дата обращения 15.05.2020).
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика /Под ред. М. К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. С. 138-139.
4. Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения по вопросам межнациональной и межконфессиональной ситуации в столице и путях её оптимизации». URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3128/Mejnac17.pdf> (дата обращения 15.06.2020).
5. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Структура этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 74-79.
6. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения 20.06.2020).
7. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Миграционные и этноконфессиональные региональные риски в восприятии населения // Управление устойчивым развитием. 2018. №5. С. 41-44.
8. Жизнь мигранта в Татарстане: средняя зарплата в 24 тысячи и все меньше квот на работу. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/84469-> (дата обращения 19.06.2020).
9. Шибанова Н. А. «Автопортрет» трудового мигранта в Интернет-пространстве / Конфликты в социальной сфере: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 194-195.

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, rushazi@rambler.ru.

©**Фатхуллина Лилия Зинуровна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: lialfa@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Fatkhullina Liliya Zinurovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the management and entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: lialfa@rambler.ru.

УДК 316.4

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981

Ключевые слова: идеология, идеологический императив, устойчивое развитие, высшее образование, интерпретации

Идеологические императивы отражают видение идеалов и ценностей исторических периодов в развитии человеческих обществ. На перекрестке идей глобализма, демократии, экономического развития, социальной справедливости, ответственности перед будущими поколениями и экологических ценностей сформировался идеологический императив устойчивого развития (sustainable development). Перед современной Россией стоит «сдвоенный вызов»: обеспечить инновационный рост и при этом ориентироваться на устойчивое развитие. В оборот введено понятие «устойчивое инновационное развитие», предполагающее одновременную ориентацию на две цели. Ресурсосбережение, энергосбережение, демографическое развитие и другие черты, присущие устойчивому развитию в рамках такого подхода, опираются на инновации. Инновации имеют научно-техническое, экономическое, социальное и культурное измерения в силу того, что представляют собой результат целостных процессов и общественных практик и не являются просто следствием технического прогресса. Идеи обретают статус идеологической императивности, если обретают потенциал смыслового конструирования социальной реальности, в которой живут люди. Манифестом идеологии устойчивого развития является Хартия Земли. Шестнадцать ее основополагающих принципов объединены в четыре смысловых императивных блока, выполняющих роль «точек сборки» смыслов и одновременно ценностных параметров определяющих, что «хорошо», а что «плохо». В лозунговой манере создается нарратив будущего «идеального развития» человеческой цивилизации и идеологический фундамент проектирования социально-экономического и социально-политического прогресса. Идеологические императивы устойчивого развития в высшей степени гуманистичны и отражают надежды и чаяния большинства жителей нашей планеты. Но реальность такова, что мир идей сегодня, также как и в прошлом, представляет собой пространство борьбы и конкуренции. Разница лишь в том, что в настоящее время борьба идет скорее за интерпретацию одних и тех же доминирующих идей. Не проиграть в этой борьбе - стратегическая задача России и залог ее устойчивого развития. Большая роль в этом принадлежит высшему образованию.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS AN IDEOLOGICAL IMPERATIVE OF THE MODERN WORLD

Key words: ideology, ideological imperative, sustainable development, higher education, interpretations

Ideological imperatives reflect the vision of the ideals and values of historical periods in the development of human societies. At the crossroads of the ideas of globalism, democracy, economic development, social justice, responsibility to future generations and environmental values, the ideological imperative of sustainable development was formed. Today's Russia faces a «dual challenge»: to ensure innovative growth and, at the same time, focus on sustainable development. The concept of «sustainable innovative development» has been introduced into circulation, implying a simultaneous focus on two goals. Resource conservation, energy conservation, demographic development and other features inherent in sustainable development within the framework of this approach are based on innovation. Innovations have scientific, technical, economic, social and cultural dimensions due to the fact that they are the result of holistic processes and social practices and are not simply a consequence of technological progress. Ideas acquire the status of ideological imperativeness

if they acquire the potential for the semantic construction of the social reality in which people live. The Manifesto of the ideology of sustainable development is the Earth Charter. Sixteen of its fundamental principles are combined into four semantic imperative blocks that play the role of «assemblage points» of meanings and, at the same time, value parameters that determine what is «good» and what is «bad». In a slogan-like manner, a narrative of the future «ideal development» of human civilization and an ideological foundation for the design of socio-economic and socio-political progress are created. The ideological imperatives of sustainable development are eminently humanistic and reflect the hopes and aspirations of most of the world's inhabitants. But the reality is that the world of ideas today, as well as in the past, is a space of struggle and tough competition. The only difference is that now the ideological struggle is waged rather for the interpretation of the same dominant ideas. Not to lose in this struggle is Russia's strategic task and the guarantee of its sustainable development. Higher education plays an important role in this.

Каждый период новейшей истории человечества характеризуется комплексом идей, имеющих формат идеологических императивов, задающих как «повестку дня» в медиа, так и тематику научных дебатов, и даже политический дискурс. Например, второй половине XIX века Западной Европе был присущ выраженный императив национализма, век XX начался под влиянием социалистических идей, и они же во многом определяли политические споры на протяжении почти всего века. В последнее десятилетие XX века произошел спад влияния социалистического дискурса на фоне кризиса и развала мировой системы социализма. Произошел всплеск нового национализма в Европе, причем на фоне идей глобализации и попыток формирования «однополярного мира» в стиле *the west and the rest* (запад и остальные). Данные идеологические ценности, как и ценности религиозного фундаментализма, однозначно не могли выступать в качестве идей, объединяющих человечество. Популярность стал набирать некий микс идей глобализма, демократии, обеспечения экономического развития, социальной справедливости, ответственности перед будущими поколениями и экологических ценностей сформировал идеологический императив устойчивого развития (*sustainable development*).

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию на уровне глав государств и правительств, которая указала на возникающие перед мировым сообществом проблемы и на необходимость именно глобального **устойчивого развития**. Председатель Конференции тогдашний Президент Бразилии Фернандо Коллор де Мелло так определил цели ее проведения: «Мы собрались, чтобы обеспечить прогресс в решении общей задачи, основанной на двух фундаментальных положениях — развитие и окружающая среда. Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель (развития), в которой благополучие всех и сохране-

ние окружающей среды были бы обязательно синонимами... Мы не можем обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире» [1].

На Йоханнесбургском саммите ООН в сентябре 2002 г., который подтвердил приверженность концепции устойчивого развития, принятой в Рио-де-Жанейро, проблема взаимоотношений общества и природы была поставлена в контексте сохранения не только окружающей среды и природных ресурсов, но и человеческой цивилизации как таковой. Идеи устойчивого развития получили адекватную реакцию со стороны российской федеральной власти. В апреле 1996 г. Указом Президента РФ № 440 была утверждена «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Однако, трудностей на этом пути предостаточно и многие из них еще не получили адекватного научного осмысления.

Дискурс устойчивого развития (*sustainable development*) в современных условиях неразрывно связан с контекстами инновационного роста, экологии, биоэтики, энерго и ресурсосбережения, качества государственного управления, народосбережения, бережного отношения к культуре, качества жизни, «экономики знаний», «умных городов» (*smart cities*), качества образования, социальной ответственности бизнеса, развития гражданского активизма и ответственности. Данная проблематика находит свое отражение как в социологических и экономических науках, так в науках об образовании (педагогике).

Перед современной Россией стоит «сдвоенный вызов»: обеспечить инновационный рост и при этом ориентироваться на устойчивое развитие. Видимо не случайно, в оборот введено понятие «устойчивое инновационное развитие», предполагающее одновременную ориентацию на две цели. Ресурсосбережение, энергосбережение, демографическое развитие и другие черты, присущие устойчивому развитию в рамках такого подхода опираются на инновации.

Инновации в социально-экономической и социально-культурной сферах не менее важны, а, точнее, зачастую обеспечивают результативность научно-технических инноваций, так как, во-первых, придают смысловую окраску их целям и практике применения; во-вторых, влияют на характер и формы взаимодействия людей в процессах совместной деятельности; в-третьих, способны формировать потребителя таких инноваций; в-четвертых, обеспечить научно-технические инновации соответствующими кадрами; и, в-пятых, «технологизируют» процесс управления инновационной деятельностью на основе постоянной научной рефлексии ее эффективности.

Таким образом, идеологический императив Устойчивого развития в нашей стране получил акцент на Устойчивое инновационное развитие. Это основано на понимании дискурса инноватики как комплексной межпредметной области знаний о сущности инновационной деятельности, ее организации и управлении инновационными процессами, обеспечивающими трансформацию новых знаний в востребованные обществом новшества как на коммерческой основе (коммерциализация результатов научно-технической и творческой деятельности), так и некоммерческой базе (например, инновации в социальной сфере).

Как уже отмечалось выше, инновации имеют научно-техническое, экономическое, социальное и культурное измерения в силу того, что представляют собой результат целостных процессов и общественных практик и не являются просто следствием технического прогресса. Инновации в социально-экономической и социально-культурной сферах обеспечивают результативность и смысл применения научно-технических инноваций, а также влияют на характер и формы социального взаимодействия людей в процессах совместной деятельности.

Для нас как представителей общественных наук, важны акценты, расставленные междисциплинарными исследованиями социально-экономической и гуманитарной направленности в устойчивом развитии современного общества [2].

Идеи обретают статус идеологической императивности, если обретают потенциал смыслового конструирования социальной реальности, в которой живут люди. Все это происходит, как отмечал Дж.Б. Томпсон, «через непрерывный процесс производства и потребления символических форм, то есть совокупности действий и высказываний, сочетаний текстов и образов, а также других смысловых конструкций» [3].

Неолиберальный императив, задававший трактовку социально-экономического развития и политических процессов в мире, в последние годы заметно теряет свои позиции. Осознание, что мы уже живем в новом мире, выражает и такой, казалось бы «вечный адепт» либерализма как А. Б. Чубайс: «Сейчас не поймешь, что происходит. В историческом процессе, в котором 1970-1980 годы прошлого века были апогеем либерализма, крах коммунистической системы, «тэтчеризм», «рейганомика», а поверх этого соответствующие идеологические работы, в том числе Фрэнсис Фукуяма с книжкой «Конец истории», смысл которой в том, что история закончилась, либерализм победил везде, и больше ничего не будет. После этого, как мы видим, происходит прямо противоположное. Вместо фундаментальных ценностей либерализма, таких как глобализация, демократия, мультикультурализм и другие, им на смену приходят прямо противоположные: ценности национальной идентичности, ценности национальных интересов, приоритета национальной культуры и так далее» [4].

Но именно для преодоления «разбегания» человечества по конкурирующим часто «не на жизнь, а на смерть» национальным «квартирам» и имеется потребность в новых объединяющих идеологических императивах. Новым идеологическим манифестом «нелиберальной» глобализации выступила «Хартия Земли», которая содержит в себе основополагающие принципы и ценности, которые выработаны в целях создания мирного, справедливого, глобального общества XXI века. Создание текста сопровождалось всемирным обсуждением, длившимся шесть лет – с 1994 по 2000 год. Окончательный вариант документа Хартия Земли был утвержден на собрании комиссии, проходившем в Париже, в штабе ЮНЕСКО, в марте 2000 года. В документе содержится около 2,4 тыс. слов и несколько разделов. Среди которых 16 основных принципов, 61 вспомогательный и заключение с красноречивым названием «Путь вперед» [5].

Шестнадцать основополагающих принципов объединены в четыре смысловых императивных блока, выполняющих роль «точек сборки» смыслов и одновременно ценностных параметров определяющих, что «хорошо», а что «плохо». В лозунговой манере создается нарратив будущего «идеального развития» человеческой цивилизации и идеологический фундамент проектирования социально-экономического и социально-политического прогресса. На первое место поставлен императив «Уважения живого сообщества Земли и

забота о нём». Его раскрывают четыре принципа:

1. *Уважать Землю и жизнь во всем её многообразии.*

2. *Заботиться о живом сообществе, относиться к нему с пониманием, состраданием и любовью.*

3. *Создавать справедливые, открытые для сотрудничества, устойчивые и миролюбивые демократические сообщества.*

4. *Сохранять богатство и красоту Земли для настоящего и будущих поколений.*

Первый принцип было бы неверно считать сугубо экологическим, как видно из текста в нем присутствуют и социально-политические идеалы.

Второе место занимает императив «**Экологической целостности**», который призывает:

5. *Защищать и сохранять целостность экосистем Земли, уделяя особое внимание биологическому разнообразию и природным процессам поддержания жизни.*

6. *Использовать в качестве лучшего метода защиты окружающей среды стратегию «предотвращения вреда», а при недостатке информации — стратегию «предосторожности».*

7. *Применять такие модели производства, потребления и воспроизводства, которые сохраняют регенеративные возможности Земли, права человека и благополучие сообществ.*

8. *Развивать исследования в области экологической устойчивости и осуществлять открытый обмен информацией и ее повсеместное применение на практике.*

На третьем месте императив «**Социальной и экономической справедливости**» с требованиями:

9. *Рассматривать искоренение нищеты как этический, социальный и экологический императив.*

10. *Следить за тем, чтобы экономическая деятельность и экономические институты на всех уровнях способствовали развитию человека справедливым и устойчивым образом.*

11. *Поддерживать справедливость и равенство в отношениях между полами как предпосылку устойчивого развития и обеспечить всеобщий доступ к образованию, здравоохранению и возможностям экономического процветания.*

12. *Поддерживать права всех без исключения людей на природное и социальное окружение, поддерживающее человеческое достоинство, здоровье и духовное благополучие,*

уделяя особое внимание правам коренных народов и различных меньшинств.

Как видим, данный императив практически совпадает с программами большинства современных партий социал-демократического толка и отличается от неолиберального дискурса с его акцентами на неограниченную свободу личности, на примат экономических смыслов развития и интересов собственников бизнеса.

Наконец, четвертый императив объединяет в один пакет «**Демократию, ненасилие и мир**», провозглашая необходимость:

13. *Укреплять демократические институты на всех уровнях, обеспечивать прозрачность и подотчетность в их управлении, включая участие в принятии решений и доступ к правосудию.*

14. *Вводить в системы формального и неформального образования знания, ценности и навыки, необходимые для устойчивого развития.*

15. *Относиться ко всем живым существам с уважением и вниманием.*

16. *Создавать культуру толерантности, ненасилия и мира.*

Данные идеи также очень близки к социал-демократическому дискурсу.

Почти 20 лет назад было принято Постановление Госсовета РТ «О проекте Хартии Земли». Татарстан стал первым в мире регионом, где этот документ был одобрен на законодательном уровне и в 2001 году Татарстан начал эксперимент по реализации принципов Хартии Земли. В стратегии развития «Казань 2030» данные принципы уже учитывались. Согласно данной стратегии, Казань позиционируется как динамичный город устойчивого экономического роста и широких возможностей, лидер полюса роста Волга-Кама. Казань — территория здоровья, удобный для жизни город активных и ответственных горожан, открытой власти и безопасной городской среды. Жители Казани, как показывают опросы на сайте мэрии города, разделяют эти ценности. Их видение Казани в 30-м году — это экологический, чистый, благоустроенный, безопасный, уютный зеленый город, город для людей, комфортный город, точка роста нового будущего, образовательный центр, город привлекательный для молодежи, город предпринимателей и социальной ответственности власти.

Человеческий капитал, рост качества жизни при условии сохранения среды обитания положены и в основу стратегии «Татарстан 2030». Научно-технический прогресс и экономический рост трактуются как средство, помогающее достичь данных задач. **То есть во**

главу угла ставятся социальное и человеческое измерение научно-технического прогресса, когда наука и техника способствуют развитию общества и человеческой личности, на основе ресурсосбережения и сохранения экосистемы Земли.

21 июля 2020 года Президент В. В. Путин подписал указ «о национальных целях развития России», которые фактически отражают идеологические императивы устойчивого развития [6]. Среди них:

- а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- б) возможности для самореализации и развития талантов;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- д) цифровая трансформация.

Кроме задач в области цифровой трансформации, очевидна переключка остальных целей с Хартией Земли.

Вместе с тем признавая глобальный характер императивов устойчивого развития, наша страна ни в коем случае не должна забывать о сохраняющейся мировой конкуренции на геополитической «шахматной доске». А эта конкуренция часто использует интерпретации признаваемых большинством землян ценностей и императивов «глобальными игроками», прежде всего в своих интересах. Например, заботу о природе можно использовать как основание «притормозить» экономическое развитие конкурента, императивы демократии и ненасилия, как требование разрешить «оранжевые революции» и смену власти в интересах стран Запада и транснациональных корпораций.

В рамках идеологии устойчивого развития большая роль придается развитию образования, в том числе и высшего, как инструмента формирования нового человеческого капитала. К сожалению, в системе высшего образования подспудно образовался доминирующий тезис о первостепенной важности прикладного, утилитарного знания. Но, ни в коем случае не надо поддаваться искушению нарастить специальную профессиональную подготовку в вузе за счет базовых фундаментальных знаний, в том числе, и в области социально-экономического и гуманитарного знания. Ведь техника всегда разрабатывается и применяется в обществе, на фоне определенной культуры, в контексте общественных отношений, во взаимодействии с большим социумом и малыми социальными группами. «Чистый технар» имеет очень ограниченную карьерную перспективу как руко-

водитель любого уровня, да и как бизнесмен тоже.

Продукт работы вуза не только квалифицированный профессионал, но, прежде всего, гражданин и патриот своей страны. Думается не стоит доказывать опасность качественной профессиональной подготовки специалиста, скажем, в сфере техники и химии, но имеющего «антироссийские, антигосударственные» взгляды и убеждения. В производстве человека общественные науки непосредственным образом влияют на мировоззрение при условии целенаправленно выстроенного содержания образования. Сегодня обоснованно можно ставить вопрос о защите духовного суверенитета, духовной безопасности российских граждан. События на Украине, оранжевые революции в других постсоветских республиках, отечественный опыт сдачи мировоззренческих позиций учебникам «от Сороса» показывают, сколь разрушительны могут быть последствия применения новых видов оружия массового поражения сознания. Под видом «нового прочтения истории», или «изучения передового опыта демократии», или «общечеловеческих ценностей» происходит принятия зарубежного реального мира в качестве «значимого другого» и даже «идеальной модели» для подражания. Этот инокультурный образец впечатывается в сознания людей (группы, слоя) как реально достижимый немедленно, «здесь и сейчас». Нередко встречается ситуация, когда в процессе изучения таких дисциплин как политология или социология, опираясь на материалы, связанные с теорией «модернизации», сравнительным анализом политических систем и т.п. осознанно или неосознанно происходит внедрение в сознание студентов зарубежных образцов общественного устройства (да и то часто мифологизированных) в качестве идеалов.

Почти 200 лет назад А. С. Пушкин написал злободневно звучащие сегодня строки: «Ты просвещением свой разум осветил / Ты правды чистый лик увидел / И нежно чуждые народы возлюбил / И мудро свой возненавидел» [7].

Экономика, несмотря на тренд ее математизации, также не является «чистой наукой». Раймонд Ферт, один из основоположников антропологической экономики: «Экономика в большей степени, чем мы думаем, покоится на моральных основаниях» [8]. Иными словами, экономика – лишь денежное оформление культуры и мировоззрения. И социально-экономическое и гуманитарное знание сегодня – это ключевая часть «мягкой силы» и идеологического проектирования мира.

Как отмечал один из авторов теории модернизации Крейг Кальхун (американский совет по исследованиям в социальных науках) – «**Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна быть принята в других странах. Центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам.** При этом также постулировалась гипотеза, что уровень развития и благосостояния зависит от того, насколько созрело население страны. Если население созрело психологически и социально, то оно уже сможет организовать свои дела так, чтобы достичь того же экономического уровня, который существует в англоязычных странах. Никто даже не думал о том, что в мировой экономике может быть ограниченное число выгодных ниш, в которых и возможно существование столь эффективных экономик...» [9]. Однако в нашем научном и образовательном пространстве данная теория часто преподносится едва ли не как законы И. Ньютона.

Значимость социально-экономического и гуманитарного знания в том, что оно производит смыслы деятельности и идентичность граждан. И тезис о духовном суверенитете и безопасности не пустой звук в современную эпоху обострения конкуренции за ресурсы всех видов и геополитические преимущества. Практически мы живем в период информационно-идеологической мировой войны. Вполне резонно говорить уже о конструировании и применении в этой войне когнитивного оружия, на основе исследований в сфере социальных наук и гуманитаристики. **Когнитивное оружие – это внедрение в интеллектуальную среду страны противника ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий,**

влияющих на ее государственное управление в сторону ослабления оборонно-значимых национальных потенциалов. Результатом является переформатирование сознания таким образом, что из граждан одной страны делаются граждане другой, с соответствующим переформатированием и самой страны, и самой системы высшего образования и науки (в колониальных странах их просто не существует).

Президент России В. В. Путин высказался вполне определенно: «...в конце концов, и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность... Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны» [10]. Добавим и одна из главных задач высшей школы обеспечить это (и свое выживание стати), в том числе и с помощью общественных наук. Без развития знаний об обществе управлять развитием общества невозможно, или этим займутся те, кто имеет такие знания, но уже в своих собственных (далеко не совпадающих с нашими) интересах.

Идеологические императивы устойчивого развития в высшей степени гуманистичны и отражают надежды и чаяния большинства жителей нашей планеты. Но реальность такова, что мир идей сегодня также как и в прошлом представляет собой пространство борьбы и жесткой конкуренции. Разница лишь в том, что в настоящее время идеологическая борьба идет скорее за интерпретацию одних и тех же доминирующих идей. Не проиграть в этой борьбе – стратегическая задача России и залог ее устойчивого развития.

Литература

1. Устойчивое развитие общества. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ustoychivoe-razvitiye-obshchestva.html> (дата обращения: 20.08.2020).
2. Нежметдинова Ф.Т. Роль междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности в устойчивом развитии современного общества (обзор мировых тенденций науки и технологий) // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1(01). С. 33-37.
3. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. P. 56.
4. Чубайс: «Мир перевернулся. Такой ужас в Давосе я припомню только раз». URL: <https://www.bfm.ru/news/344362> (дата обращения: 25.08.2020).
5. Earth Charter. URL: <http://www.earthcharter.ru/zchart.htm> (дата обращения 25.08.2020).
6. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 28.08.2020).
7. Цит. По А.. Замостьянов Он бодро честно правит нами... // Историк, № 7-8, 2016. С. 24

8. Anthropology and Economic Theory / M. Fried (ed.) // Readings in Anthropology. Vol. 2. N.Y.: Crowell. P. 19
9. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. Сайт Института общественного проектирования (ИНОП). URL: [http:// www.inop.ru/files/calhoun.doc](http://www.inop.ru/files/calhoun.doc) (дата обращения: 28.08.2020).
10. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 25.08.2020).

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, rushazi@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration and Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

УДК 314

Ч. И. Ильдарханова, В. А. Гневашева, О. Р. Пятинина**ПОДХОДЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ, ПОЛУЧАЮЩИМИ АЛИМЕНТЫ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)¹**

Ключевые слова: семьи с детьми, получающими алименты, модельные семьи, социально-экономическое состояние семей с детьми, получающими алименты, диверсификационная система поддержки

В статье на основе анализа нормативно-правовой, методологической и эмпирической базы показана диверсификационная система поддержки семей Республики Татарстан с детьми в регионе с критерияльным фактором разности уровня социально-экономического состояния и потенциала развития. Применение метода модельных семей позволяет проанализировать структурные различия в объеме, доступности и степени адекватности поддержки семей с детьми, получающих алименты. Проведенные аналитические оценки позволяют обосновать результаты влияния действующих мер на уровень доходов и уровень бедности данной категории семей республики, определить модельный ряд типичных модельных семей для выбранной совокупности, детерминировать их по ключевым признакам. Авторы актуализируют необходимость нормативного и социально-экономического уточнения поля, в котором рассматривается процесс алиментных отношений, с позиции его оценки как механизма материального благополучия семей с детьми. Формирование целеполагания политики социально-экономического регулирования семей с детьми: политика должна иметь адресный характер. Развитие системы социального кураторства семей, в которых есть юридическая норма алиментных отношений. Изменение системы материальной поддержки на целевые субсидии воспитания, образования, лечения, отдыха детей и подростков с адресным предоставлением как формы компенсации соответствующих услуг. Упрощение характера предоставления услуг материальной компенсации по принципу одного окна, преимущественно, в дистанционном режиме. Изменение форм взыскания алиментов с тех, кто уклоняется от уплаты алиментов, и тех, кто юридически должен выплачивать алименты, но этого не делает в силу отсутствия требований со стороны женщин. Формирование механизма взыскания с них в пользу государства с последующим перераспределением средств на целевые субсидии воспитания, образования, лечения, отдыха детей с адресным предоставлением. Предложенные рекомендации позволяют оптимизировать уровень формирования доходов и уровень бедности семей с детьми в РФ, получающих алименты, и распределить доходы с учетом имеющегося социально-экономического потенциала и перспектив развития.

Ch. I. Ildarhanova, V. A. Gnevasheva, O. R. Pyatinina**TYPOLOGICAL APPROACHES FOR FAMILIES WITH CHILDREN RECEIVING ALIMONY
(CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Keywords: families with children receiving alimony, model families, socio-economic status of families with children receiving alimony, diversification support system

Based on the analysis of the regulatory, methodological and empirical base, the article shows the diversification system of support for families with children of the Tatarstan in the region with the criterion factor of the difference in the level of socio-economic status and development potential. The use of the model family's method allows to analyze the structural differences in the volume, availability, adequacy of support for families with children receiving alimony. The conducted analytical assessments allow substantiating the results of impact of current measures on the income and poverty levels of this family, to determine the model range of typical model families for the selected population, to determine them by key characteristics. The authors actu-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» № 19-011-00644

alize the need for normative and socio-economic clarification of the field in which the process of alimony relations is considered. Changing the system of material support to targeted subsidies for children as a form of compensation of appropriate services. Changing the forms of collecting alimony from those who avoid paying alimony, and those who are legally required to pay alimony, but do not do so due to the lack of demands from women. Formation of a mechanism for collecting funds in favor of the state with subsequent redistribution of funds for targeted subsidies for education, treatment, and recreation of children. The proposed recommendations will optimize the level of income generation and poverty of families with children in the Russia who receive alimony, and distribute income taking into account the existing socio-economic potential and development prospects.

Теоретические основы исследования.

Вопросы семейных отношений всегда находились в области ведения российского законодательства, начиная с 1917 года, и далее реформы семейного права проводились несколько раз. В российской исследовательской литературе было крайне мало самостоятельных исследований по внутрисемейным вопросам, поэтому данная тема относится к малоизученным. Среди авторов, в разное время уделивших внимание данной теме, можно отметить следующих: М. В. Антокольская, В. И. Бошко, Н. М. Ершова, А. И. Загоровский, О. С. Иоффе, Г. М. Каратыш, Н. М. Кострова, Р. Ф. Мажитова, Г. М. Свердлов, В. А. Тархов, Г.Ф. Шершеневич, в том числе в региональном аспекте [1; 2; 3; 4; 5].

Темы семейных отношений, алиментных взысканий рассматривались данными авторами, преимущественно, в русле следования семейному праву и юридической практике с целью обеспечения и защиты прав всех членов семьи. В теоретических разработках данных авторов был определен ряд терминологических концептов, но, вместе с тем, остались нераскрытыми вопросы алиментных обязательств, их детерминации и их места в системе регулирования отношений, нет достаточного обоснования социально-экономических предпосылок формирования алиментных договоренностей.

Современные исследователи определяют алиментные отношения в поле семейных взаимосвязей, а также обращаются к их детерминации исключительно с юридической точки зрения [6; 7; 8], в ряде исследований особенно подчеркивается обоснование правовой природы алиментных отношений [9; 10]. Межстрановые исследования в области семейных взаимодействий позволяют, преимущественно, определить разность норм права в этой области [11; 12; 13]. Серия работ посвящена рассмотрению семейных отношений и алиментных обязательств с позиции сферы социальной работы [14; 15]. Ряд исследований посвящен вопросам особенностей государственного регулирования алиментных обязательств [16; 17; 18].

В последние годы появляются и комплексные исследования социально-экономических особенностей как системы алиментных отношений, так и определения типов семей, включенных в алиментные отношения с целью формирования соответствующей государственной политики регулирования данных вопросов, в этой связи можно отметить исследования в области определения алиментов как фактора качественного и количественного воспроизводства населения [19], а также исследования в области комплексной оценки данной проблемы в РФ [20; 21].

Обобщая, можно заключить, что концепт «алиментные отношения» в исследовательской практике тем не менее не носит системного, многоспектрального исследования в современном научном поле, а вместе с тем, глобализирующееся социально-экономическое пространство требует новых форм самоопределения в рамках семейных взаимосвязей, кроме того в такого рода вопросах важна и региональная специфика с целью формирования эффективных механизмов государственного регулирования данной сферой.

Методика исследования. Основные методы, используемые в исследовании: эконометрические и методы социологического анализа. В частности, применяется метод детерминационного анализа, позволяющий применить механизмы как математического определения, так и обоснования практической применимости полученных факторов, на основе данного метода выявляются свойства рассматриваемых переменных, полученных в рамках эмпирического исследования. Корреляционный анализ дополняет метод детерминации в части более детального анализа значимых переменных, определяющих основные, ключевые социэконометрические точки или маркеры в рамках выборки. Посредством описательной статистики определяются эконометрические взаимосвязи между переменными, выявляются зависимые и независимые переменные, детерминируется характер и степень взаимодействия факторов, а на основе дополнительного экспертного анализа возможно получение качественно нового эм-

пирического материала, позволяющего более конкретно описывать социально-экономические процессы с возможностью дополнительного корреляционного анализа, и с последующими возможностями применения метода графического изображения. В этой связи метод главных компонент как технология многомерного статистического анализа позволяет сократить размерность выборки в части определения значимых переменных с минимальной потерей информации, группируя данные в рамках кластерного подхода, определяя проверяемые переменные в значимые группы с описанием степени и характера их взаимосвязи.

Целью применения представленной группы методов выступает поиск системного решения поставленных социально-экономических задач с оценкой ключевых трендовых тенденций и значимых факторов, характера их взаимосвязи для выработки комплексных социально-экономически обоснованных эконометрических решений развития социально-экономических отношений субъектов выработки, особенности построения их социально-экономического взаимодействия с описанием устойчивых элементов социально-экономического поля.

Гипотезы исследования:

H_1 – алиментные отношения формируются преимущественно как нормативно-законодательная норма, которая требует системного управления со стороны соответствующих государственных служб и ведомств.

H_2 – получаемые алиментные суммы не способствуют существенному росту благосостояния семей РТ с детьми, получающими алименты.

H_3 – минимальная социально-экономическая отдача алиментных отношений дискредитирует саму систему взыскания алиментов и не позволяет говорить о ней как значимой для изменения социально-экономического положения семей РТ с детьми, получающими алименты.

Региональные предпосылки исследования.

Согласно рассмотренным в рамках исследования нормативно-методологическим документам по системе обеспечения и управления алиментными отношениями в Республике Татарстан, можно утверждать, что акты нарушения действующих процессуальных норм в рамках алиментных отношений выступают зоной особого участия и внимания компетентных органов государственной власти.

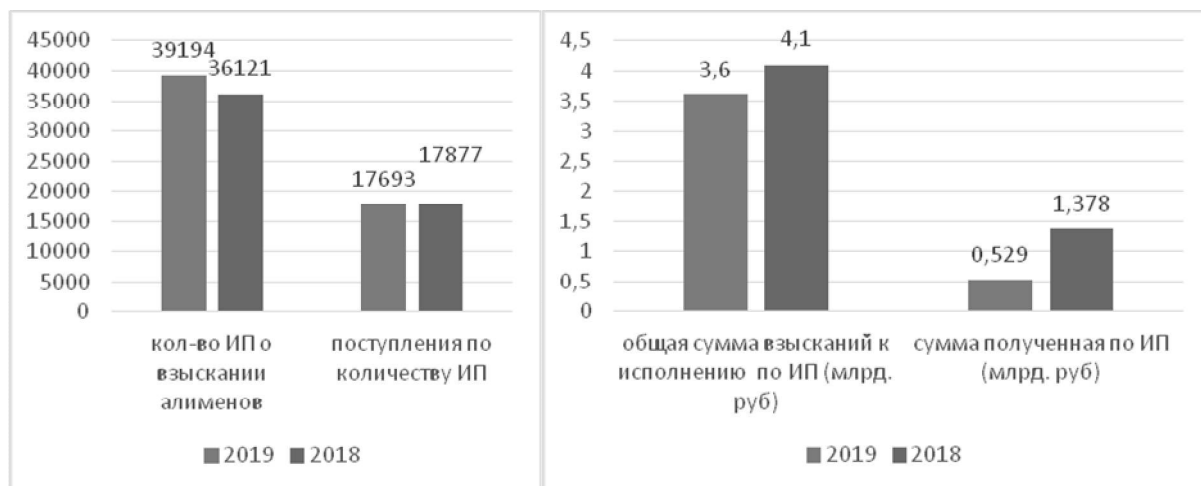

Рис. 1 - Задолженности, взыскания, исполнительные производства: динамика оценок
 Источник: по данным УФСС по Республике Татарстан

По данным УФССП Республики Татарстан, объемы и численность алиментных отношений имеют значимые количественные оценки и некоторую тенденцию роста за последние годы (см. рис. 1). По данным УФССП в реестре детей, чьи родители являются должниками по алиментным платежам, представленного Управлением за 4 квартал 2019 года, имеются 403 ребенка.

УФСС Республики Татарстан определило ряд мероприятий по повышению эффективности взыскания алиментных платежей: усиление взаимодействий с территориальными органами МВД России по РТ в части сбора информации и отслеживания выполнения ИП; совместно с Министерством труда, занятости и социальной защиты РТ проводятся дни единого приема граждан по

вопросам взыскания алиментов; совместно с органами ЗАГС ведется работа по отслеживанию актов изменения гражданского состояния привлекаемых к уплате алиментов. Также УФСС применяется ряд мер принудительного характера в отношении взыскания задолженности по алиментам.

По оценкам УФСС РТ наиболее действенной ограничительной мерой взыскания задолженности по алиментам является ограничение специального права должников (управление транспортным средством), а также установление временных ограничений в праве на выезд за пределы РФ. Особенное внимание УФСС РТ направлено на взыскание задолженности по алиментам в отношении семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума. При этом наиболее действенным механизмом УФСС РТ определяет возможность наложения административного ареста.

В связи с существенными расхождениями в уровне средней заработной платы регионов РФ, возможности взыскания алиментов с неработающих значительно осложняются завышенными по отношению к социально-экономическим региональным оценкам требованиям.

По информации Прокуратуры РТ от 11.02.2020 года в текущем году возросло количество обращений граждан в прокуратуру республики по вопросам взыскания алиментов. При этом отмечается, что основными причинами длительного неисполнения решений судов о взыскании алиментов являются: отсутствие имущества и постоянной работы должников, места их постоянного жительства, сложности розыска должников и др. Прокуратура РТ также считает проведение СМИ разъяснительной работы о правах взыскателя по взысканию алиментов действенной мерой для повышения эффективности взыскания алиментов, определяя низкую юридическую грамотность населения как определяющее препятствие для взыскания алиментов в отношении своих семей.

Ежегодно к Уполномоченному по правам ребенка в РТ обращаются десятки граждан в защиту прав детей на достойное содержание от своих родителей, т.е. на алименты. В 2019 году от граждан поступило 118 жалоб на родителей, злобно уклоняющихся от уплаты алиментов, что на 20 % меньше, чем в 2018 году.

В последние годы предпринимались шаги по расширению мер принудительного воздействия на должников по алиментным отношениям: ограничение пользования должников специальным правом; ограничением права выезда за пределы РФ; ужесточение административного наказания; установление уголовной ответственности;

признание скрывающегося должника по алиментам по истечению 1 года розыска в судебном порядке безвестно отсутствующим для назначения семье страховой пенсии по потери кормильца.

Необходимо отметить следующие важные, по оценкам Уполномоченного по правам ребенка республики, проводимые в целях повышения эффективности реализации мер по обеспечению взыскания задолженностей по алиментным платежам в Республике Татарстан мероприятия: массовые рейды с ГИБДД; при наличии задолженности по алиментам по причине задержки заработной платы работодателем – уведомление органов прокуратуры; проведение разъяснительной работы с родителями по вопросам взыскания алиментов; вынесение на рассмотрение муниципальных комиссий вопросов ненадлежащего исполнения родительских обязанностей лицами, уклоняющимися от алиментных обязательств; обеспечение мер по трудоустройству должников; усиление роли глав муниципальных образований в части мониторинга ситуации; привлечение представителей религиозных конфессий; привлечение общественности; использование ресурсов социальных сетей и социальной рекламы; организация тематических акций и т.д.

Описание исследования. Эмпирической базой исследования выступают результаты социологического опроса «Репродуктивное поведение и трудовая занятость женщин», проведенного Центром семьи и демографии Академии наук РТ в 2019 г. (выборка – 2830 женщин репродуктивного возраста, для анализа была сформирована подвыборка из женщин, имеющих право на алименты – 342 женщины). В соответствии с проведенным исследованием были выявлены типовые (модельные) семьи, позволяющие характеризовать разность подходов регулирования социально-экономического обеспечения семей с детьми в республике и формировать комплекс мероприятий по обеспечению роста их уровня жизни.

Результаты исследования представлены двумя видами типологизаций, дифференцированными разными критериями.

1 вид – типологизация семей по критерию «детность»

Однодетные семьи. Возраст женщин в однодетных семьях, как правило, 25-34 года, по сравнению с остальными группами – это женщины, которые разведены и не имеют партнера на данный момент (57%). Женщины в данных семьях, как правило, имеют высшее образование или среднее специальное. Из тех, кто имеет партнеров на момент опроса, в 66% случаях их партнеры не являются отцом их нынешнего ребенка. Женщины в данных семьях, преимущественно, работают по найму, проживают в городе, в жилье

(как правило это отдельная квартира), принадлежащем только членам их семьи. В сравнении с другими группами по характеру профессиональной деятельности – это рабочие, занятые ручным трудом, служащие, специалисты, работающие в сфере ЖКХ, связи, доставки и быта, соцобеспечения, преимущественно, занятые на рабочем месте на полную ставку, работающие в основном вне дома, хотя в сравнении с другими группами значимая доля работает дома и занята несколькими работами.

Респонденты данной группы в сравнении с прочими демонстрируют большой разброс в среднемесячных заработных платах. В целом по группе модой распределения уровня среднемесячной заработной платы выступает диапазон «от 10000-19999 рублей» (48 %), также значимой является позиция «от 20000 до 29999 рублей» (25 %). В сравнении с другими группами отмечаются и позиции «от 60000 до 69999 рублей», «от 70000 до 79999 рублей», «от 100000 до 199999 рублей» и т.д. Женщины рассматриваемой группы относят себя к среднему классу (58 %), а также к статусу «ниже среднего класса» (29 %). Сбережения есть у трети из данной группы.

Как правило, женщины данной группы, в сравнении с другими группами, получают алименты, также они отмечают в большей доле случаев, чем женщины других групп, что их бывший партнер им не платит. В отношении пособий, как правило женщины данной группы не получают пособий на ребенка, так как не относятся к категории малоимущих.

В сравнении с другими группами, женщины рассматриваемой группы хотели бы завести еще ребенка, однако в целом по группе на вопрос о возможности завести ребенка в течение ближайших трех лет ответили «определенно нет» (32 %) и «скорее нет, чем да» (29 %). При этом основной причиной, мешающей им завести ребенка в сравнении с прочими группами, они указывают «семейная сфера», а в целом в распределении по группе – «материальное положение» (38 %).

Двухдетные семьи. Семьи с двумя детьми составляют 50% общей численности семей с детьми, принявших участие в опросе. Возраст женщин, имеющих двоих детей в более чем половине случаев, находится в диапазоне 30-39 лет (28 % – «30-34», 27 % – «35-39»). Большинство женщин данной группы состоят в зарегистрированном браке (85% данной группы и 50 % в сравнении с прочими группами по данной позиции ответа).

Две трети женщин рассматриваемой группы работают по найму (75 % данной группы и 40 % в сравнении с другими группами по дан-

ному ответу). Интересно отметить, что для данной группы гораздо в большей степени представлена доля тех, кто находится в статусе домохозяйки (46 % в сравнении с другими группами по данному ответу).

Женщины данной группы, как правило, проживают в городе (74 % данной группы), в жилье, которое принадлежит только членам их домохозяйства (81 % данной группы) и, преимущественно, в отдельной квартире (67 % данной группы), треть отметили, что проживают в индивидуальном доме (27 %).

Чуть более половины женщин данной группы определяют свою профессию, должность как «специалист на работах, требующих высшего образования» (52 % данной группы), также есть значимые по численности группы тех женщин, которые определили свою профессию, должность как «работники по специальностям, требующим среднего специального образования» (16 % данной группы) и «работники сферы услуг и торговли» (15 % данной группы). Женщины рассматриваемой группы отметили, что работают, преимущественно, в сфере «науки, образования» (32% данной группы) и «здравоохранения» (12 % данной группы). Подавляющее большинство респондентов сказали, что заняты на работе на полную ставку (94% данной группы) и, как правило, они работают в одном месте и вне дома (92 %). Примерно половина женщин рассматриваемой группы отмечают, что им разрешен гибкий график рабочего времени по договоренности в связи с семейными обстоятельствами, но столько же отметили и обратную ситуацию (в распределении 46 % к 54 %).

В распределении по уровню заработной платы доминантными группами отмечаются: «от 10000 до 19999 рублей» (49 % данной группы) и «от 20000 до 29999 рублей» (28 % данной группы).

Доход домохозяйства женщины оценивают в распределении от группы «от 10000 до 19999 рублей» до «от 50000 до 59999 рублей» (с долями распределения 15% на подгруппу, с модой распределения «от 30000 до 39999 рублей»). Большая часть женщин данной группы относят себя к среднему классу (66 % данной группы), хотя есть численно значимая группа, относящая себя к статусу «ниже среднего класса» (25 % данной группы). Две трети рассматриваемой группы не имеют сбережений (74 % группы).

В отношении идентификации себя в контексте алиментных отношений треть ответили, что получают алименты (30%), треть, что не получают по другим причинам (31 %), каждая пятая не получает по причине неуплаты бывшим партнером. Две трети женщин рассматриваемой

группы не получают пособий на детей, так как их семьи не относятся к категории малоимущих (71 %).

В отношении репродуктивного поведения женщины рассматриваемой группы не ориентированы завести еще одного ребенка (64 %), однако, на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?» выбрали в среднем вариант «3». В ближайшие три года 56 % женщин рассматриваемой группы определенно не собираются завести (еще одного) ребенка, 32 % – «скорее нет, чем да». Так же представлено распределение ответов и в отношении подобного решения на перспективу (52 % ответили «определенно нет», 28 % – «скорее нет, чем да»). На вопрос: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?», женщины данной группы отметили «2», то есть именно то количество детей, которое у них есть на данный момент. Значимыми позициями, которые мешают женщинам иметь желаемое число детей, выступают «материальное положение» (45 %), «состояние здоровья» (31%). Эти же позиции выступают доминантными при сравнении по группам.

На репродуктивное поведение женщин данной группы факторы: «улучшение материального положения семьи», «желание укрепить семью», желание решить жилищные проблемы, используя гос. поддержку» преимущественно «никак не повлияли» (45 %, 32 %, 51 % данной группы соответственно). В целом, данная группа отмечается как социально и экономически устойчивая.

Многодетные семьи. Многодетные семьи в исследовании представлены, преимущественно, семьями с тремя детьми (90 % от всех многодетных семей, принявших участие в опросе). В целом, по выборке многодетные семьи составляют 10%. Как правило, это семьи, женщины в которых состоят в зарегистрированном в ЗАГС браке (89 % данной группы).

В большей мере женщины данной группы имеют высшее (57 %) и среднее специальное (25 %) образование.

В подавляющем большинстве нынешний партнер / муж женщины данной группы является отцом всех ее детей (78 % данной группы выбрали этот ответ).

Чуть более половины женщин данной группы работают по найму (66 %), каждая десятая находится в официальном отпуске по беременности и родам, уходу за ребенком. Партнер / муж женщин данной группы, преимущественно, работает по найму (69 %) или является самозанятым (или индивидуальным предпринимателем) (15 %).

Каждая четвертая многодетная семья, принявшая участие в опросе, проживает в селе, 60 % – проживает в городе. При этом жилье принадлежит членам домохозяйства в 83 % ответов и это либо отдельная квартира (54 %), либо индивидуальный дом (36 %).

Профессии, должности женщин данной группы представлены распределением, преимущественно, среди трех ключевых позиций: «специалисты на работах, требующих высшего образования» (37 %), «работники по специальностям, требующим среднего специального образования» (22 %), «работники сферы услуг и торговли» (13 %). В этой связи среди основных сфер деятельности женщины данной группы отмечают: «наука, образование» (30 %), «искусство, культура» (15 %), «сельское / лесное хозяйство» (12 %).

На работе в 91 % ответов женщины заняты на полную ставку и, как правило, они работают в одном месте и вне дома (89 %). Чуть более половины сказали, что им разрешен гибкий график рабочего времени с учетом их семейных обстоятельств (52 %).

Модой распределения среднемесячной заработной платы женщин данной группы выступает интервал «от 10000 до 19999 рублей» (47 %), а средний ежемесячный уровень доходов домохозяйства представлен группами: «от 20000 до 29999 рублей» (20 %), «от 30000 до 39999 рублей» (15 %), «от 40000 до 49999 рублей» (17 %), «от 50000 до 59999 рублей» (12 %).

В подавляющем большинстве представители данной группы относят себя к среднему классу (69%). У трех представительниц данной группы из четырех нет сбережений.

Каждая пятая семья данной группы состоит в алиментных отношениях, 27 % из них получает алименты каждый месяц, 20 % – не получает, так как бывший партнер не выплачивает, 40 % - не получает по другим причинам.

Около 40 % семей данной группы получает ежемесячное пособие на детей, 52 % – не получает, так как не относится к категории малоимущих.

Подавляющее большинство женщин данной группы не намерено иметь еще детей (76 %) в этом вопросе они солидарны с их мужьями / партнерами, которые ответили отрицательно в 61 % ответов. Также распределяются ответы о вероятности деторождения в ближайшие три года и на перспективу. В качестве ключевых факторов, мешающих иметь еще детей, женщины данной группы отмечают: «материальное положение» (46 %), «состояние здоровья» (39 %). При этом значимым фактором, оказавшим влияние на возможность иметь (еще) детей, для каждой третьей женщины является «улучшение материального

положения» (28 %), «желание укрепить семью» (38 %), и никак не повлияло в 45 % ответов «желание решить жилищные проблемы».

Многодетность формируется преимущественно социально-психологическими и отчасти территориальными факторами, явных факторов воздействия на рост числа детей в семье не отмечено. Уровень социально-экономического положения данных семей, преимущественно, определяется как устойчивый. Уровень совокупного дохода пропорционально прочим группам с меньшим количеством детей имеет тенденцию смещения к более высоким значениям.

2 вид – типологизация семей по критерию «степень включенности в алиментные отношения»

Подвыборка «женщины с детьми, имеющие право на получение алиментов» включает следующие категории: те, кто получает алименты каждый месяц (30 %); те, кто получает алименты, но не каждый месяц (9,6 %); те, кто не получает алименты, так как бывший партнер не выплачивает (21 %); те, кто не получает по другим причинам (31,6 %); те, кто не получает, так как дети живут не с ними (7,3 %). В целом, данная подвыборка составляет 15 % от общей выборочной совокупности респондентов исследования.

Таким образом, первичное рассмотрение данных позволяет говорить, что из подвыборки «женщины с детьми, находящиеся в алиментных отношениях» 52,6 % женщин не получают алименты от бывших партнеров, из них 40% – это те, бывшие партнеры которых уклоняются от уплаты алиментов, то есть половина женщин, состоящих в алиментных отношениях, не получает алиментов от бывших партнеров, каждая пятая не получает алименты по причине уклонения бывших партнеров от уплаты алиментных обязательств.

Описывая подвыборку исследования «Трудовая занятость и репродуктивное поведение женщин РТ» «женщины с детьми, состоящие в алиментных отношениях», можно представить следующие социально-экономические характеристики (в частности, 76% – это те, кто получает алименты каждый месяц и 24 % – получают, но не каждый месяц, при этом средняя величина алиментных отчислений составляла 7997,71 руб., и в среднем выплачивается на 1,2 ребенка).

Каждая третья женщина данной группы разведена и не имеет партнера на данный момент (37%), каждая пятая – состоит в зарегистрированном в ЗАГС браке (23 %). Две трети опрошенных женщин подвыборки имеют высшее образование (71 %), еще 20 % – среднее специаль-

ное образование. 78 % представительниц группы работают по найму, преимущественно, их профессия относится к категории «специалисты на работах, требующих высшего образования» (49 %) или среднего специального образования (17 %) и, как правило, эти работы выполняются в сфере «наука, образование» (31 %), «искусство, культура» (13 %), «здравоохранение» (10 %). Представительницы данной подвыборки работают, преимущественно, «в одном месте и вне дома» (92 %), в среднем их рабочая неделя составляет 38,23 часа. Далеко не везде, практически в половине рабочих мест, женщинам разрешают гибко организовывать свое рабочее время с учетом семейных обстоятельств (54 %).

Мода распределения, отражающая среднемесячную заработную плату, составляет 10000-19999 руб. (52 %), также популярной выступает позиция 20000-29999 руб. (21 %) и позиция 30000-39999 (10%). 59% представительниц рассматриваемой группы относят себя к среднему классу (59 %), 31 % определяют свой социальный класс как «ниже среднего». У подавляющего большинства рассматриваемой группы сбережения отсутствуют (73 %).

Практически половина представительниц подвыборки – это женщины с одним ребенком (49 %), еще 42 % – женщины с двумя детьми, тех, у кого 3 и более детей – 8 %. Около трети представительниц подвыборки не имеют партнера (мужа / гр. мужа) в настоящий момент (38 %).

Женщины из рассматриваемой подвыборки, как правило, проживают в городе (79 %), имеют жилье, принадлежащее исключительно членам домохозяйства (79 %), преимущественно, это отдельная квартира (78 %).

Из рассматриваемой группы 67 % женщин не получают ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 1,5 до 16-18 лет, так как их семья не относится к категории малоимущих.

В отношении перспектив репродуктивного поведения женщины, получающие алименты, хотят иметь в среднем 2 детей и на данный момент не задумываются о возможности иметь еще одного ребенка, большинство также не готово иметь еще одного ребенка в течение ближайших трех лет («определенно, нет» ответили 40 %, «скорее нет, чем да» – 28 %). При этом из причин, мешающих женщинам данной группы иметь желаемое число детей, значимыми выступают две, а именно: «семейная сфера» (41 %) и «материальное положение» (31 %).

Сами женщины данной группы в 51 % ответов использовали свой отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет, в 38 % – до 3 лет. Досрочно выйти из отпуска по уходу за ребенком их побу-

дила необходимость повышения доходов семьи (77 %).

Дети младше 7 лет женщин данной группы посещают регулярно детские сады (82 %), дети старше 7 лет частично посещают группы кратковременного присмотра за детьми (29 % – регулярно и 17 % – не регулярно). Дети преимущественно посещают кружки и секции (треть ответили на данный вопрос отрицательно). В услугах няни женщины данной группы не нуждаются, но привлекают к участию в уходе и воспитании детей родственников: бабушек/ дедушек/ других родственников регулярно задействует половина респондентов рассматриваемой группы, на нерегулярной основе обращаются к помощи по уходу за детьми еще 36 % представительниц данной группы.

Таким образом, общий социально-экономический портрет группы получающих алименты – это женщины в возрасте 30-40 лет, с высшим или средним специальным образованием, работающие в социальной сфере, осведомленные о правах и возможностях, предоставляемых государством в отношении детей, имеющие 1-2 детей, активно привлекающие родственников к воспитанию и уходу за детьми, получающие среднюю заработную плату в районе 20000 руб., относящие себя к среднему и ниже среднего классу, при этом не получающие пособий на детей в силу не признания их семей малоимущими. Социально-психологический тип данного поведения может быть определен как рационально-потребительский с целеполаганием в получении благ.

Вторая рассматриваемая группа женщин, *имеющих право на получение алиментов, но не получающие алименты по другим причинам*, по численности в общей выборке представлена практически так же, как и первая – 32 %. Респонденты данной группы представлены большим возрастным диапазоном от 30 до 50 лет в распределении примерно в равных долях. Представительницы данной группы, как правило, состоят сейчас в другом браке (42 % – состоят в зарегистрированном в ЗАГС браке, 32 % – состоят в незарегистрированном браке); имеют высшее или средне-специальное образование.

Как правило, у представительниц данной группы 1-2 детей, при этом нынешний партнер в чуть менее половины случаев выступает отцом детей женщины (44 %). Женщины этой группы, преимущественно, работают по найму (82 %), а их партнер в 71% случаях работает по найму и в 18 % – является самозанятым или индивидуальным предпринимателем.

В основном представительницы данной группы проживают в городе, их жилье принад-

лежит членам только их домохозяйств и, преимущественно, это квартира или отдельный дом. Женщины данной группы в основном заняты в социальной сфере. Женщины заняты на своей работе на полную ставку и работают в одном месте и вне дома в среднем 39,47 часов в неделю. В 43% случаев женщины отмечают, что им разрешается на их рабочем месте гибко организовывать свое рабочее время с учетом семейных обстоятельств. Так же, как и в предыдущей группе, среднемесячная зарплата женщин этой группы в среднем составляет 10000 – 30000 рублей. Средний доход домохозяйств женщины данной группы относят к уровню 10000 – 40000 рублей, определяя себя как, преимущественно, средний класс (56%), они частично имеют сбережения (20%). 86 % представительниц данной группы не получают пособие на ребенка, так как не относятся к категории малоимущих. Эту группу можно условно назвать «начать с начала». В этой связи даже юридический возврат к прошлым отношениям нарушает ее социально-семейное благополучие.

Основной вопрос, который важно уточнить в отношении данной группы – это поле, в котором рассматривается процесс алиментных отношений, если это вопрос исключительно экономической компенсации, сопровождаемый юридическими и процессуальными нормами, то, несомненно, пути его решения находятся в области государственного регулирования, однако, как показывает исследование, поле данного вопроса следует искать в социально-психологических отношениях, что побуждает воспринимать прежние отношения как вычеркнутые из социально-экономического пространства женщин.

«Женщины с детьми, состоящие в алиментных отношениях, но не получающие алименты по причине неуплаты бывшими партнерами»

В целом по подгруппе женщин, состоящих в алиментных отношениях, каждая пятая не получает алименты по причине неуплаты бывшими партнерами. Как правило, это женщины в возрастной группе «30-34 лет» (21 %), «35-39 лет» (26 %), «40-44 лет» (22 %). Каждая пятая из этой группы разведена (21 %), треть состоит в зарегистрированном в ЗАГС браке (34 %). Чуть более половины представительниц данной группы имеют одного ребенка (52 %), в меньшей доле – двух (40 %).

Каждая третья на момент опроса не имеет партнера (30 %), треть группы имеет партнера, который не является отцом ее детей и еще для трети нынешний партнер является отцом только младшего ребенка.

Две трети представительниц данной группы работают по найму (72 %), 13 % являются самозанятыми или индивидуальными предпринимателями.

Женщины данной группы проживают преимущественно в городе (82 %), в квартире (71 %) или индивидуальном доме (19 %), который принадлежит членам домохозяйства (70%) или членам домохозяйства и другим собственникам (14 %). Большая часть женщин данной группы работает в одном месте вне дома (82 %), 13 % – работает в нескольких местах вне дома. Возможность использования гибкого графика работы имеется у 60 % женщин данной группы.

Распределение среднемесячной заработной платы женщин данной группы находится преимущественно в диапазоне «от 10000 до 19999 рублей» (41 %) и «от 20000 до 29999 рублей» (25 %). Среднемесячная заработная плата, по сути, и формирует доход домохозяйств данной группы. В этой связи примерно половина представительниц данной группы определяют себя как средний класс (52 %), 36 % говорят о своем статусе как о «ниже среднего».

Только каждая пятая представительница данной группы имеет сбережения. Данная группа, в сравнении с прочими, наиболее социально-экономически уязвима. С позиции семейных отношений для женщин данной группы нет четкой, крепкой позиции, в отношении с ребенком – нет устойчивых внутрисемейных взаимодействий, в экономическом отношении – есть стремление восполнить некоторый объем дохода, но нет четко определенных критериев уровня и значимости ожидаемых доходов.

Заключение. На основе проведенного исследования Центр семьи и демографии АН РТ разработал ряд рекомендаций по усилению мер регулирования социально-экономического положения семей с детьми, получающих алименты, с целью получения социально-экономического эффекта от проводимых мероприятий в отношении как самой семьи, так и детей, проживающих в этих семьях.

Среди значимых положений важно отметить следующие:

Нормативное и социально-экономическое уточнение поля, в котором рассматривается процесс алиментных отношений, с позиции его оценки как механизма материального благополучия семей с детьми. Если это вопрос исключительно экономической компенсации, сопровождаемый юридическими и процессуальными нормами, то, несомненно, пути его решения находятся в области государственного регулирования, однако, как показывает исследование, поле данного вопроса следует искать и в социально-

психологических отношениях включенных в алиментные отношения субъектов, для которых, в частности, женщин, прежние отношения зачастую воспринимаются как вычеркнутые из их социального пространства, а соответственно меры поддержки материального благополучия данных семей должны представлять собой меры государственного соучастия через разные формы адресных механизмов поддержки семьи в отношении прожиточного минимума и детей в отношении их социально-экономической обеспеченности.

Формирование целеполагания политики социально-экономического регулирования семей с детьми: политика должна иметь адресный характер и быть направлена, преимущественно, на социально-экономическое обеспечение детей при поддержании необходимого уровня благосостояния их семей.

Развитие системы социального кураторства семей, в которых есть юридическая норма алиментных отношений. Цель социального кураторства – реализация механизма оптимального решения вопросов экономического регулирования взаимодействий с прежними партнерами при соблюдении социально-психологических интересов женщин с детьми и формирование пакета мер адресной поддержки детей и их семей. В рамках реализации партийного проекта Единой России «Крепкая семья». в 2018 г. во всех муниципальных образованиях РТ был реализован ряд мероприятий по социальному кураторству семей с детьми-инвалидами, имеющих право на алименты. Главной целью было взыскание денежных средств с отцов. Предлагаем курировать семьи, в которых отцы уклоняются от уплаты алиментов, на предмет оценки того, в чем конкретно нуждается такая семья и изысканием возможностей государственных структур по удовлетворению потребностей семьи.

Изменение системы материальной поддержки на целевые субсидии воспитания, образования, лечения, отдыха детей и подростков с адресным предоставлением как формы компенсации соответствующих услуг.

Упрощение характера предоставления услуг материальной компенсации по принципу одного окна, преимущественно, в дистанционном режиме.

Изменение форм взыскания алиментов с тех, кто уклоняется от уплаты алиментов, а также тех, кто юридически должен выплачивать алименты, но этого не делает в силу отсутствия требований со стороны женщин. Формирование механизма взыскания с данных категорий граждан в пользу государства с последующим перераспределением средств на целевые субсидии

воспитания, образования, лечения, отдыха детей с адресным предоставлением.

Алименты (не)получают только те женщины, которые заявили о своем праве на них. Остальные женщины предпочитают не связывать себя никакими отношениями с бывшим мужем/отцом ребенка (из-за чувства обиды, страха, унижения, гордости, др.). При этом, анализ результатов социологического опроса, проведенного Центром семьи и демографии, позволяет говорить о том, что выделяется группа мужчин, которые готовы платить алименты своим детям, но женщина полностью разрывает связь с бывшим супругом/отцом ребенка и не позволяет ему видеться с ребенком и помогать ему материально или иными видами помощи. В таких случаях мужчины, лишённые возможности общаться с ребенком, также испытывают моральные и психологические муки. Необходимо законодательно установить автоматическую обязанность мужчины выплачивать алименты на ребенка при разводе. Отчисления, поступающие от отцов, будут аккумулированы в Едином фонде алиментных платежей (новая структура). Из этого фонда средства напрямую адресно будут направлены на нужды ребенка (в виде социальных услуг, путевок в лагерь, на отдых, лечение и т.д.). Это позволяет разгрузить сильное психологическое напря-

жение между бывшими супругами, освобождает женщин от необходимости регулировать данный вопрос напрямую с отцом ребенка. Есть основания предполагать, что такое обязательство положительно повлияет и на количество разводов (из целе-рациональных побуждений и из бережного отношения к своим трудо- и энергозатратам мужчина не захочет платить и ребенку от первого брака и вкладывать средства на воспитание ребенка в новом браке).

Положения и выводы могут представлять интерес: 1) при проведении дальнейших эмпирических исследований по проблемам регулирования социально-экономического положения семей с детьми, получающих алименты, с целью получения социально-экономического эффекта от проводимых мероприятий в отношении как самой семьи, так и детей, проживающих в этих семьях; 2) в деятельности органов государственной власти при разработке концепций, национальных программ и социальной политики на федеральном и региональном уровнях по достижению социально-экономической устойчивости семей с детьми, получающих алименты; 3) при разработке курсов по социологии, экономической социологии.

Литература

1. Малышева О. Л. Устойчивое развитие и традиции института семьи: искушение реформированием (опыт первых лет советской власти) // Управление устойчивым развитием. 2017. № 1(08). С. 49-56.
2. Ячменева М. В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. №3 (22). С. 83-88.
3. Барсукова Т. И., Саенко Л. А., Тайсаева Б. М. Социальное положение женщины РСО-Алания в социально-бытовой и семейной сферах // Управление устойчивым развитием. 2019. №4 (23). С. 57 -64.
4. Зинурова Р. И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение // Управление устойчивым развитием. 2020. №3 (28). С. 48-55.
5. Тузиков А. Р. Молодая семья: социальное самочувствие и общественно-политические процессы (на примере Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2020. №3 (28). С. 56 – 63.
6. Akhmetyanova Z. A., Nizamieva O. N., Novikova I. I. About prospects of participation of Russia in the convention on the international order of alimony recovering of 2007 // Journal of Politics and Law, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 25-29.
7. Artemyeva Y., Ivanovskaya N., Koncheva V., Sitkareva E. Current problems of concluding an agreement on the alimony payment for minors in Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics, 2018, vol. 9, no.3, pp. 859-869.
8. Kudryavtseva L., Kolessnikova V., Miroshnichenko O. Alimony obligations of parents and children in international private law // Actual Problems of Modernity, 2017, no. 4(18), pp. 38-43.
9. Сангаджиев Ц. А., Шараева К. С. К вопросу о правовой природе соглашения об уплате алиментов // Экономика и социум. 2019. №6(61). С. 786-789.

10. Danilevich-Prokorym V. The legal framework and the actual alimony claims of adult children towards their parents // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей под ред. И.Э. Мартыненко. Гродно, 2016. С. 141-145.
11. Partain R. Comparative Family Law, Korean family Law, and the Missing Definitions of Family // Hongk University Journal of Law, 2012, vol.13, no. 2.
12. Tsaoussis A. Protecting homemakers marriage-specific investments under no-fault divorce: a model for restructuring alimony in civil law countries // American Law and Economics Review, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 217-247.
13. Костюченко Е. Ю. Алиментная обязанность родителей в отношении несовершеннолетних детей на примере регулирования в законодательствах отдельных стран-участниц СНГ: Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Украины // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 56-58.
14. Рабец А. М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству: проблемы сосуществования // Современное право. 2018. № 2. С. 25-30.
15. Богданова Р. Р., Урузбаева Г. Т. Социальная работа с семьями, имеющими проблемы в алиментных отношениях // Современная педагогика и психология: проблемы и перспективы материалы Международной студенческой научно-практической конференции: в 2-х томах. Ред. И. Д. Лельчицкий, О. О. Гонина. 2018. С. 292-299.
16. Керемжанова Г. С., Вдовенко Е. С. Регулирование алиментных обязательств в международных отношениях // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 1 (17). С. 645-649.
17. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Тренды молодежной политики за рубежом // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 10. С. 345-348.
18. Данилян М. А. Некоторые направления дальнейшего совершенствования алиментного законодательства // Современное право. 2014. № 11. С. 76-79.
19. Гурко Т. А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110-120.
20. Ржаницына Л. С., Калабихина И. Е., Воронин Г. Л., Воронин В. М., Назарова И. Б., Ольшанская О. В., Рыбальченко С. И., Чурилова Е. В., Дробашенко Н. В. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М.: Институт экономики РАН, 2012. 336 с.
21. Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65-69.

Сведения об авторах:

©**Ильдарханова Чулпан Ильдусовна** – доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, член научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук РАН», Российская Федерация, Казань, e-mail: Ildarhanova.Chulpan@tatar.ru.

©**Гневашева Вера Анатольевна** – доктор экономических наук, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, Казань, e-mail: vera_cos@rambler.ru.

©**Пятинина Оксана Ренатовна** – аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, Казань, e-mail: pyatinina_or@zarnitza.ru

Information about the authors:

©**Ildarhanova Chulpan Ildusovna** – Doctor of Sociological Sciences, Director of Family and demography center of Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation, Kazan, e-mail: Ildarhanova.Chulpan@tatar.ru.

©**Gnevasheva Vera Anatolyevna** – Doctor of Sociological Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment, IDR FSRSC RAS, Senior Researcher, Family and demography center of Tatarstan Academy of Sciences, Russian Federation, Kazan, e-mail: vera_cos@rambler.ru.

©**Pyatinina Oksana Renatovna** – postgraduate student of the Center for advanced economic research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, e-mail: pyatinina_or@zarnitza.ru.

УДК 316.45

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, С. А. Алексеев

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ МИГРАНТОВ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00981

Ключевые слова: мигранты, миграция, стереотипы, городские агломерации, средства массовой информации, риски

В настоящее время проблема миграции и мигрантов в российских регионах является одной из популярных тем в средствах массовой информации. Средства массовой информации активно участвуют в формировании отношения социума к мигрантам и их образа в глазах коренных жителей, обеспечивают коммуникацию между мигрантами и коренными жителями, выступают источником информации при принятии решений о миграции. Результаты деятельности средств массовой информации в освещении проблемы миграции могут быть как позитивными, так и негативными. Они не только транслируют сформировавшиеся в обществе отношение к мигрантам и стереотипы в их отношении, но и могут формировать их под воздействием читательской аудитории, редакционной политики издания, личной позиции журналистов, определяя то, какими, в конечном счете, будут представляться мигранты обществу. В рамках исследования проведен анализ информационных материалов таких республиканских изданий как «Бизнес-Онлайн», «Татар-информ», «Республика Татарстан», «Вечерняя Казань», касающихся мигрантов в Республике Татарстан и в ее городских агломерациях (Казанской и Набережночелнинской). Выявлено, что средства массовой информации, описывая мигрантов, для их характеристики используют исключительно место их происхождения (республики Средней Азии, Кавказ) и ситуации, которые эти мигранты порождают. Практически отсутствуют материалы, показывающие примеры успешной адаптации как отдельных мигрантов, так и мигрантов в целом. В результате мигранты оказываются обезличенными, а отношение к ним либо нейтральное, либо как к потенциальному источнику риска. Проведенный анализ материалов свидетельствует о том, что назрела необходимость трансформации образа мигрантов в средствах массовой информации путем демонстрации примеров их успешной адаптации, позитивных жизненных историй и т.д.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova, S. A. Alekseev

FEATURES OF MEDIA IMAGES OF MIGRANTS IN URBAN AGGLOMERATIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Key words: migrants, migration, stereotypes, urban agglomerations, mass media, risks

Currently, the problem of migration and migrants in the Russian regions is one of the popular topics in the media. The mass media are actively involved in shaping the attitude of society towards migrants and their image in the eyes of indigenous people, provide communication between migrants and indigenous people, and act as a source of information when making decisions on migration. The results of the activities of the media in covering the problem of migration can be both positive and negative. They not only broadcast the attitude towards migrants and stereotypes in their attitude formed in society, but can also shape them under the influence of the readership, editorial policy of the publication, the personal position of journalists, defining how the migrants will ultimately appear to society. As part of the study, the analysis of information materials of such republican publications as «Business-Online», «Tatar-inform», «Republic of Tatarstan», «Vechernyaya Kazan» concerning migrants in the Republic of Tatarstan and in its urban agglomerations (Kazan and Naberezhnochelninskaya). It was revealed that the mass media, describing migrants for their characteristics, use only the place of their origin (the republics of Central Asia, the Caucasus) and the situations that these migrants generate. There are practically no materials showing examples of successful adaptation of both individual migrants and migrants in general. As a result, migrants turn out to be impersonal, and the attitude towards them is either neutral, or as a potential source of risk. The analyzed materials allow us to conclude that there is a need to transform the image of migrants in the media by demonstrating examples of their successful adaptation, positive life stories, etc.

Процессы миграции выступают в настоящее время как один из главных вызовов, стоящих перед российским социумом, поэтому неудивительно, что проблема миграции выступает в качестве одной из популярных тем в средствах массовой информации. В этой связи средства массовой информации выступают в качестве инструмента по формированию отношения принимающего общества к мигрантам, образа мигрантов в глазах коренных жителей, обеспечивают коммуникацию между различными социальными общностями (между мигрантами и коренными жителями, между различными группами мигрантов, между мигрантами и их родственниками за границей), служат ориентиром при принятии решений о переезде и выборе потенциального направления для миграции.

В то же время необходимо отметить, что результаты деятельности средств массовой информации в освещении проблемы миграции могут быть как позитивными, так и негативными. Это связано с тем, что они не только транслируют сформировавшееся в обществе отношение к мигрантам и стереотипы в их отношении, но и активно могут формировать их под воздействием читательской аудитории, редакционной политики издания, личной позиции журналистов, и здесь принципиальную важность начинает играть то, какое отношение формируется к мигрантам – толерантное или отчужденное, построенное на образе «Чужого». Стоит принимать во внимание, что воздействие средств массовой информации на массовое сознание способно активно влиять на освещаемые процессы и последствия, что предопределяет важное место этого социального института в процессе формирования конструктивных отношений в социуме, в частности между мигрантами и коренными жителями [1, с. 27].

В этой связи представляется интересной работа Е. Комаровой, которая исследовала образ мигранта, используя материалы сети ВКонтакте и Национального корпуса русского языка (газетный корпус). В результате выполненного анализа автором было выявлено, что средства массовой информации, представляя мигрантов в рамках официального дискурса, концентрируют внимание читателей на статусе, присущем мигранту. Здесь наблюдается тенденция представить мигрантов как имеющих нелегальный статус, проявляющих инакомыслие и обладающих другой культурой, религией, языком и противопоставить их местным жителям. В процессе подобного противопоставления под-

черкивается разрыв между «чужими» и «своими», вводится идея об их принципиальной культурной несовместимости и формируется риторика угрозы.

Е. Комарова подчеркивает, что в отношении мигрантов средства массовой информации активно используют такой инструмент воздействия на читателя, как применение экспрессивных ресурсов языка, в частности в качестве таковых выступают лексемы, имеющие сниженную стилистическую окраску. В качестве второго инструмента выступают речевые средства, подчеркивающие принадлежность мигрантов к исламу, причем в отношении этой конфессии прослеживается ассоциация с угрозой терроризма, что также способствует формированию у читателей ощущения напряженности и беспокойства. В целом, по мнению исследователя, использование таких инструментов средствами массовой информации работает на формирование негативного образа мигрантов, превращая их в источник неприязни [2].

Интересен и подход М. Садыковой, которая при анализе проблемы миграции предлагает опираться на подход А. П. Чудинова, исследовавшего проблему использования в средствах массовой информации метафор, особых конструкций, которые отражают имеющиеся у автора целевые установки, политические взгляды и личностные качества, а также формируют восприятие авторского текста читательской аудиторией [3].

А. П. Чудинов выделяет четыре основных типа метафор, широко используемых в российских изданиях: антропоморфную, натуроморфную, социоморфную, артефактную. При использовании антропоморфной метафоры в тексте осуществляется описание реальности на основе ее уподобления человеческой природе. При использовании натуроморфной метафоры описание реальности в тексте строится на основе концептов природы, окружающей человека. Тексты, использующие социоморфную метафору, используют концепты, относящиеся к социальной сфере. При использовании артефактной метафоры описание реальности строится через концепты предметов, созданных трудом человека [3, с. 37-38]. Проведенный М. Садыковой анализ показал, что средства массовой информации преимущественно конструируют негативный образ мигрантов, используя при этом модели, построенные на основе натуроморфных, социоморфных и артефактных метафор. Ряд метафор имеет устойчивый ха-

рактически, например, сравнение миграции с потоком воды (натуроморфная метафора) или сравнение миграции с военными действиями (социоморфная метафора). В тоже время автором зафиксировано появление новых метафор, например, социоморфной метафоры, связывающей миграцию с явлениями в экономической сфере [3].

Среди используемых для анализа СМИ в рамках нашего исследования были выбраны: деловая электронная газета «Бизнес Online», электронное периодическое издание «Татар-информ», газеты «Вечерняя Казань» и «Республика Татарстан».

Деловая электронная газета «Бизнес Online» является одним из ведущих средств массовой информации в Республике Татарстан. Издание выходит с 2007 года.

Электронное периодическое издание Татаринформ, издаваемое филиалом крупнейшего медиа-холдинга республики «Татмедиа» – информационным агентством «Татар-информ», образованным в 1990 году. Издание относится к крупнейшим СМИ Республики Татарстан и обладает самым высоким совокупный индексом цитирования среди региональных информационных агентств. В целом за месяц выходит более 1 млн. материалов.

Газета «Вечерняя Казань» выходит с 1979 года. С 2019 года выходит только в сети интернет.

Газета «Республика Татарстан» – одна из старейших газет республики, издается с 1917 года. Учредителями газеты являются Правительство и Парламент Республики Татарстан. Представлена печатной и электронной версией.

Указанные издания активно освещают события политической, экономической и культурной жизни региона. В тоже время необходимо отметить, что «Татар-информ» и «Республика Татарстан», как правило, транслируют точку зрения государственной власти республики. «Бизнес-онлайн» и «Вечерняя Казань» в отличие от них более свободны в выборе тем, более демократичны и часто размещают в качестве материалов критические статьи. Привлекательным моментом для читателей данных СМИ является возможность комментировать публикации.

В данной публикации мы приводим результаты контент-анализа, размещенных в этих изданиях материалов, посвященных проблеме миграции и отношению к мигрантам в Республике Татарстан, опубликован-

ные с января 2018 года по август 2020 года (табл. 1-4).

За рассматриваемый период в издании «Бизнес-онлайн» было размещено 100 материалов, посвященных указанной теме, в том числе в 2018 году – 56 материалов, в 2019 году – 23 материала, а за 8 месяцев 2020 года – 21 материал.

В издании «Татар-информ» за рассматриваемый период было размещено 58 материалов, посвященных указанной теме, в том числе в 2018 году – 33 материала, в 2019 году – 12 материала, а за 8 месяцев 2020 года – 13 материалов.

В газетах «Республика Татарстан» и «Вечерняя Казань» в силу общего объема материалов число сообщений, посвященных проблеме миграции в регионе невелико. В газете «Республика Татарстан» размещено 10 материалов, посвященных указанной теме, в том числе в 2018 году – 3 материала, в 2019 году – 3 материала, а за 8 месяцев 2020 года – 4 материала. В газете «Вечерняя Казань» размещено 14 материалов, посвященных указанной теме, в том числе в 2018 году – 8 материалов, в 2019 году – 3 материала, а за 8 месяцев 2020 года – 3 материала.

В целом информационных материалов, посвященных проблеме миграции в анализируемых изданиях больше, однако мы не рассматривали материалы, посвященные проблемам мигрантов в Российской Федерации и мира.

В рамках нашего исследования представляет интерес распределение информационных материалов по месту описываемых в материале событий, в качестве которых выступают территории двух крупных агломераций Республики Татарстан – Казанской и Набережночелнинской [4,5].

Всего в «Бизнес-онлайн» за рассматриваемый период для Казанской агломерации выявлено 28 таких материалов (в 2018 году – 18, в 2019 году – 6, за 8 месяцев 2020 года – 4), а для Набережно-Челнинской – 42 материала (в 2018 году – 24, в 2019 году – 11, за 8 месяцев 2020 года – 7).

В «Татар-информ» материалов о мигрантах в Казанской агломерации выявлено 18 (в 2018 году – 9, в 2019 году – 4, за 8 месяцев 2020 года – 5), о Набережночелнинской – 8 (в 2018 году – 4, в 2019 году – 3, за 8 месяцев 2020 года – 1)

В «Республике Татарстан» выявлен лишь один материал о мигрантах в Казанской агломерации (в 2018 году).

В «Вечерней Казани» материалов о мигрантах в Казанской агломерации выявлено 6 (в 2018 году – 3, в 2019 году – 1, за 8 месяцев 2020 года – 2), о Набережночелнинской – 3 (в 2018 году – 2, в 2019 году – 1).

В целом по всему массиву анализируемых источников освещению проблемы мигрантов в исследуемых агломерациях посвящено фактически равное количество материалов.

Следует отметить, что средства массовой информации, описывая мигрантов, для их характеристики используют исключительно

место их происхождения (республики Средней Азии, Кавказ) и ситуации, которые эти мигранты порождают [6]. Практически отсутствуют материалы, показывающие примеры успешной адаптации как отдельных мигрантов, так и мигрантов в целом. В результате мигранты оказываются обезличенными, отношение к которым либо нейтральное, либо как к потенциальному источнику риска. Лишь ситуация пандемии 2020 года позволила взглянуть на мигрантов, как на испытывающих тяготы и нуждающихся в сочувствии [7].

Таблица 1 – Количество информационных материалов, посвященных мигрантам в Республике Татарстан в деловой электронной газете «Бизнес Online» [4]

Год	Месяц	Количество информационных материалов (ед.)		
		Всего	В том числе в Казанской агломерации	В том числе в Набережночелнинской агломерации
2018 г.	Январь	3	-	2
	Февраль	3	-	2
	Март	4	3	1
	Апрель	4	1	-
	Май	6	2	3
	Июнь	6	4	2
	Июль	2	1	-
	Август	7	2	5
	Сентябрь	2	-	1
	Октябрь	3	1	2
	Ноябрь	6	2	1
	Декабрь	10	2	5
2019 г.	Февраль	2	-	2
	Март	3	-	2
	Апрель	2	1	1
	Май	2	-	2
	Июнь	4	1	-
	Июль	1	-	1
	Август	2	1	1
	Сентябрь	1	-	1
	Октябрь	2	2	-
	Ноябрь	3	-	1
	Декабрь	1	1	-
2020 г.	Январь	1	-	1
	Февраль	5	-	4
	Март	5	2	2
	Апрель	3	-	-
	Май	1	-	-
	Июнь	4	2	-
	Август	2	-	-

Таблица 2 – Количество информационных материалов, посвященных мигрантам в Республике Татарстан в издании «Татар-Информ»

Год	Месяц	Количество информационных материалов (ед.)		
		Всего	В том числе в Казанской агломерации	В том числе в Набережночелнинской агломерации
2018 г.	Январь	2	-	2
	Февраль	1	-	-
	Март	1	-	-
	Апрель	1	-	-
	Май	5	2	1
	Июль	1	-	-
	Август	6	4	1
	Сентябрь	7	3	-
	Декабрь	9	-	-
2019 г.	Январь	1	-	1
	Февраль	2	-	1
	Май	1	-	1
	Июнь	1	1	-
	Июль	2	2	-
	Август	1	-	-
	Сентябрь	1	-	-
	Октябрь	2	-	-
	Ноябрь	1	1	-
2020 г.	Январь	3	1	-
	Март	1	-	-
	Апрель	2	1	1
	Июнь	1	1	-
	Июль	2	2	-
	Август	4	-	-

Таблица 3 – Количество информационных материалов, посвященных мигрантам в Республике Татарстан в газете «Республика Татарстан»

Год	Месяц	Количество информационных материалов (ед.)		
		Всего	В том числе в Казанской агломерации	В том числе в Набережночелнинской агломерации
2018 г.	Апрель	1	-	-
	Июнь	1	1	-
	Сентябрь	1	-	-
2019 г.	Январь	1	-	-
	Март	1	-	-
	Октябрь	1	-	-
2020 г.	Февраль	1	-	-
	Март	1	-	-
	Июль	2	-	-

Таблица 4 – Количество информационных материалов, посвященных мигрантам в Республике Татарстан в газете «Вечерняя Казань»

Год	Месяц	Количество информационных материалов (ед.)		
		Всего	В том числе в Казанской агломерации	В том числе в Набережночелнинской агломерации
2018 г.	Январь	1	1	-
	Май	1	1	-
	Август	3	1	1
	Октябрь	1	-	1
	Ноябрь	1	-	-
	Декабрь	1	-	-
2019 г.	Июль	1	1	-
	Август	1	-	-
	Сентябрь	1	-	1
2020 г.	Март	1	1	-
	Июнь	1	1	-
	Август	1	-	-

Так, например, анализ материалов показывает, что как для Казанской, так и для Набережночелнинской агломераций одной из центральной тем информационных материалов является участие мигрантов в экономической деятельности республики. Однако трудовая занятость мигрантов в информационных материалах довольно часто оказывается тесно связана с нарушением закона, вовлечением мигрантов в коррупционные схемы, позволяющие незаконно работать на территории региона, а также и в противоправных действиях [8].

В информационных материалах о трудовых мигрантах Набережночелнинской агломерации значительное место занимают материалы, в которых мигранты выступают как участники коррупционных схем. Примерами таковых материалов являются сообщения о судебном процессе над экс-директором Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института, который незаконно способствовал трудовым мигрантам в прохождении государственного тестирования по русскому языку, истории и основам законодательства Российской Федерации и об аналогичных преступлениях [9;10]. Упомянуты и мигранты и в сообщениях о деятельности расположенного в Набережных Челнах Центра временного содержания иностранных граждан. В тоже время для Набережночелнинской агломерации характерно наличие материалов, в которых мигранты рассматриваются как источник решения

проблемы нехватки местных трудовых ресурсов, особенно занятых в сельском хозяйстве, а не как группа, создающая проблемы на рынке труда. Однако даже в этом случае озвучиваются оценки мигрантов, как создающих риск – высказывается мнение, что в Республике Татарстан достаточно собственных трудовых ресурсов, а мигранты несут криминальную угрозу: «Возникали ситуации с поставками наркотических веществ из стран ближнего зарубежья, стычками с местным населением. Все эти факты всегда получали широкий резонанс в обществе» [11].

В материалах о трудовых мигрантах Казанской агломерации также как в материалах Набережночелнинской агломерации весомое место занимают материалы, в которых мигранты становятся участниками коррупционных схем [12; 13]. Однако в отличие о Набережночелнинской агломерации, имеются материалы, связывающие мигрантов с проблемами в области образования – указывается на существование в Казани образовательных учреждений, основной контингент обучающихся в которых составляют дети мигрантов [14].

Проанализированные материалы позволяют заключить, что назрела необходимость трансформации образа мигрантов в средствах массовой информации путем демонстрации примеров их успешной адаптации, позитивных жизненных историй и т.д.

Литература

1. Шибанова Е. В. Конфликтотенный потенциал конструирования образа мигранта электронными СМИ // Экономика и социология. 2016. №1 (29). С. 22-28.

2. Комарова Е. В. Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа // Филология и культура. 2019. №4(58). С. 41-49.
3. Садыкова М. Метафорическое моделирование образа мигранта в российских СМИ // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. № 5(7). – Новосибирск: СибАК, 2018. – С. 36-43.
4. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Структура этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 74-79.
5. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. // Особенности структуры этноконфессиональных и миграционных рисков // Управление устойчивым развитием. 2019. № 4 (23). С. 77-83.
6. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Миграционные и этноконфессиональные региональные риски в восприятии населения // Управление устойчивым развитием. 2018. № 5 (18). С. 41-44.
7. Бизнес Online. Гусева А., Зайнуллин Д. «Они не такие прихотливые, как мы»: как вызывает мигрантский Татарстан? URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/471206> (дата обращения: 20.08.2020).
8. Татар-информ. После нападения мигрантов на полицейского в Казани возбуждено уголовное дело. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/25-05-2018/posle-napadeniya-migrantov-na-politseyskogo-v-kazani-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-5382230> (дата обращения: 20.08.2020).
9. Бизнес Online. Экс-директора нижекамского филиала МГЭИ суд отправил в колонию общего режима. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/424134> (дата обращения: 20.08.2020).
10. Бизнес Online. Ерофеев К. Русский язык для гастарбайтеров: продавцы «пипы» отделались условным сроком. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/413055> (дата обращения: 20.08.2020).
11. Татар-информ. Мухаметдинова Э. Предприниматель Тукаевского района пожаловался на волокиту в миграционной службе. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/business/17-05-2018/predprinimatel-tukaevskogo-rayona-pozhalovalsya-na-volokitu-v-migratsionnoy-sluzhbe-5342048> (дата обращения: 20.08.2020).
12. Татар-информ. Аухадиева Г. Условные сроки получили трое казанцев, за деньги зарегистрировавшие 400 иностранцев URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/07-11-2019/uslovnye-sroki-poluchili-troe-kazantsev-za-dengi-zaregistrovavshie-400-inostrantsev-5589647> (дата обращения: 20.08.2020)
13. Татар-информ. Салыхова Е. За незаконную регистрацию почти 8 тыс. мигрантов два жителя Казани отделались условными сроками <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/23-07-2019/za-nezakonnuyu-registratsiyu-pochti-8-tys-migrantov-dva-zhitelya-kazani-otdelalis-uslovnymi-srokami-5288983>(дата обращения: 20.08.2020).
14. Бизнес Online. Явдолук Н. «Москву давно называют «Москвабад», а Питер – «Питерстан». Казань еще можно спасти!» URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/404401> (дата обращения: 20.08.2020).

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Алексеев Сергей Анатольевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: alekseyev75@mail.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration and Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushanya Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Alekseev Sergey Anatolevich** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: alekseyev75@mail.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1

Н. В. Крайсман

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ФРАНЦУЗСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: академическая мобильность, французские вузы, образовательные программы, лингвистическая подготовка, международное сотрудничество

Актуальность статьи обусловлена тем, что академическая мобильность является важным элементом в процессе интеграции иностранных студентов в образовательную среду французских вузов. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что существуют специальные образовательные программы, которые готовят иностранных студентов к учебе во Франции. Каждый университет предлагает свой собственный механизм подготовки. Некоторые университеты курируют очные занятия в стране происхождения до прибытия студентов во Францию, где смешаны студенты разных специальностей. Некоторые сотрудничают с ресурсными центрами французского языка, где часто дистанционная образовательная деятельность адаптирована к проблематике интеграции студентов во французские университеты. Почти все французские университеты ведут занятия по адаптации к университетской среде внутри университета во время первого года обучения иностранных студентов. В статье определены два способа подготовки к учебе во французских университетах: пространственно-временной способ и способ преподавания / обучения. Также в статье показаны примеры проектов подготовки к академической мобильности во Францию. Один из проектов создан в столице Лаоса г. Вьентьян. В основе проекта лежит принцип подготовительных курсов у выпускных классов лицеев, где дают научные и лингвистические знания, соответствующие уровню знаний студентов французских лицеев. Другие проекты предлагают лингвистическую подготовку для обучения во французских вузах без соглашений с университетами-партнерами. Отмечен пример программы преподавателей – стипендиатов в Сирии, а также пример проекта, где некоторые высшие школы и университеты объединились для разработки их собственного дистанционного лингвистического образования. Также в статье показана программа «Французский язык для академической мобильности», реализованная в КНИТУ. Во все эти образовательные программы включены культурные, методологические, лингвистические аспекты, необходимые для подготовки студентов к учебе во Франции.

N. V. Kraysman

ACADEMIC MOBILITY AS A TOOL FOR INTEGRATING FOREIGN STUDENTS INTO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF FRENCH UNIVERSITIES

Key words: academic mobility, French universities, educational programs, linguistic training, international collaboration

The paper is relevant due to the fact that academic mobility is an important element in integrating foreign students into the educational environment of French universities. The paper is to show that there are special educational programs that prepare foreign students to study in France. Each university offers its own training mechanism. Some universities supervise resident classes in the country of origin before students arrive in France, where students of different majors are mixed. Some cooperate with French language resource centers, where distance learning activities are often adapted to the problems of integrating students into French universities. Almost all French universities offer classes to adapt foreign students to the university environment within the university during their first year of studies. The paper defines two ways to prepare for studying at French universities: the spatiotemporal method and the teaching / learning method. The paper also showcases projects to prepare for academic mobility in France. One of the projects was created in the capital of Laos, Vientiane. The project is based on the principle of preparatory courses for graduating classes of lycées,

which provide scientific and linguistic knowledge corresponding to the level of knowledge of students of French lycées. Other projects offer linguistic training to study in French universities without agreements with partner universities. There is an example of grant-aided teacher program in Syria, as well as a project where some higher schools and universities have joined together to develop their own distance language education. The paper also shows the French for Academic Mobility program implemented at KNRTU. All these educational programs include cultural, methodological, and linguistic aspects necessary for preparing students to study in France.

В настоящее время академическая мобильность в мире быстро развивается, и французские университеты принимают все больше и больше иностранных студентов из разных стран, в том числе и из России. Наша страна, как и Франция, участвует в Болонском процессе, что дает большие перспективы российским студентам, желающим учиться во Франции. Иностранные студенты, получающие высшее образование во Франции, учатся на разных специальностях, но чаще всего выбирают технические и юридические науки. Известные своим качеством образования, французские университеты предлагают возможность продолжить обучение, открытое международному пространству. Однако в основном, обучение ведется на французском языке, хотя сейчас стало все больше и больше появляться магистерских программ на английском языке, и то, часть дисциплин ведется на французском, часть – на английском.

У иностранных студентов разный уровень французского языка и они часто нуждаются в помощи и сопровождении в принимающем их вузе. В связи с этой необходимой поддержкой, почти во всех французских университетах существует общий проект для иностранных студентов, целью которого является интеграция в высшее образование на французском языке. Каждый университет предлагает свой собственный механизм сопровождения. Некоторые университеты курируют очные занятия в стране происхождения до прибытия студентов во Францию, где смешаны студенты разных специальностей. Некоторые сотрудничают с ресурсными центрами французского языка, где часто дистанционная образовательная деятельность адаптирована к проблематике интеграции студентов во французские университеты. Почти все французские университеты ведут занятия по адаптации к университетской среде внутри университета во время первого года обучения иностранных студентов.

Во время занятий по подготовке студентов к академической мобильности во французские университеты обучают французскому языку, принимая во внимание основные нужды студентов, а именно понимание лекционных и

практических занятий, владение письменной академической речью, понимание французской речи в университетской административной среде, понимание культуры, традиций, повседневной жизни современной Франции и т.д.

Легче всего адаптироваться иностранным студентам из стран, где французский язык является вторым официальным языком, например студентам из Алжира, Марокко, Туниса, Ливана и т.д. В этих странах школьное образование ведется на арабском языке, но как иностранный язык школьники всегда изучают французский, так как многие официальные документы в этих странах заполняются на французском языке и в административных заведениях часто говорят на французском. Таким образом, студенты из этих стран владеют базовым уровнем французского языка со школьных лет. В некоторых семьях родители с детства разговаривают на арабском и французском языках, то есть дети вырастают билингвами. Таким студентам легче адаптироваться к учебе во Франции, в основном им надо овладеть университетской лексикой и лексикой изучаемых дисциплин.

Франция всегда была и остается одним из главных европейских партнеров России, с которой наша страна сотрудничает как в экономической сфере, так и в образовательной. «Между Россией и Францией 29 июня 2015 года было подписано межправительственное соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и учёных степеней в целях дальнейшего сотрудничества в сфере образования и науки» [1]. Это соглашение «положительно повлияло на академическую мобильность между российскими и французскими вузами и показывает намерение российского и французского правительств привлечь как можно больше студентов для обучения в этих странах» [2].

«Существует ряд программ обмена студентами между французскими и российскими вузами» [3]. «Во-первых, в вузах могут реализовываться двусторонние соглашения, по которым осуществляется академическая мобильность. Например, в рамках европейского союза студенты могут участвовать в программе обмена ERASMUS. Продолжительность программ

обмена разная: от трех месяцев до года» [4]. «Во-вторых, академическая мобильность может осуществляться в рамках программ двойных дипломов, когда студенты учатся по выбранной специализации в двух вузах одновременно и получают два диплома. В-третьих, существуют летние и зимние школы, это короткие образовательные программы продолжительностью от двух до восьми недель» [5], направленные в основном на обучение иностранного языка, на изучение культуры, экономики и межкультурной коммуникации страны.

Чтобы облегчить программы академической мобильности существует система финансирования, которая осуществляется разными вузами и организациями. «Российские студенты могут претендовать на два типа стипендиальных программ для обучения во Франции: стипендии, которые можно получить из России от разных организаций и Посольства Франции в РФ, и стипендии, которые можно получить, уже находясь во Франции и проходя обучение во французском вузе» [6]. Например, «Посольство Франции в РФ предоставляет различные стипендиальные программы для российских студентов, аспирантов, преподавателей и молодых специалистов» [7]. «Среди существующих стипендиальных программ Посольства Франции для обучения по программам бакалавриата, магистратуры аспирантуры во французских вузах можно перечислить следующие: стипендия имени В. И. Вернадского, стипендии на социальное покрытие» [8], стипендия Коперник, стипендия Эйфеля, и др.

Благодаря программам академической мобильности есть возможность встречаться, обмениваться новыми знаниями и идеями в различных областях, развивать университетское франко-русское сотрудничество. Глобализация обязывает адаптироваться и эволюционировать, делая основные ставки на образование, научные исследования и инновации. Интернационализация высшего образования развивает конкурентоспособность между государствами. Свидетельством этого является ежегодная классификация лучших университетов на мировом рынке. Производство инновационных знаний, модернизация образования, развитие интеллектуальной экономики, науки и высоких технологий отвечают целям образования в мировом масштабе. В этом контексте Франция проводит университетские реформы, так называемую модернизацию системы образования. Она развивает многочисленные привлекательные программы для иностранных студентов. К тому же, развивать привлекательность системы французского высшего образования за

рубежом стало национальным приоритетом. Французские университеты постоянно развивают программы обмена и программы двойных дипломов и создают благоприятные условия для иностранных студентов.

Количество иностранных студентов в университетах Франции увеличивается с каждым годом. Это связано с политикой Французской Республики, которая создала такие структуры как: Édufrance (организация для продвижения высшего образования во Франции), Campus France (организация, которая помогает в процедурах поступления в университеты Франции и на протяжении всей учебы иностранных студентов). Российские студенты не могут, например, самостоятельно подать документы и поступить во французские вузы, минуя Campus France, они могут поступить в вузы только с помощью этой организации. Болонское соглашение об эквивалентности дипломов, развитие обменов иностранных студентов, реформа Licence – Master – Doctorat (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и развитие механизма приема иностранных студентов значительно мотивируют академическую мобильность, которая является сегодня реальностью и известным преимуществом для всех работников сферы образования и студентов.

Вопрос приема и подготовки иностранных студентов в вузы Франции стал одним из главных для преподавателей и администрации вузов, так как иностранные студенты встречаются с многочисленными трудностями при поступлении в университет и во время учебы [9]. Выяснилось, что иностранные студенты учатся хуже и доучиваются до конца, то есть получают дипломы в меньшем количестве, чем французские студенты. Значительное количество иностранных студентов в классах, их трудности, неудачи, даже уход из университета беспокоит преподавателей в методологическом, организационном и культурном плане. Место и роль языка, на котором ведется обучение, стало темой беспокойства и даже полем изучения. Во французских университетах проходят многочисленные научные и административные мероприятия, направленные на такие важные аспекты как: изучение условий приема иностранных студентов, их сопровождение во время поступления и во время учебы, анализ методологии преподавания французского языка для иностранных студентов, развитие организаций, в которых преподают французский язык для интеграции иностранных студентов во французские вузы. Однако не смотря на все трудности, с которыми встречаются иностранные студенты, владение французским языком остается оп-

ределяющим фактором для успешной учебы во французских вузах.

Можно определить два способа подготовки к учебе во французских университетах: 1) пространственно-временной способ, касаю-

щийся места и времени лингвистического образования и 2) способ преподавания / обучения, касающийся формы обучения очно или дистанционно. Эти два способа продемонстрированы в таблице 1.

Таблица 1 – Способы подготовки к учебе во французских университетах

<i>Пространственно-временной способ</i> <i>Способ преподавания / обучения</i>	Перед поступлением	Во время учебы
	В стране происхождения или в стране обучения.	В стране обучения.
Очная форма обучения	- французские лицеи; - специальные школы; - организации по продвижению французского языка (Instituts Français, Alliances Françaises); - университеты страны происхождения; - французские университеты.	- отделы по работе с иностранными студентами; - управления международной деятельности университетов; - языковые центры, не относящиеся университетам.
Дистанционная форма обучения	платформа дистанционного обучения языковых центров, Французских институтов, Альянсов, университетов.	- ресурсные центры французского языка; - центры самообучения; - платформа дистанционного обучения университетов.

Многочисленные языковые центры, Французские институты (Instituts Français), Французские Альянсы (Alliances Françaises) и кафедры прикладных иностранных языков в университетах предлагают курсы французского языка, чтобы подготовить студентов к учебе во французских вузах [10,11]. Например, в Политехническом университете Валенсии в Испании кафедра французского языка готовит студентов к академической мобильности во Францию и в Квебек. Такая же кафедра французского языка, где готовят к академической мобильности, есть в Папском католическом университете Сан-Паулу в Бразилии. Также в некоторых немецких университетах были разработаны модули по подготовке к академической мобильности во Францию, например, в Институте Кульмана.

Можно выделить пример одного проекта подготовки к академической мобильности во Францию, созданного в столице Лаоса г. Вьентьян по инициативе Министерства иностранных дел в рамках программы Фонда приоритетной солидарности (FSP). В основе проекта

лежит принцип подготовительных курсов у выпускных классов лицеев, где дают научные и лингвистические знания, соответствующие уровню знаний студентов французских лицеев. На подготовительных курсах лаосские преподаватели ведут разные дисциплины: математику, физику, химию, биологию, экономику и французский язык. В конце подготовительных курсов лаосские студенты проходят отбор во французском лицее Вьентьяна, который проводят стажеры, преподающие французский язык для иностранцев во французских университетах. Здесь мы видим создание связанного механизма, в который вовлечены принимающие университеты Франции и образовательные организации Вьентьяна.

Другие механизмы предлагают лингвистическую подготовку для обучения во французских вузах без соглашений с университетами-партнерами. Как пример стоит отметить «Программу преподавателей – стипендиатов» в Сирии. Каждый год сирийское правительство предоставляет стипендии примерно 150 – 200

преподавателям различных дисциплин, которые были отобраны для учебы в магистратуре или аспирантуре во Франции. В основном, эти преподаватели начинают учить французский язык с нуля в Сирии, проходя интенсивные курсы в течение одного года, примерно 25 часов в неделю, при этом они освобождены от своей профессиональной деятельности. Цель этой подготовки к академической мобильности – достигнуть уровня B2 «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком». Первая часть подготовки – овладеть основами французского языка, вторая – овладеть академическим университетским и междисциплинарным французским языком. После годичной подготовки к академической мобильности сирийские преподаватели едут учиться во французские вузы, получая впоследствии магистерские дипломы или ученые степени.

Во Франции некоторые высшие школы и университеты объединились, чтобы разработать их собственное дистанционное лингвистическое образование, чтобы студенты смогли подготовиться к учебе перед их прибытием во Францию. В этот проект вошли французские вузы: Национальный политехнический институт Гренобля, Технологический университет Компьеня, Национальный политехнический институт Тулузы, Технологический университет Труа, Национальный институт прикладных наук Лиона, Горный институт, Национальный институт технических наук и ядерных исследований и др. Преподаватели этих университетов подготовили образовательную платформу дистанционного обучения с интерактивными упражнениями по пониманию устных и письменных текстов, специализированной лексики и воспроизведение устной и письменной речи. Оригинальность этой программы в том, что они проанализировали проблемы, с которыми встречаются иностранцы во время обучения во Франции, и составили программу обучения французскому языку с учетом требований студентов. Анализ проблем показал, что студенты сталкиваются как с лингвистическими трудностями, так и с культурной адаптацией к методам обучения французской оценки знаний, которая часто отличается от других стран. Например, во французских университетах 20-ти балльная система оценок. Высший балл 20 очень трудно получить. Удовлетворительной оценкой считается «12». Также много разных нюансов надо знать при сдаче экзаменов. Все эти университетские и культурологические различия объясняются до приезда иностранных студентов во французские вузы.

На факультете дополнительного образования КНИТУ тоже реализуется программа по подготовке к академической мобильности во французские университеты, которая называется «Французский язык для академической мобильности». Продолжительность программы – один учебный год, занятия проходят два раза в неделю, каждое занятие длится 3 часа, программа делится на две части: первая часть – «Французский язык повседневной жизни» и «Подготовка к сдаче международного экзамена DELF (уровни B1, B2)», вторая часть – «Французский язык для университетских целей». Занятия по подготовке к академической мобильности студентов проводятся по специально разработанным программам и планам, чтобы мотивировать студентов к поступлению в магистратуру во Францию» [12, 13] и чтобы студенты лучше адаптировались к различным университетским ситуациям и к внеуниверситетской деятельности. Освоение данной программы направлено на формирование и совершенствование у студентов следующих компетенций: способность воспроизводить устную и письменную речь с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм; владение международным этикетом и правилами поведения в различных ситуациях межкультурного и университетского общения; владение специализированной лексикой на французском языке; способность писать курсовые работы, магистерские дипломы, научные статьи и др. В содержание программы включены следующие темы: прием иностранных студентов во французские университеты, организация лекционных и практических занятий, организация промышленных, учебных и научных стажировок на французских предприятиях, написание мотивационных писем, резюме, работа с сайтами французских университетов, интеграция во французское общество, региональный конспект и многое другое. Подтверждением эффективности этой образовательной программы является то, что студенты выигрывают гранты и обучаются во французских университетах, затем они возвращаются в Республику Татарстан и устраиваются на работу по своей специальности, применяя приобретенные свои знания, умения и навыки.

Таким образом, академическая мобильность во французские вузы развивается, и существуют различные программы, которые помогают иностранным студентам интегрироваться в образовательную среду французских вузов, в том числе и программа «Французский язык для академической мобильности», реализованная в

КНИТУ. В эти образовательные программы включены культурные, административные, методологические, лингвистические аспекты, не-

обходимые для подготовки студентов к учебе во Франции.

Литература

1. Крайсман Н. В., Пичугин А. Б., Мигнот Л. Россия – Франция: исторические параллели в формировании патриотизма и общечеловеческих нравственных ценностей // Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Под редакцией С. Л. Алексеева [и др.]. 2018. С. 256-259.
2. Valeeva R. Assessing Intercultural Competence of Engineering Students and Scholars for Promoting Academic Mobility / R. Valeeva, J. Ziyatdinova, P. Osipov, O. Oleynikova, N. Kamynina // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Т. 917. С. 815-825.
3. Валеева Э. Э. Профессионально-ориентированная иноязычная подготовка магистрантов инженерного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 196.
4. Сайт Посольства Франции в РФ. <http://www.bgfrussie.ru/fr/Home.aspx>
5. Крайсман Н. В., Фушель Д. Д. Система высшего образования во Франции: слабые стороны, парадоксы и задачи университетов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 373.
6. Semushina E., Galeeva M., Galiullina G. Peculiarities of teaching speaking in distant form as a part of formation of translator's competence of technical specialists // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts SGEM 2014. Conference proceedings. 2014. С. 641-648.
7. Jean-Marc Mangiante, Chantal Parpette. Le français sur objectif universitaire: PUG, 2011. 252 с.
8. Крайсман Н. В. Межконфессиональное и межкультурное взаимодействие студентов, обучающихся по химическим направлениям университета штата Аризона // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 5. С. 256-258.
9. Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4 (17). С. 70-74.
10. Les chiffres clés. Campus France. <http://ressources.campusfrance.org>
11. Shageeva, F. T. Training the achievement-oriented engineers for the global business environment / F.T. Shageeva, D. R. Erova., I. M. Gorodetskaya, N. V. Kraysman, L. V. Prikhodko // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Т. 716. С. 343-348.
12. Shageeva, F. T., Gorodetskaya, I. M., Khramov V.Y. Development of cross-cultural competence of engineering students as one of the key factors of academic and labor mobility // Proceedings of 2015 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL. 2015. Italy. С. 141-145.
13. Gorodetskaya I. M., Shageeva F. T., Valeeva E. Cross-cultural communication training for future engineers – a model developed at the Kazan National Research Technological University to prepare students for mobility programs and the global market place // ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings. 122. Making Value for Society. 2015.

Сведения об авторе:

©**Крайсман Наталья Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: n_kraysman@mail.ru

Information about the author:

©**Kraysman Natalia Vladimirovna** – PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: n_kraysman@mail.ru

Р. Г. Петрова, Т. В. Рябова

**ПРЕПОДАВАНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ:
ВЫЗОВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: дистанционное обучение, компетентностный подход, педагогические технологии, методики преподавания, оценка знаний, гуманитарные дисциплины

Актуальность исследования определяется рисками, с которыми столкнулись преподаватели гуманитарных дисциплин вузов при переходе на различные дистанционные платформы обучения и необходимости внесения корректив в методику преподавания и соотношения их с реалиями времени.

В связи с этим, данная статья направлена на определение границы возможностей реализации компетентностного подхода в образовательном процессе при переходе на дистанционный формат обучения. В статье анализируется педагогический опыт применения различных методик преподавания гуманитарных дисциплин, рассматриваются морально-этические аспекты, возникающие у преподавателя при приеме контрольных работ, зачетов при дистанционном обучении. Ведущими методами исследования стали анкетирование, индивидуальные интервью, фокус-групповое интервью. Исследовались материалы, представленные в педагогической литературе, периодических профессиональных изданиях. В статье представлены выводы о том, что методика организации проверки компетенций с использованием контрольных работ и тестов эффективна только при наличии большого банка методических заданий и уровневой дифференциации. Задания необходимо ориентировать индивидуально на каждого во избежание массового списывания и плагиата. Наиболее эффективными становятся задания, направленные на проверку умений. Низкий уровень профессионализма и владения методикой составления тестовых и иных заданий может стать зоной конфликта интересов между студентом и преподавателем. Проведенное исследование показало, что при дистанционном обучении наиболее активно используются такие педагогические технологии, как информационно – коммуникативные, проблемного обучения, здоровьесберегающая технология, интегрированного обучения. В статье даются рекомендации о необходимости организации мастер - классов для преподавателей по методике составления заданий, по профилактике профессионального выгорания преподавателя в связи возросшей нагрузкой проверочных работ. Обосновано проведение аудита рабочих программ по гуманитарным дисциплинам и определения актуальных методик для проведения занятий на платформе MOODLE. Материалы статьи представляют практическую ценность для преподавателей гуманитарных дисциплин, которые осуществляют обучение в дистанционном формате, администрациям вузов, исследователям, занимающихся данной проблематикой.

R. G. Petrova, T. V. Ryabova

**TEACHING OF HUMANITARIAN DISCIPLINES AT THE UNIVERSITY:
DISTANCE EDUCATION CHALLENGES**

Keywords: distance education, outcome-based approach, pedagogical technologies, teaching techniques, knowledge assessment, humanitarian disciplines

The urgency of the study is caused by risks, which the teachers of humanitarian disciplines at the university faced, when passing to various distant modes of education, and the necessity of making adjustments to teaching techniques and their correlation with the realities of time. Hence, the present article is focused on determining the implementability of the outcome-based approach in educational process, when passing to a distant mode of education. The article analyzes pedagogical experience of using various techniques for teaching humanitarian disciplines, examines ethical and moral aspects, which a teacher has, when administering control works and credits in case of a distant mode of education. Questionnaire survey, one-to-one interviews, focus group interviews became the leading methods of the study. The materials given in pedagogical literature and professional periodicals were studied. The conclusions that the technique for organization of competence testing with the use of control works and tests is effective only, if a large bank of methodological tasks and level differentiation are available, are given in the article. The assignments should be individually oriented towards

everyone to avoid massive cheating and plagiarism. The assignments focused on skills' testing become the most effective ones. Low level of professional competence and mastery of the technique for making test and other assignments can become the zone of conflict of interest between a student and a teacher. The carried out study showed that such pedagogical technologies as information-communication, problem-based learning, health protection technology, integrated learning in a distant education were used most actively. Recommendations for the necessity of organizing master classes for the teachers in task-making techniques, in prevention of teachers' professional burnout due to an increased load of tests are given in the article. Auditing of working programs in humanitarian disciplines and identification of advanced techniques for conducting classes based on MOODLE is justified. The materials of the article are of practical relevance for the teachers of humanitarian disciplines carrying out training in a distant mode, the university authorities, and the researchers dealing with the issues under discussion.

В конце марта – начале апреля 2020 года начался уникальный «естественный педагогический эксперимент», когда в условиях пандемии коронавируса все образовательные учреждения России перешли на дистанционный формат обучения. «Цифровая дидактика», педагогические возможности и ограничения дистанционного обучения активно исследуются в последние восемь месяцев, происходит «серьезное осмысление полученных уроков и возможность для обеспечения условий преодоления открывшихся рисков» [1].

В период до пандемии активно проводились исследования преимуществ и проблем дистанционного образования. Так, О. С. Крюкова разделяет понятия традиционной и «цифровой» педагогики в современном образовательном пространстве [2].

А.Р. Тузиков глубоко прорабатывает вопрос основных трендов в системе высшего образования, прежде всего связанных с массовизацией и интернационализацией высшей школы. Указанные изменения идут рука об руку с революционными переменами в образовательных технологиях, связанных, в том числе с ИКТ [3]. Р.И. Зинурова раскрывает в своих публикациях основные этапы истории дистанционного образования и роль ИКТ в его развитии [3], анализирует проблему электронного контента в дистанционном образовании, в том числе в рамках веб-образования. Авторы также открывают свой апробированный в образовательной практике опыт разработки и применении мультимедийных модулей. [4].

М. В. Груздев, И. Ю. Тарханова развивают понятие «новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации [5]. Р. Г. Петрова, Т. В. Рябова исследуют восприятие инновационных образовательных технологий студентами [6].

В период после пандемии появилось большое количество исследований, в которых анализируются проблемы, возникшие в период дистанционного обучения. Так, О.И. Башлакова

пишет, что образовательные организации и участники образовательного процесса не были готовы к переменам и переходу на дистанционное обучение [7]. И. В. Бушуевым, Ю. Б. Нектаревской, О. Н. Толстокорой перечисляются и недостатки, и достоинства дистанционного обучения, определяются перспективы развития данного формата [8].

Обоснование значения цифровых технологий в обеспечении устойчивости общенациональной системы высшего образования в условиях критических ограничений внешней среды дает Е. Е. Кувшинова. В статье данного автора описываются проблемы информационно-образовательных сред, реализующих отдельные задачи по организации и сопровождению учебного процесса [10].

М. Н. Бычкова, П. Л. Смирнова считают, что имеется недостаточно высокий уровень технической подготовки как у преподавателей, так и у студентов. Авторы предлагают структурную модель социально-сетевой цифровой грамотности для устранения этого недостатка [11].

Опираясь на такой показатель, как «уровень учебной организации студентов», А. В. Бобылев предлагает три модели создания цифровых образовательных ресурсов: «цифровой поддержки», «цифровой навигации», «цифровой коллаборации» [12]. Деятельность преподавателя (а скорее эксперта, ментора), по мнению автора, состоит в предвосхищении затруднений у студентов, создание системы стимуляции и контроля, экспертизу решений обучающихся.

Н. С. Ковалева, Т. В. Вакулова Т. В. раскрывают педагогические условия организации эффективной самостоятельной работы обучающихся в образовательном процессе вуза [13]. По мнению авторов, традиционное для педагогики понятие «самостоятельная работа» потребовало качественно нового осмысления в кризисных условиях современных вызовов. Н. С. Ковалева, Т. В. Вакулова делают вывод, что в современной теории педагогики слабо разра-

ботаны проблемы организации самостоятельной работы на основе передовых технических средств, информационных и педагогических технологий.

Актуальность настоящего исследования определяется рисками, с которыми столкнулись преподаватели гуманитарных дисциплин вузов при переходе на различные дистанционные платформы обучения и необходимостью внесения коррективов в методику преподавания и соотношения их с реалиями времени.

Методология исследования.

Цель исследования: определить границы возможностей реализации компетентностного подхода в образовательном процессе в условиях пандемии и переходе на удаленные формы обучения.

Эмпирические задачи:

- изучить педагогический опыт применения различных методик преподавания (гуманитарных дисциплин) при переходе на платформы дистанционного обучения;
- выявить круг морально-этических проблем, возникающих у преподавателя при приеме контрольных работ, зачетов;
- определить влияние удаленной формы обучения на обратную связь педагога и студента.

Методы исследования.

Исследование опиралось на анализ педагогических, психологических источников, периодических профессиональных изданий. Методами исследования являлись анкетирование, индивидуальное интервью, фокус-групповое интервью.

Экспериментальная работа осуществлялась в Казанском государственном медицинском университете (КГМУ). В исследовании приняли участие: 50 студентов младших курсов лечебного и медико – профилактического факультетов и старших курсов факультета социальной работы (фокус групповое интервью). В социологическом опросе участвовало 30 студентов. В интервью приняли участие 10 преподавателей гуманитарных дисциплин.

Результаты

Чтобы повысить эффективность дистанционного образования, необходимо с самого начала изучения дисциплины активизировать мотивационную сферу у обучающихся. При этом для активизации целевой мотивационной составляющей студента требуется большая подготовительная работа со стороны преподавателя. Так, на образовательном портале MOODLE необходимо выложить: общую информацию по дисциплине, требования к прохождению дисциплины, инструкции по выпол-

нению заданий, критерии оценивания, лекции, оценочные средства по лекциям, навигатор по изучению практических занятий, оценочные средства по практическим занятиям, итоговые оценочные средства, учебно-методические материалы, ресурс обратной связи.

Согласно стандартам организации учебного процесса, лекции должны проводиться с использованием телекоммуникационных технологий дистанционного обучения. Материалы к лекции (презентации, текстовые документы, интерактивные лекции) не менее чем за сутки до лекции по расписанию выкладываются на образовательном портале MOODLE. Обучающимся необходимо самостоятельно изучить представленный материал до проведения лекции, пройти тестовый контроль по изученной теме до проведения онлайн-лекции, написать вопросы на форуме для преподавателя. Отработка лекций рефератами не допускается, проводится только на образовательном портале или в форме онлайн, в виде беседы по содержанию лекции.

При занятиях в аудиториях каждая лекция происходит по-разному (могут быть опоздания, неполадки с техникой, «не успели разобрать материал, так как были дополнительные вопросы» и др.). При дистанционном обучении лекции должны быть представлены в 100 % соответствии рабочей программе, всем нормативным документам и записываться на видео.

Применение современных технологий при проведении лекций (информационно – коммуникативных, развития критического мышления, проблемного (развивающего обучения), здоровьесберегающая технология, игровая, интегрированного обучения, уровней дифференциации) должно было обеспечить достижение основной цели обучения – развитие различных компетенций.

Коронавирусная пандемия вынудила многие вузы отказаться от привычной аудиторной работы со студентами и перейти на различные формы удаленной работы. Это заставило профессорско-преподавательский состав университетов провести экспертизу собственных методик преподавания и ответить на ключевой вопрос: «можно ли осуществить компетентностный подход в подготовке специалиста в удаленном формате обучения, но при этом использовать методики, апробированные при аудиторной форме организации учебного процесса? Вот мнения студентов: «Каждый стал больше работать. Нагрузка стала равной для всех при работе на образовательном портале. На семинаре я сижу и думаю, что кто-то ответит, не я, а с порталом так не получится,

уже не уйти от ответственности, хочешь- не хочешь надо задание выполнить»...(студент лечфака). В период пандемии до проведения практического занятия обучающимся было рекомендовано самостоятельно изучить представленный на образовательном портале материал и выполнить задание по теме. Практические занятия должны начинаться с разбора вопросов обучающихся, выявления «проблемных зон», проверки выполнения заданий на самостоятельную работу, затем выполняются новые задания, правильность выполнения которых обсуждается по ходу занятия. В конце практического занятия проводится «обратная связь» в виде устного опроса, Mentimeter, Google Forms и т.п.

При создании дистанционного курса осуществлялось разноуровневое обучение с использованием различных методов контроля знаний, умений, навыков, зафиксированных в рабочей программе дисциплины. Использование некоторых методов контроля знаний при дистанционном обучении не вызвало затруднений у студентов (тесты, терминологический диктант, выполнение письменных работ, написание эссе, составление презентации, анализ структурно – логических схем). Многие студенты, даже слабоуспевающие, продемонстрировали высокий уровень знаний.

«За время «удаленки» многие смогли сдать долги, даже застарелые. Я лично смогла это сделать и сдала долги благодаря помощи сокурсников и одногруппников. При личной встрече с преподавателем и «лицом к лицу» я бы не смогла сдать»...(студентка лечфака). Иными словами, каждый студент был вовлечен в учебный процесс, стал заниматься по всем предметам и успеваемость студентов улучшилась. Но как обстоит дело на самом деле? Как оценивают преподаватели такой успех? *«В период пандемии основной объем работы переместился на образовательный портал или в онлайн (zoom). Но вот что примечательно. Большинство работ страдали плагиатом, даже фразы в работах были построены шаблонно или слово в слово. Конечно, формально причины не ставить положительную оценку не было, но внутренняя неудовлетворенность постоянно фигурировала»* (преподаватель гуманитарного предмета.). **Иными словами, за период пандемии успеваемость студентов по формальным показателям выросла, но качество знаний не улучшилось.**

Как реализовать компетентностный подход и выполнить совместно со студентом задания по выявлению знаний? Практика показала, что при работе онлайн или на образовательном

портале вуза, из заданий 1 уровня (проверка знаний) не все виды заданий «работают» для проверки компетенций студента. Возникает риск списывания и предоставления плагиатных работ. Преподаватель попадает в сложную морально-этическую ситуацию и принимает вызов. С одной стороны, у него нет формальной причины не принять выполненную студентом работу, потому что она сдана и соответствует фонду оценочных средств. Но у преподавателя имеется статистически доказанный факт того, что все студенты списали задание друг у друга и вычислить первоисточник не представляется возможным. Мы солидарны с авторами П. Л. Горелик, Н. В. Петэн, Т. А. Бояльская Т. А., которые провели исследования и среди главных проблем ДФ на платформе MOODLE отметили массовое копирование заданий, бесполезность тестового контроля, огромное количество работ студентов на проверке, отсутствие обратной связи и понимание того, насколько студент освоил материал [9].

Возможно ли применить ФОСы (фонд оценочных средств), которые хорошо работали при аудиторной форме организации занятий при смене формата обучения на дистанционный?

Тесты, которые хорошо себя зарекомендовали при выборочной проверке знаний и по отдельным разделам дисциплины, стали применяться при изучении каждой темы, после прослушивания каждой лекции и даже при промежуточной аттестации. Но, во-первых, для получения объективных оценок необходим большой объем тестовых заданий. В противном случае варианты тестов теряют свою секретность сразу после первой попытки на них ответить. Во - вторых, к сожалению, не все преподаватели в равной мере владеют методическим навыком составления тестовых заданий и умением проверить их на валидность. Таким образом, тестовая проверка знаний является зоной риска, несмотря на то, что многие преподаватели отдают им предпочтение. Возникает проблема аудита как самих тестов на предмет их качества и объективности, так и уровня профессионализма преподавателя, создающего эти тесты.

Наш опыт подсказывает, что в режиме дистанционного (MOODLE) или онлайн (zoom) обучения уместнее применять задания 2 уровня (проверка умений) при выявлении сформированности компетенции. Иными словами, даже переделка контролирующего вопроса с проверки знаний: какие виды экспериментов вы знаете, на проверку умений «каким способом вы проведете эксперимент с ...» создает ситуацию

эсклюзивную, при которой студент не в состоянии списать, а должен не просто знать, но и уметь применить знания к конкретной ситуации. Вот мнение преподавателя: *«Я провела педагогический эксперимент во время экзамена. Одной студентке задавала вопрос в общем виде. Например, расскажите какие вы знаете виды наблюдения? И студентка сразу, через минуту находила нужный ответ в компьютере, который стоял рядом и зачитывала ответ. Как только я меняла формулировку вопроса, например, «как вы организуете наблюдение в доме-интернате для престарелых? Студентка терялась и не могла ответить. Из 30 испытуемых только треть смогла ответить на вопрос, сформулированный в другой форме и сдать экзамен на высокий балл. В основном экзамен сдали на удовлетворительно».*

Некоторые методы контроля знаний при дистанционной форме обучения применять стало затруднительно (деловые игры, ролевые игры, мозговой штурм, форум, круглый стол, дебаты, перекрестная дискуссия, симпозиум, диспут). Например, у студентов факультета социальной работы имеется дисциплина «Личностный и профессионально – ориентированный тренинг», при проведении которого особенно важны групповая работа, групповая динамика.

Сложно оказалось организовать групповую работу и выполнение творческого задания по созданию социального проекта. В режиме онлайн группа не смогла организовать «мозговой штурм» и проработать задание по определению цели, задач, рисков социального проекта. Они объяснили это тем, что им не доставало личного общения и наблюдения друг за другом. Именно присутствие в одном пространстве и дискуссия под руководством преподавателя в качестве модератора, давала возможность для выработки разных версий и предложений. Пространство зомб сужало коммуникативные возможности для дискуссии. С такими же сложностями столкнулись студенты, которые должны были выполнить программу научно-исследовательского проекта. Таким образом, при дистанционном обучении некоторые лично – ориентированные технологии сложны в применении, игровая технология практически не используется, а технология «педагогика сотрудничества» лишается «живого» общения, проектирования «ситуаций успеха».

При проведении семинарских занятий в дистанционном формате обучения особенно актуальным становится вопрос перехода от объект-субъектного взаимодействия преподавателя со студентами к субъект-субъектному;

передача инициативы от преподавателя студентам; формирования метапредметных компетенций; использования технологий развития критического мышления, проблемного (развивающего обучения), интегрированного обучения, уровневой дифференциации).

Налаженная обратная связь становится ключевым фактором формирования универсальных и профессиональных компетенций будущего специалиста. Какой вызов бросила коронавирусная пандемия студенту и преподавателю?

«Дистант» сам по себе является барьером коммуникации в нашем случае. Мы же будущие медики. Работая на портале мы отвыкаем от живого общения, а значит, не формируем умение общаться с коллегой или пациентом» (из интервью со студентами). *«Получается парадокс. Нам нравится учиться дистанционно. Так мы и долги хорошо сдаем и преподавателя не видим, только задания делаем. Куча свободного времени. А как я буду общаться с пациентом? И кто меня этому научит?»* (студент лечфака).

В КГМУ с целью оказания всесторонней поддержки в организации учебного процесса с использованием телекоммуникационных технологий дистанционного обучения для профессорско -преподавательского состава была введена должность «цифрового ассистента» из числа студентов 2-6 курсов. Ассистент осуществляет помощь в организации практических занятий/лекций при помощи дистанционных технологий; отслеживает запись видео/аудиоматериала и помогает размещать его на образовательном портале; осуществляет контроль размещенного материала и возможности его использования обучающимися. Но даже при такой технической поддержке дистанционный формат обучения выявил разный уровень методической грамотности профессорско-преподавательского состава. Как студенты оценили методику преподавания при резкой смене формата организации учебного процесса? Приведем некоторые рассуждения: *«На «дистанте» некоторые преподаватели выкладывали задания ну просто несоразмерные. Их нереально было выполнить. Задания не учитывали наших индивидуальных возможностей. К тому же времени на их выполнение уходило очень много. Но были и другие преподаватели, которые выкладывали задания, которые можно было за 5 минут сделать, простенькие»* (студент лечфака). *«На «дистанте» нарушилась обратная связь с преподавателем. Нам просто выставляли оценку и не объясняли за что. Но я же старалась и время потратила.*

Понятно, если неудовлетворительно, то какое-то объяснение последует. Но если оценка «хорошо», а настрой был на «отлично» и объяснений нет, обидно. В аудитории можно было сразу это уточнить, а в «удаленке» преподаватель ссылается на очень высокую нагрузку и отодвигает разбор задания «на потом» (студент медико-профилактического факультета). «Постоянные письменные работы. Много времени уходило на простой набор текста. При личном контакте намного проще проговорить и сразу увидеть реакцию преподавателя. Это особенно было заметно при изучении гуманитарных дисциплин» (студент медико-профилактического факультета). Конечно, преподаватель обязан давать разъяснения каждому студенту по каждому заданию, для это существуют фонды оценочных средств. Но за время пандемии у преподавателей нагрузка возросла в несколько раз и «отлаженная» методика преподавания начала давать сбои. Сказался и уровень профессионализма педагога при выборе заданий для контроля знаний и умений. Преподаватель затрачивал намного больше времени на подготовку к занятиям и контроль заданий. Нагрузка второй половины рабочего дня возросла. Чтобы провести индивидуальную оценку всех представленных студентами проверочных работ (а на потоке обучается более ста студентов) потребовалось много времени и сил. Согласно требованиям администрации университета, выполненные задания обучающихся должны были своевременно (буквально к концу рабочего дня) проверяться и оцениваться. Информация об оценках должна была своевременно доведена до обучающихся. Кроме того, преподавателю необходимо было организовать самооценку и взаимную оценку обучающихся по выполненным заданиям, что несло дополнительную временную и информационную нагрузку.

Практический опыт работы в условиях коронавирусной пандемии продемонстрировал, что если до пандемии, в аудитории преподавание было в основном ориентировано «на среднего» студента, то дистанционное обучение показало необходимость перестройки методики на индивидуальный и личностный подход, который реализовать получалось не всегда. Не доставало банка заданий, времени, опыта.

Организация учебного процесса с переходом на дистанционный формат показала возможность применения методик, хорошо себя зарекомендовавших при аудиторном обучении, но поставила перед преподавателем сложную задачу создания большого банка заданий, ориентированных на отдельно взятого студента, т.к. тесный

контакт последних во время обучения создает ситуацию соблазна списать работу у сокурсника.

Полученные результаты дополняют представления о педагогических и социально-педагогических особенностях преподавания гуманитарных дисциплин в вузе в дистанционном формате обучения.

Теоретическая значимость данной работы заключается в расширении научного представления о влиянии дистанционного формата обучения преподавание гуманитарных дисциплин. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования при выстраивании перспектив использования компетентностного подхода, определяет вектор совершенствования педагогического процесса в вузе.

Выводы:

- методика организации проверки компетенций с использованием контрольных работ и тестов возможна, но только при наличии большого банка методических заданий;
- задания необходимо ориентировать индивидуально на каждого во избежание массового списывания и плагиата;
- при организации учебного процесса в онлайн или на платформе MOODLE лучше использовать задания, направленные на проверку умений. Это поможет преподавателю избежать конфликта интересов и решения сложной морально-этической проблемы, связанной с возможностью получения списанной работы, плагиат которой трудно доказать и необходимостью ее оценки;
- недостаточно высокий уровень профессионализма и владения методикой составления тестовых и иных заданий может стать зоной конфликта интересов между студентом и преподавателем.

В качестве рекомендаций по внедрению результатов исследования можно предложить следующие действия:

- организовать мастер - классы для преподавателей по методике составления заданий, и соразмерности их объема объему самостоятельной работы студента;
- организовать психологические тренинги по профилактике профессионального выгорания преподавателя в связи с возросшей нагрузкой проверочных работ;
- провести аудит рабочих программ по гуманитарным дисциплинам и определить актуальные методики для проведения занятий на платформе MOODLE.

Авторы считают, что данное исследование имеет перспективу для дальнейших исследований в области преподавания гуманитарных дисциплин в дистанционном формате обучения.

Литература

1. Блинов В. И., Сергеев И. С., Есенина Е. Ю. Внезапное дистанционное обучение: первый месяц аврала (по результатам экспресс-исследования и экспресс-опроса) // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. №2. С. 6 - 33.
2. Крюкова О. С. Традиционная и «Цифровая» педагогика в современном образовательном пространстве // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13. С. 856-857.
3. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Глобальные тренды в развитии университетского образования и вызовы дистанционных технологий // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5 (92-93). С. 44-51.
4. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Соловарова Ю. Н. Дистанционные технологии в контексте компетентностного подхода в организации образовательного процесса в исследовательских университетах (на примере национального исследовательского университета химии и технологии перспективных материалов) // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 9. С. 800-805.
5. Груздев М. В., Тарханова И. Ю. Становление «новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3(108). С. 47–53.
6. Петрова Р. Г., Рябова Т. В. Восприятие инновационных образовательных технологий студентами младших курсов на примере медицинского вуза // Казанский педагогический журнал. 2017. №1. С. 164 – 168.
7. Башлакова О. И. О некоторых проблемах дистанционного обучения в России в период пандемии // Юридическое образование и наука. 2020. №7. С. 15-19.
8. Бушуев И. В., Нектаревская Ю. Б., Толстокова О. Н. Проблемы и перспективы развития дистанционного обучения в современной российской высшей школе // Вестник Южно – российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально – экономические науки. 2020. Т. 13. №4. С. 14-21.
9. Горелик П. Л., Петэн Н. В., Бояльская Т. А. Системы «Moodle» и социальная сеть «ВКонтакте» как платформы для дистанционного образования // Вестник Академии энциклопедических изданий. 2020. № 3 (40). С. 5-13.
10. Кувшинова Е. Е. Цифровой формат проблем обеспечения устойчивости вузов в условиях критических ограничений внешней среды / Педагогический журнал. 2020. Т. 10. №1-2. С. 446 -461.
11. Бычкова М. Н., Смирнова П. Л. Цифровая грамотность преподавателей и студентов университета: «открытия пандемии» // Современные проблемы науки и образования. 2020. №4. С.12 -18.
12. Бобылев А. В. Развитие учебной самоорганизации студентов в условиях цифровизации высшего образования // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С.80-85.
13. Ковалева Н. С., Вакулова Т. В. Педагогические условия организации самостоятельной работы обучающихся в образовательном процессе вуза // Научно – методический электронный журнал «Концепт». 2020. № 7. С. 41 -52.

Сведения об авторах

©**Петрова Расиля Галиахметовна** – кандидат исторических наук, доцент, Казанский государственный медицинский университет, кафедра истории, философии, социологии политологии, Российская Федерация, Казань, e-mail: rpetrova@rambler.ru.

©**Рябова Татьяна Владимировна** – кандидат психологических наук, доцент, Казанский государственный медицинский университет, кафедра медицинской и общей психологии и педагогики, Российская Федерация, Казань e-mail: tatry@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Petrova Rasila Galiakhmetovna** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan State Medical University, Department of History, Philosophy, Sociology of Political Science, Russian Federation, Kazan, e-mail: rpetrova@rambler.ru.

©**Ryabova Tatyana Vladimirovna** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kazan State Medical University, Department of Medical and General Psychology and Pedagogy, Kazan, Russian Federation e-mail: tatry@rambler.ru.

А. Ю. Рожкова, И. В. Андреянова

**ДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КВАЛИФИКАЦИЙ
НА РЫНКЕ ТРУДА: ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Ключевые слова: национальная система квалификаций, рынок труда, система образования, правовые и социальные институты, подходы

В статье выявлены особенности внедрения национальной системы квалификаций на основе институционального и системного подходов, ее действия на рынке труда в условиях перехода к цифровой экономике. Методами исследования послужили такие как, сравнительный и системный анализ, статистический подход и моделирование. Представлены тренды появления новых признаков социальных и правовых институтов системы альтернативных (дополнительных) форм занятости населения, связанные с переходом на дистанционные (цифровые) трудовые отношения, а также появлением новых квалификаций и компетенций профессионально-отраслевой принадлежности опережающих решений. Проведен анализ авторских позиций и концептуальных подходов, связанных с трансформацией и кризисными процессами в образовании и на рынке труда. Выявлено неоднозначное понимание в ходе пересмотра основных категорий и дефиниций в области образовательных подходов по формированию профессиональных компетенций будущих специалистов. Данные подходы требуют императива сохранения и соблюдения принципов фундаментальности, научности, преемственности, где лишь достаточно обновления институтов. Выявлены ключевые и системные проблемы. Проблемы сопряжены с недостаточным межведомственным партнерством в актуализации образовательного пространства при реновации образования, недостаточной платежеспособностью населения в силу роста структурной и латентной безработицы, низкого уровня технологичности для перехода к цифровым образовательным трекам, ограниченность конкурентных рабочих мест. Решением служит необходимость обновления и реализации институционального и системного подхода по имплементации национальной системы квалификаций в применении таких средств, как моделирование, развитие инфраструктуры, диверсификация образовательной деятельности, соблюдение ключевых индикаторов и достижения социального эффекта действия НСК на рынке труда. Обозначено, что в условиях трудовой стагнации национальная система квалификаций послужит инструментом взаимодействия системы образования, профессионального общества и государства для расширения образовательных и профессиональных возможностей будущим специалистам на рынке труда, на принципах фундаментальности, преемственности и социально-трудовых гарантиях в профессиональном становлении и трудоустройстве.

A.Y. Rozhkova, I. V. Andreyanova

**ACTION OF THE NATIONAL QUALIFICATIONS SYSTEM IN THE LABOR MARKET:
APPROACHES AND PROSPECTS**

Key words: national qualifications system, labor market, education system, legal and social institutions, approaches.

The article identifies the properties of the national qualifications system when it is introduced to the labor market in the application of institutional and systemic approaches in the transition processes of the digital economy. The research methods were such as comparative and system analysis, statistical approach and modeling. The trends of the appearance of new signs of social and legal institutions of the system of alternative (additional) forms of employment related to the transition to distance (digital) labor relations, as well as the emergence of new qualifications and competencies of professional and industry affiliation of leading decisions are presented. The author's positions and conceptual approaches related to the transformation and crisis processes in education and the labor market are analyzed. An ambiguous understanding was revealed during the revision of the main categories and definitions in the field of educational approaches to the formation of professional competencies of future specialists. These approaches require the imperative of maintaining and observing the principles of fundamentality, science, and continuity, where only updating institutions is enough. Identified key and systemic problems. The problems are associated with insufficient interagency partnerships

in updating the educational space during the renovation of education, insufficient solvency of the population due to the growth of structural and latent unemployment, low technological level for the transition to digital educational tracks, and limited competitive jobs. The solution is the need to update and implement the institutional and systematic approach to the implementation of the national qualifications system in the use of such tools as modeling, infrastructure development, diversification of educational activities, compliance with key indicators and achieving the social effect of the national qualifications system on the labor market. It is indicated that in terms of labor stagnation, the national qualification system will serve as a tool for the interaction of the education system, professional society and the state to expand educational and professional opportunities for future specialists in the labor market, on the principles of fundamentality, continuity, social and labor guarantees in professional formation and employment.

В рамках заявленной темы укажем тенденции и очевидные проблемы, связанные с внедрением и действием национальной системы квалификаций (далее – НСК) на рынке труда, и позволим себе рассуждения с критическим взглядом, опираясь на авторские и экспертные позиции на основе подходов и ожидаемых перспектив.

Национальная система квалификаций обусловлена трендами цифровой экономики. Возникают признаки системы альтернативных (дополнительных) форм занятости населения, а именно переходом на дистанционные (цифровые) правоотношения по вопросам трудоустройства, заключения или расторжения трудового договора, составления должностной инструкции, выполнения трудовых функций и иное на основе новых (цифровых) навыков и умений в составе компетенций опережающего решения. Указанные признаки составляют почву для системы новых квалификаций и компетенций профессионально-отраслевой принадлежности опережающих решений и новым трудовым мышлением.

Тенденции внедрения НСК на рынке труда обусловлены либерализацией норм образовательных стандартов, в том числе переходом на профессиональные стандарты, а также спросом на развитие сети новых квалификаций работников.

Однако на рынке труда присутствуют системные проблемы, связанные с недостаточной отраслевой диверсификацией и снижением социально-экономического эффекта традиционной системы трудоустройства и занятости, а именно:

- противоречия требований рынка труда и профессионально-квалификационной структуры работников;

- снижение спроса на прежние квалификации и профессии традиционной занятости требуют в период трудовой стагнации запуск сети альтернативных (дополнительных) форм трудовой деятельности на базе профилированных площадок и дистанционных платформ;

- инерция образовательных стратегий и недостаток применения трендовых технологий в силу декларативности технологических норм оснащения и порядка применения информационно-технологических коммуникаций для участников образовательного процесса в построении образовательных траекторий на основе рамки возможностей и угроз;

- отсутствие системного и институционального подхода внедрения НСК создает неформальные признаки, как подмена фундаментальных основ, традиционных подходов и технологий образовательного процесса на фальсификат и формальность совершаемых действий в области образования и дальнейшего трудоустройства.

На примере Псковской области ключевые проблемы в образовании и рынка труда на базе матрицы PEST (см. табл.1) сопряжены с недостаточным межведомственным партнерством в актуализации образовательного пространства в императиве реновации высшего образования, низкой платежеспособностью населения в силу латентной безработицы, низкого уровня технологичности для перехода к диджитализации образовательных треков, ограниченность конкурентных рабочих мест.

Очевидно, что указанные проблемы не исчерпывают перечень, однако они требуют первостепенного разрешения посредством детальной выработки концептов и системного подхода при становлении правовых и социальных институтов НСК.

Вопросам концептуальных, образовательных подходов, правовых аспектов, моделирования организационной структуры НСК в решении проблем, связанных с трансформацией и кризисными процессами на рынке труда, посвящен огромный массив исследований.

Таблица 1 – PEST анализ проблем образования и рынка труда

	Угрозы	Возможности
P	Недостаточно партнерства ведомств, образовательного и предпринимательского пространств	Реновации высшего образования в рамках сетевых и стратегических решений, альтернативных форм финансирования, образовательных, социальных проектов
E	Низкая платежеспособность населения латентная безработица	Реновация рамки профессий, компетенций, сети форм занятости населения
S	Низкая конкурентоспособность рабочих мест	Реновация рабочих мест и запуск профессиональных площадок и платформ
T	Низкий уровень технологичности	Реновация (digital) образовательных технологий

В контексте данной темы указаны работы таких авторов, как работы [5,11,6,16,13,7,14] И. А. Зимней, О. Н. Олейниковой, Л.В. Кабановой, Ю.Б. Шубниковым, Т. В. Петровой, А.Н. Куприяновой, К. А.Спрэд – где прослеживаются иногда сложные категории и дефиниции НСК, как: «трансформация трудового мышления», «дескрипторы НСК», «инновации», «квалификация», «организмический подход». Каждое новое поколение авторов пытается анализировать сущность и соотношение понятий «компетенция» и «компетентность», используя ранее накопленный анализ [15].

Общим для авторов служит исследование о проблемах становления НСК в России и применение зарубежного опыта на основе европейских парадигм рационализма и конкурентоспособности.

Однако позволим себе простыми тезисами выразить мнение, что в раскрытии природы указанных категорий и дефиниций НСК требуется детальный анализ их сущностных элементов в целях применения простых и доступных понятий, дальнейшего выстраивания и применения действенных методов и подбора соответствующего инструментария при выработке комплекса подходов решения проблем на принципах преемственности. Очевидно, что вполне доступными для понимания и практики являются такие дефиниции, как например, «профессия», «знания, умения, навыки», «образовательный процесс», и многие другие временем проверенные категории, содержащие в себе этимологию. Иначе применение неоднозначных расплывчатых понятий создает риск разрушения этимологии, размывание подходов и методов – что провоцирует кризисы нерешенных проблем. Так, О. С. Петрова на примере зарубежного опыта ЕС [12, с. 86] также отмечает, что нет единого понимания относительно применения умений, навыков и компетенций для выработки единого механизма формирования НСК.

В свою очередь, следование европейским парадигмам и принципам рационализма и конкурентоспособности обеспечивает экономический эффект НСК. Здесь отражен экономический подход и одновременно отход к классическим и неоклассическим воззрениям Адама Смита об экономическом человеке, Т. Парсонса [1, с. 93-94] с его утилитарным обществом, А. Маршалла и его экономия, М. Вебером о духе капитализма, Дж. Миллем как автора «Основы политической экономии» [8,4,10].

Однако следует помнить, что работник как особый трудовой ресурс является носителем осознанного выбора профессии и трудовой деятельности не только на основе рационализма, но и в целях профессиональной состоятельности, формирования трудового мышления и самоутверждения (то есть социализации) в обществе. Здесь НСК, полагаем, имеет значение как инструмент адаптации работника на рынке труда именно в кризисных условиях, которые сопровождаются появлением новых проявлений и признаков сложившихся социальных и правовых институтов.

Далее Л. В. Кабанова отмечает современные *факторы* формирования НСК, как постиндустриальный тип экономики, новые области профессиональной деятельности, применение современных технологий – всё это определяющие переход на сетевое взаимодействие образования и бизнеса, где НСК служит связующим элементом в качестве катализатора. Утверждается, что НСК позволяет настроить диалог бизнеса и образования с государством. Трудно не согласиться с указанными тезисами, что очевидно сдвиги и изменения на рынке труда, а также появление признаков институционального подхода. При этом значимо обновление институтов и осуществление системного подхода по внедрению НСК на рынок труда.

Так, в условиях стагнации и стабильных переходов (например, на цифровую экономику) в сопровождении с кризисами присуще появление *новых признаков* правовых институтов аль-

тернативных форм занятости. Характерными для цифровой экономики выступают следующие новые признаки: порядок удаленной работы, дистанционная трудовая деятельность, цифровые права и обязанности, персонифицированный учет работника, цифровая защита и безопасность – всё это императивно на законодательном уровне требует объективного регламента, квалификации и обеспечения социально-трудовых гарантий будущего работника. Здесь, на основе обновленного институционального и системного подхода НСК служит инструментом в пересмотре и обновлении рамки профессий, создании инфраструктуры, выработки методических регламентов по усовершенствованию образовательных стандартов с возможным дополнительным применением профессиональных стандартов при подготовке специалистов в целях создания дополнительных новых рабочих мест, особенно для малых субъектов и моногородов России.

В целом, на наш взгляд, важно достичь социального эффекта НСК. При этом следует избегать подмен или упразднений прежних институтов, профессий на рынке труда, образовательных подходов в целях сохранения принципов фундаментальности, преемственности, устойчивости системы, требующей лишь обновления ее институтов.

В свою очередь, новые признаки образовательной системы как социального института представляют собой симбиоз традиционных и новых явлений таких, как: образовательный процесс – образовательные траектории, знания; умения и навыки – компетенции; образовательные технологии – цифровые образовательные платформы; самообучение – профессиональная траектория учащегося в ходе социализации и профессионального самоопределения; профессиональная переподготовка – непрерывное обучение. В целом, парные сочетания обновляют и расширяют образовательные и профессиональные возможности выпускника осознанно выбирать, осуществлять, адаптировать свою трудовую и профессиональную деятельность на рынке труда, тем самым быть конкурентоспособным, самодостаточным и независимым носителем решений индивидуальной занятости.

И. А. Зимняя указывает на такие явления [5, с. 34] в образовательном процессе, как «Знаниевый и практико-ориентированный подход», обозначена идея интеграции знаний и умений в компетенции для решения производственных задач, что отражает лишь основное профессиональное свойство компетенции. Однако, современные вызовы цифровой экономики диктуют включение таких свойств компе-

тенций, как социокультурные, психологические, прогнозируемые и свойства опережающего решения. Такие современные взгляды вполне обогащают и возрождают классические идеи П. П. Блонского, А. С. Макаренко и их последователей в реализации системного подхода: Н.Н. Никулина указывает на «необходимость генезиса зарождения и развития идей системного подхода» [10, с.87].

В целом, представляется, что становление новых признаков правовых и социальных институтов обусловлено их корреляцией и взаимозависимостью их традиционных и новых явлений, что создает основу *системного подхода* действия НСК на рынок труда.

Обозначим особенности проявления новых признаков институционального подхода в действии НСК на рынке труда. При этом, к НСК уместно использовать дефиницию «имплементация», чем внедрение (оно может быть навязанным, насильственным, неоправданным и некупаемым), в целях понимания возможности соблюдения осознанно-добровольного *принципа* перехода по этапам и гармонизации норм, образовательных и профессиональных стандартов в реализации институционального и системного подходов. При этом переходность имплементации НСК не должна сопровождаться затягиванием процессов разработки и применения правовых регуляторов и инструментов применительно к новым социальным институтам, иначе в силу риска правовых коллизий и пробелов, возникают инерции образовательной системы и локальные кризисы на рынке труда.

В свою очередь, нормы и принципы имплементации НСК на рынок труда создают основу механизма с применением *инструментов* в достижении качественных показателей и экспонент. Одним из инструментов по имплементации НСК служит *инфраструктура*, в состав которой включены региональные методические центры, центры оценки квалификаций, профессионально-экспертные советы, экзаменационные центры, информационно-цифровые и профессиональные платформы. Правда Н.В. Василенко выделяет еще инструмент, как коллаборации организационных структур [3]. Однако, они уместны в понимании лишь как формы действий в организации и реализации механизма партнерства (взаимодействий) в формировании новых институтов действия НСК на рынке труда.

Действие НСК [12, с. 86] на рынке труда предусматривает ее *моделирование* в научно-образовательном сегменте международно-сетевой кооперации в области академических и прикладных наук, образовательных и проект-

ных продуктов, что позволяет решать вопросы специализации рынка труда.

Актуальным *правовым инструментом* моделирования в системе образования служат образовательные и профессиональные стандарты в приведении к актуальным профессионально-отраслевым и новым (цифровым) компетенциям в процессе планирования образовательных траекторий, бюджетирования образовательного трафика и запуска трендовых программных продуктов.

Так, по стандартам предусмотрено соблюдение *ключевых индикаторов*, как: уровень остротенного кадрового потенциала с нормативным коридором 50–70 %, входящий стаж работы 1–3 лет, штат профессорско-преподавательского состава профессионального цикла 50–80 %, показатель привлечения работодателей в образовательную деятельность 5–8 %, интерактивных формы проведения занятий не менее 30–50 %, показатель экспериментальных зон, лабораторных точек, технической и информационной инфраструктуры. На примере государственного образовательного стандарта (Приказ Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2010 г. № 1763) магистерской программы «Юриспруденция» наблюдаем линейку индикаторов реализации научно-проектного,

практико-профессионального, экспертного образовательных треков (рис. 1). На рисунке 1 наблюдаем значительную долю (45,4 %) экспертного трека магистерской программы «КиАП» и 42,1 % – научно-проектного трека образовательной программы «УПКИОРД», что свидетельствует о реализации современных образовательных подходов. В целом, показатели имеют достаточно низкий уровень, менее 50 %. Уровень данных индикаторов не показывает удовлетворение спроса на новые и профессионально-отраслевые компетенции, уж тем более опережающего решения, вследствие инерционности норм рассматриваемого образовательного стандарта. Как следствие, такая инерционность выражена низкой диверсификацией образовательных траекторий и образовательных продуктов, тем самым узкой рамкой образовательных и профессиональных возможностей для будущих юристов на рынке труда. По указанным выше положениям и методическим рекомендациям (утв. Минобрнауки РФ от 22.01.2015 № ДЛ-1/05вн) представляется видение по действию НСК на рынке труда в виде запуска образовательных инициатив по этапам (рис. 2).

На рисунке представлена модель механизма этапов, где первоначальным служит усо-

вершенствование правового инструментария, в том числе образовательных и профессиональных стандартов. Здесь же предусмотрен принцип организации участников, в том числе командный и сетевой.

На этапе создания портрета выпускника при разработке образовательной программы (или иного образовательного продукта, или инициативы) значимо участие работодателя как заказчика по формированию профессионально-отраслевых компетенций опережающего решения (в том числе компетенции адаптации, мобильности, коммуникабельности, деловой активности) [17]. Участие работодателя в разработке и реализации образовательных инициатив обусловлено принципами интеграции с образовательными и сетевыми партнерами, в том числе при взаимодействии с некоммерческим и государственным сектором, а также итерации образовательных инициатив в целях достижения качественных образовательных результатов для расширения профессиональных возможностей выпускника на рынке труда.

Этап пилотирования предусматривает конструирование цикла и контекстовое наполнение образовательного продукта. Этап включает экспериментальную и мониторинговую составляющие в целях выявления спроса на образовательные продукты со стороны профессионального сообщества и государственного сектора. Предметом государственных, профессиональных и независимых экспертиз служит выявление преимуществ, образовательных и профессиональных перспектив, в том числе действенности усовершенствованного правового инструментария в минимизации противоречий интересов образовательной системы и рынка труда.

Резюмируем изложенное, что указанные принципы, правовой и образовательный инструментарий, моделирование, ключевые индикаторы, образовательная диверсификация составляют структуру механизма по действию НСК на рынке труда.

Для достижения социального эффекта приоритетами НСК на рынке труда могут служить:

- мониторинг социального эффекта НСК при реализации дополнительных альтернативных форм занятости населения в условиях трудовой стагнации;
- усовершенствование модели навыков и умений (компетенций) в государственных образовательных стандартах и дополнительное применение профессиональных стандартов;
- подготовка регионально-отраслевых специалистов и преодоление отметки 4,77 до

средней отметки в 11-12 пунктов (рис. 3) продвижением востребованных профессионально-образовательных программных продуктов и ухода от инерционной системы образования;

На рисунке 1 наблюдаем значительную долю (45,4 %) экспертного трека магистерской программы «КиАП» и 42,1 % – научно-проектного трека образовательной программы «УПКиОРД», что свидетельствует о реализации современных образовательных подходах. В целом, показатели имеют достаточно низкий уровень, менее 50 %. Уровень данных индикаторов не показывает удовлетворение спроса на

новые и профессионально-отраслевые компетенции, уж тем более опережающего решения, вследствие инерционности норм рассматриваемого образовательного стандарта. Как следствие, такая инерционность выражена низкой диверсификацией образовательных траекторий и образовательных продуктов, тем самым узкой рамкой образовательных и профессиональных возможностей для будущих юристов на рынке труда.

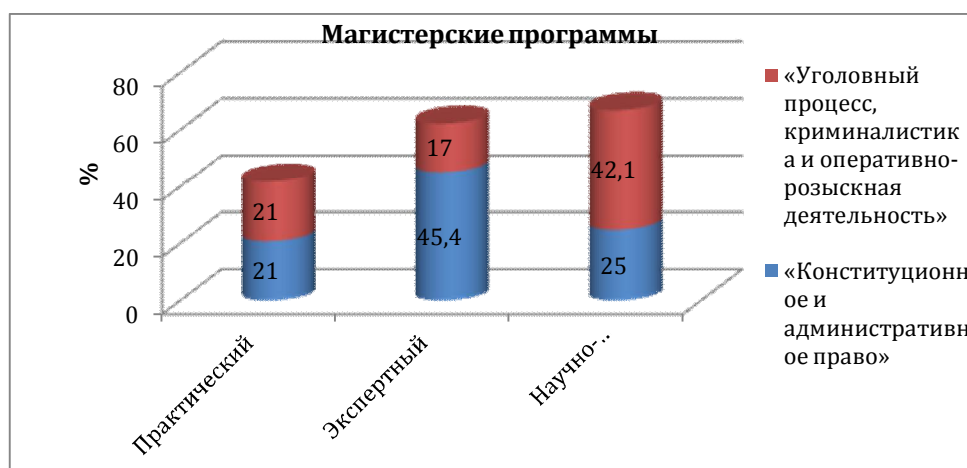

Рис.1 – Реализация группы образовательных треков, в %

Рис. 2 – Модель механизма запуска образовательных инициатив профессиональным сообществом

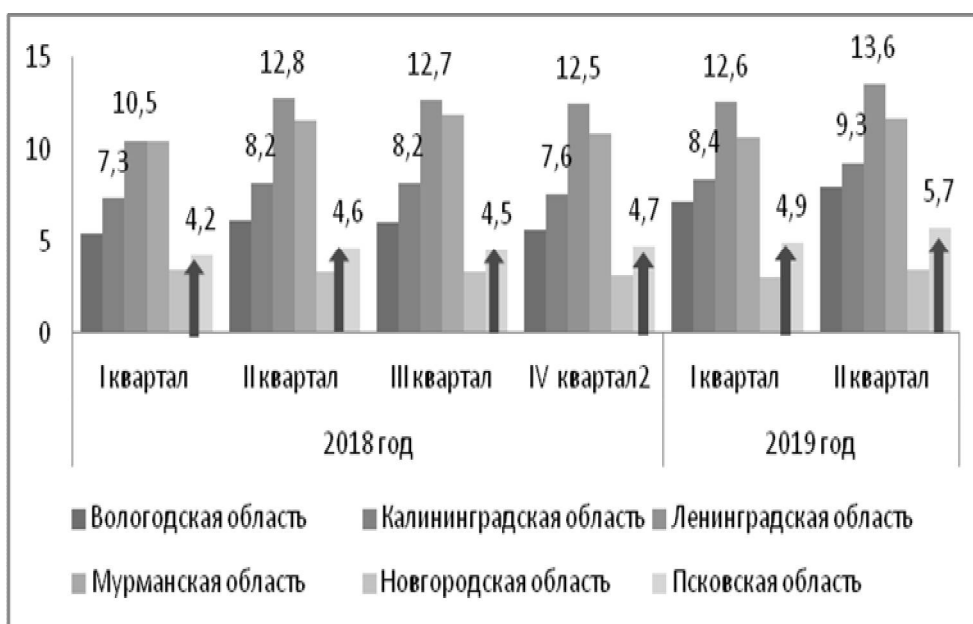

Рис. 3 – Численность требуемых работников на вакантные рабочие места

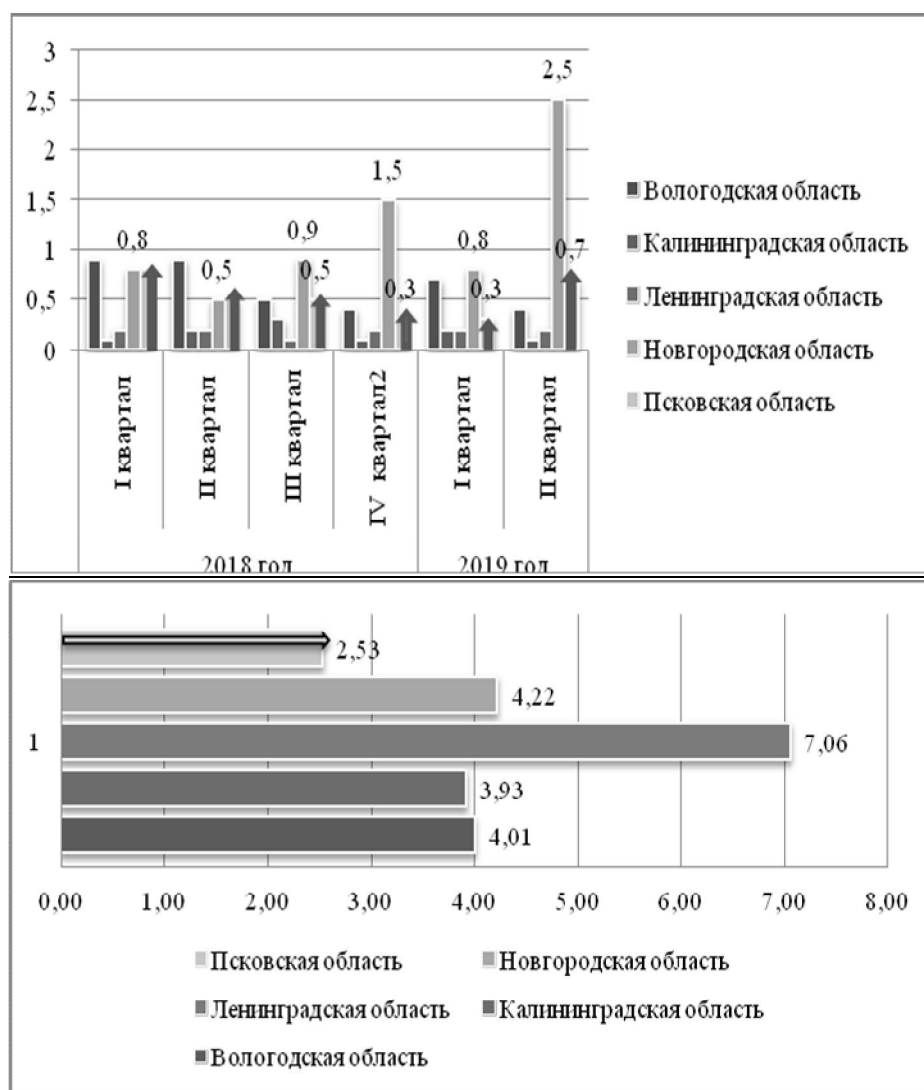

Рис. 4 – Численность работников альтернативных форм занятости

– запуск образовательных программ по менеджменту продуктивной мотивации у выпускников к профессионально-трудовой деятельности и квалификационной конкурентоспособности при входе на рынок труда в применении альтернативных форм занятости и формировании дополнительного профессионального дохода, тем самым преодолеть уровень отметки 2,53 пункта дополнительным запуском сети альтернативной занятости (рис.4) по приобретенным присвоением новым профессиональным (цифровым) компетенциям;

– стимулирование работодателей фискальными методами и государственно-частным партнерством в трудоустройстве и альтернативным формам занятости в преодолении 5 % молодежной и латентной безработицы (рис. 5) по Псковской области.

Образовательная диверсификация предопределена стратегическими и образовательными треками по инициативе профессиональных экспертов – работодателей, что позволит обеспечить альтернативы перспективных образовательных трафиков (рис. 6).

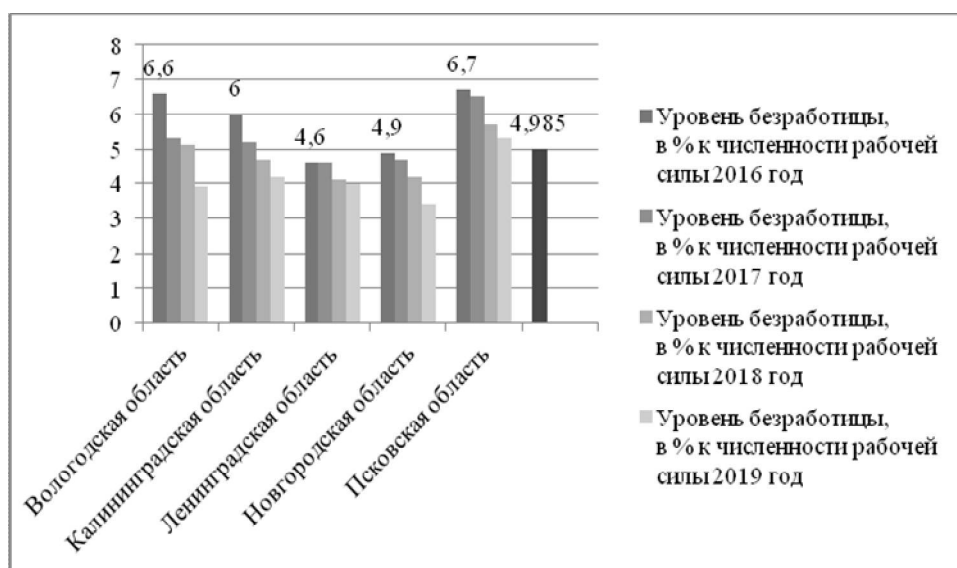

Рис. 5 – Уровень безработицы

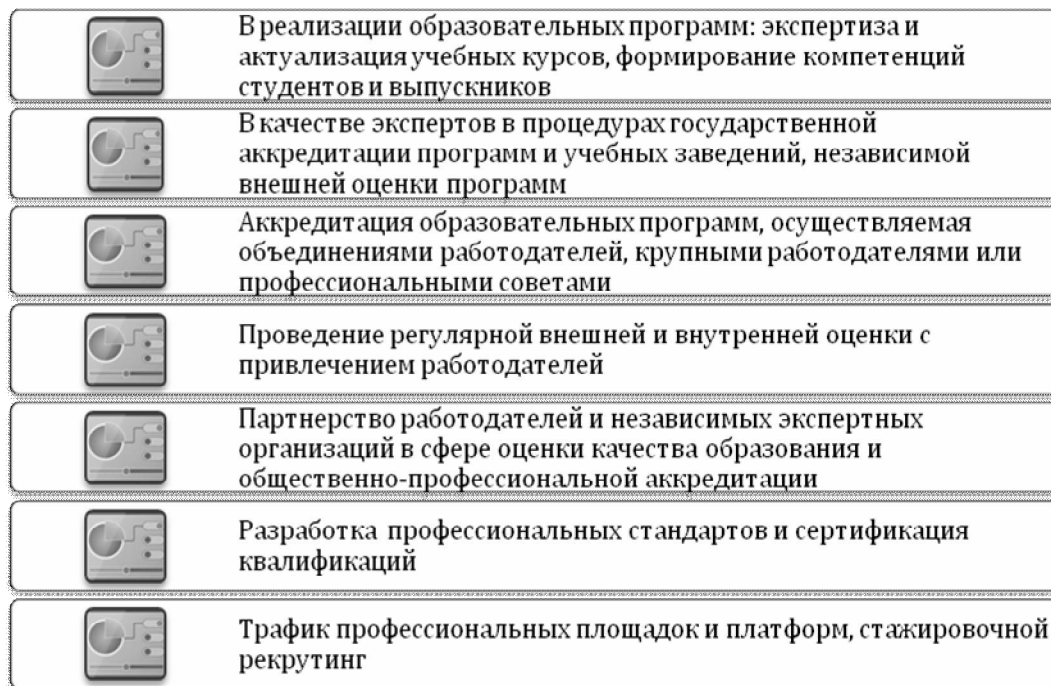

Рис. 6 – Стратегические треки привлечения инициатив профессиональных экспертов – работодателей

На примере университета Псковской области как многопрофильного типа [2, с.36] отметим, что участие работодателей выражено институциональным подходом в обеспечении образовательного-профессионального партнерства:

- проектирование образовательных трафиков по эксклюзивным заказам на профессиональные компетенции;
- экспертное участие в конструировании, экспертном обсуждении образовательных концепций;
- формирование портфеля методического и мониторингового сопровождения;
- проектирование индивидуальных образовательных треков в применении альтернативных форм проведения занятия (адресный интенсив, гостевые лекции, институциональные встречи, профориентационные и проектные семинары);
- совместный запуск и реализация образовательного продукта в поставке профессиональных платформ, проведения интерактивов, стажировочного рекрутинга;
- комплексная оценка образовательных результатов, аттестация расширения профессиональных компетенций выпускников-слушателей.

В рамках образовательного партнерства укажем реализацию проектно-ориентированного профессионально-образовательного трека университета совместно с юридической фирмой «ЮРВЕСТ», где обучающиеся имеют возможность запускать пилотные правовые проекты, несущие прибыль компании в виде новых поставщиков, обновления клиентской базы, бесплатной юридической помощи и пиара компании, открытия новой проектной линии и иное.

На примере дополнительного профессионального образования «Юридический бизнес» уникальность образовательного трека обучающимся представляются возможности проектного и междисциплинарного подхода в обучении с применением таких форм преподавания, как адресные и гостевые встречи с представителями государственных органов в сфере налогообложения, предпринимательства, социальных услуг (УФНС, УФАС, Уполномоченный по защите прав предпринимателей) правоприменительной и правозащитной деятельности.

В целом, практико-ориентированный и профессионально-образовательный треки способствуют обогащению профессиональных компетенций у обучающихся в практической и проектной деятельности как юридической клиники во взаимодействии с юристами-

практиками и специалистами государственных и правоохранительных органов, в социальных проектах по консультационно-юридическим услугам.

В целом, полагаем, что запуск экспериментально-проектных инициатив (или площадок) по разработке образовательных программных, проектных продуктов могут быть не только в целях их апробации, но и ритейла образовательным партнерам, как в самом регионе, так и на внешние сегменты образовательного рынка. По существу, вуз вполне может стать «опорным поставщиком» корзины образовательных продуктов, в том числе сетевых для потребителей (население, предприятий, государственных органов, образовательных учреждений), тем самым стимулируя экспорт образовательных услуг и обеспечивая модернизацию НСК в регионах.

Так, действие НСК на рынке труда Псковской области по совместной профессионально-образовательной деятельности выражено взаимодействием вуза и органами государственного сектора на основе Соглашения о механизме внедрения НСК на региональном уровне. В формате социального партнерства участие профессионального сообщества, государственных органов (в том числе, Торгово-промышленной палаты Псковской области) – работодателей в образовательной сфере, решаются организационные вопросы по запуску локальной правовой платформы и инфраструктурной сети НСК.

В свою очередь, представим дайджест достижений совместной профессионально-образовательной деятельности представителей промышленных предприятий, субъектов малого и среднего предпринимательства и университета:

- действие регионального методического центра (далее – РМЦ) на базе университета;
- реализация проекта «Центр инноваций Промышленного электротехнического кластера Псковской области и Особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Моглино»;
- создан Центр оценки квалификаций (далее – ЦОК) в ООО «Промышленный электротехнический кластер Псковской области» в области электроэнергетики, что вошло в резолюцию съезда НО «РСПП Псковской области»;
- действие экзаменационного Центра оценки квалификаций НП «Палата профессиональных бухгалтеров и аудиторов» для актуализации квалификации по профессиональному стандарту «Бухгалтер»;

- запущены и реализованы дополнительные образовательные программы повышения квалификации и переподготовки квалификаций (2000 преподавателей и специалистов) предприятий и организаций Псковской области;

- налажен механизм интенсивов и стратегических сессий социальных партнеров и преподавателей Университета в обучение в Национальном агентстве развития квалификаций по программам повышения квалификации в области подготовки экспертов для ЦОК-ов;

- создан Координационный совет по внедрению профессиональных стандартов на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Псковской области в составе членства представителей органов власти, отраслевых предприятий, профсоюзов, общественных организаций в целях мониторинга и обновления профессиональных компетенций и подтверждения квалификаций;

- успешно функционирует ЦОК в сфере ритуальных услуг в г. Великие Луки;

- пилотируется многоотраслевой центр оценки квалификации в сфере жилищного хозяйства с участием экспертов, подготовленных ЦОК-ом Совета по профессиональным квалификациям.

В 2018 году по итогам совместной организационной работы Псковский государственный университет признан победителем конкурса Национальным агентством развития квалификаций (НАРК) в номинации «Лучшая образовательная организация по внедрению профессиональных стандартов».

В качестве заключения представим линейку подходов в преодолении проблем:

- динамический анализ профессионально-образовательного наполнения и успешных

проектов исполнителей-регионов по внедрению опережающих (цифровых) решений;

- генерация и активизация образовательно-профессиональных треков в единстве профессионально-образовательного цифрового пространства;

- практико-ориентированная модель аттестации и сертификации специалистов, представителей предпринимательства и государственных органов имплементацией норм профессиональных стандартов цифрового профиля компетенций;

- аккумулирование и анализ потребностей потребителей в целях эффективного проектирования, моделирования профессионально-образовательных треков;

- повышение эффективности обеспечения совместных профессионально-экзаменационных площадок и цифровых платформ для практико-ориентированных и интерактивных профессионально-образовательных треков;

- стимулирование работодателей альтернативными формами финансирования, как привлечение грантов, средств фондов, субсидирования, кредитования, взаимных зачетов в рамках национальных и региональных программ социального партнерства с государственными / муниципальными органами и предпринимательским сообществом в обеспечении трудоустройства и внедрения дополнительных альтернативных форм занятости.

Таким образом, в переходных и стагнирующих условиях указанные проблемы и перспективы действия НСК на рынке труда вполне расширяют возможности и перспективы по профессионально-трудовому определению будущих специалистов и их трудоустройству.

Литература

1. Parsons T. The structure of Social Action. N.-Y.: The Free Press, 1968. P. 93-94.
2. Барышникова М. Ю. Роль опорных университетов в регионе: модели трансформации // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2019. № 1. С.8 – 43.
3. Василенко Н. В. Институциональные особенности коллаборации в организационных структурах инновационной экономики. URL: <https://institutiones.com/innovations/2866-institucionalnye-osobennosti-kollaboracii.html> (дата обращения: 14.06.2020).
4. Вебер М. Протестантская этика или дух капитализма / Избр. произведения. М., 1990. С. 61 –272.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетентности, как результативно целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 41 с.
6. Кабанова Л. В. Проблемы формирования национальной системы квалификаций в России и пути решения // Вестник евразийской науки. 2018. №4. С.17.
7. Куприянова А. Н. Становление системы правового регулирования национальных квалификаций в России. // Международная научно-практическая конференция студентов и преподавателей «Человек.

- Общество. Государство». «Академия технологий Резекне», Резекне, Латвия, 18-19 мая 2018. С. 135 – 139.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки: [в 3 т.: перевод с английского]. Москва, 1993. 350 с.
9. Милль Дж. Основы политической экономии. Т. 1-2. М., 1980.
10. Никулина Н. Н., Шевченко С. Н. Генезис идей системного подхода в трудах классиков европейской и российской педагогики (XVII-XIX в. в.). // Азимут научных исследований: педагогика и психология, Вып. 5, № 1 (14), 2016, с. 87 – 91.
11. Олейникова О. Н. Национальная система квалификаций: концептуальные и методические основы в контексте нерешенных проблем // Образование и наука. 2018. №6. С.70-89.
12. Петрова С. О. Организационная структура национальной системы квалификаций: новая философия в системе образования России и зарубежных стран. // Педагогика и психология образования, № 2, 2019, с. 84 – 99.
13. Петрова Т. В. Примерная модель организации работ по формированию элементов национальной системы профессиональных квалификаций в Псковской области.// Инновационные процессы в экономике, управлении и социальных коммуникациях: II Международная научная конференция, Псков, 26 – 28 мая 2016 г. Сборник статей в 2-х частях. Часть 1. Псков: Псковский государственный университет, 2016. С. 277 – 279.
14. Спрэдэ К. А. О трансформации понятий «квалификация» и «компетенция» в условиях перехода к постиндустриальному обществу// Проблемы современной экономики. 2007. N 3 (23) URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1600> (дата обращения: 18.04.2020).
15. Долматов М. В. Сущность и соотношение понятий «компетенция» и «компетентность» // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4 (17). С. 99-102.
16. Шубников Ю. Б. Система независимой оценки квалификации на рынке труда: правовое регулирование в России на современном этапе // Ленинградский юридический журнал, N2(52) – г. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2018. С. 167 – 185.
17. Рязанова Л. З., Китаева Л. А. Профессиональные стандарты как детерминирующая база проектирования основных образовательных программ // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3 (22). С. 101-106.

УДК 378

Ф. Т. Шагеева

РАЗВИТИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ СПОСОБНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ У БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Ключевые слова: инженерная деятельность, профессиональное общение, исследовательский университет, будущие инженеры, педагогические условия развития

В статье отмечается, что развитие способности к профессиональному общению будущего инженера является необходимым условием становления его как квалифицированного специалиста, а также значимым фактором в его дальнейшей профессиональной деятельности. Способность к профессиональному общению будущих инженеров целесообразно развивать на уровне вузовской подготовки. Предложено обоснование ее эффективного развития за счет создания комплекса соответствующих педагогических условий, учитывающих уникальные возможности исследовательского университета: разработка дополнительного учебного модуля «Риторика»; использование традиционных и инновационных образовательных технологий и методик развития коммуникативно-риторической компетенции; соответствующая подготовка педагогических кадров вуза в условиях повышения квалификации; создание университетом условий для активной научно-исследовательской и социальной деятельности студентов; сотрудничество образовательных учреждений с крупными предприятиями, компаниями, научно-исследовательскими центрами. Для выяснения эффективности проекта был проведен педагогический эксперимент среди студентов-бакалавров, получающих высшее и дополнительное образование на базе КНИТУ. Экспериментальное обучение проводилось в нескольких направлениях: изучение теоретического материала; изучение практических средств риторики; моделирование коммуникативно-риторических ситуаций на основе метода case-study и script-метода; создание студентами собственных текстов; выступление студентов перед аудиторией в качестве профессионального оратора; организованное участие студентов в симуляции диспута и других речевых ситуаций профессионально-ориентированного делового общения; практика студентов в оценке и самооценке коммуникативно-риторической деятельности; тренировка практических речепроизводительных навыков студентов путём выполнения упражнений. Анализ диагностики позволил сделать вывод, что показатели риторических умений студентов – будущих инженеров по результатам экспериментального обучения имеют положительную динамику. Разработаны рекомендации к отбору и структурированию материала и методов для специального учебного модуля. В ходе проведения исследования и анализа его результатов обозначился ряд проблем, требующих дальнейшего рассмотрения.

F. T. Shageeva

DEVELOPMENT OF THE ABILITY FOR PROFESSIONAL COMMUNICATION IN FUTURE ENGINEERS AT A RESEARCH UNIVERSITY

Ключевые слова: engineering, professional communication, research university, future engineers, pedagogical conditions

The paper states that the development of the ability for professional communication in a future engineer is a prerequisite for him becoming a skilled specialist, as well as a significant factor in his future professional activity. The future engineers' professional communication ability should be developed at the university level. We proposed the rationale for its effective development through the creation of a set of relevant pedagogical conditions: the introduction of Rhetoric as an additional discipline or the modernization of the program of an existing subject with a similar focus; the use of specially designed educational techniques and methods for the development of communicative and rhetorical competence; training university staff in the conditions of advanced training; creation by the university of conditions for students' active research and social activities; cooperation of educational institutions with large enterprises, companies and research centers. To identify the pedagogical effectiveness of the presented Rhetoric project, we organized and carried out a pedagogical experiment among bachelor students receiving higher and extended education in KNRTU. Experimental training was carried out in several areas: theoretical material study; practical rhetoric means study; modeling of communicative-rhetorical situations based on the case-study and script methods; creation by students of their

own texts; students' speech as professional speakers; students' organized participation in the simulation of disputes and other speech situations of professionally oriented business communication; students' practice in assessment and self-assessment in the field of communicative and rhetorical activity; training of students' practical speech-pronunciation skills by performing exercises. The test analysis allowed us to conclude that the determined indicators of the engineering students' rhetorical skills, according to the results of experimental training, have positive dynamics. We have also developed recommendations on selection and structuring of material and methods for a special training module. In course of the research and the analysis of its results, a number of problems were identified that require further consideration.

Введение

В процессе разрешения ранее выявленного нами противоречия, которое выражается в потребности подготовки инженерных кадров, владеющих эффективными коммуникативно-риторическими навыками и недостаточной направленностью системы высшего профессионального образования на развитие фактического мастерства общения и публичной речи, нами были определены педагогические условия развития коммуникативно-риторической компетенции студентов инженерного вуза в условиях исследовательского университета [1]. Анализ специальной литературы [2-5] показал, что в «XXI веке инженерно-технические обязанности инженера в условиях современной экономики должны быть неотделимы от организаторской и управленческой деятельности». Рассмотрение инженерной деятельности в контексте её коммуникативно-риторической составляющей выявило, что особенное значение для инженеров наравне с навыками общения имеют их навыки публичной речи. В инженерной деятельности присутствует ряд обязанностей, предполагающих выступление перед аудиторией. Это может быть защита проектов, выступление с докладами на научных конференциях, подготовка отчётов по проделанной работе, организационно-производственные речи. И особенная роль, несущая в себе социальную значимость, отводится пропагандистской функции профессии инженера. Наблюдается потребность в усилении гуманитарной составляющей подготовки студентов технических специальностей, и в особенности, в развитии речевых качеств будущих инженеров, как значимых для эффективного решения их профессиональных задач [7, 8, 9].

Цель данной работы – экспериментально проверить в условиях технического вуза педагогические условия развития способности к профессиональному общению студентов. Авторы показывают на примере технологического исследовательского университета, как можно подготовить будущих

инженеров к профессиональному общению, какие условия необходимо создать для решения данной задачи. Представлен проект учебного модуля, предложены методические рекомендации по его подготовке и внедрению в образовательный процесс.

Подходы и педагогические условия

Для решения задачи эффективного формирования и развития способности к профессиональному общению у будущих инженеров было проведено «специальное исследование, позволившее выявить и обосновать необходимость создания в учебном заведении ряда педагогических условий [1, 6]:

- разработка дополнительного учебного модуля «Риторика»;
- использование традиционных и инновационных образовательных технологий и методик развития коммуникативно-риторической компетенции;
- соответствующая подготовка педагогических кадров вуза в условиях повышения квалификации;
- создание университетом условий для активной научно-исследовательской и социальной деятельности студентов;
- сотрудничество образовательных учреждений с крупными предприятиями, компаниями, научно-исследовательскими центрами».

Реализация данных условий в полной мере возможна на базе исследовательского университета как образовательного учреждения особенного типа. Такой вуз отличается целенаправленной подготовкой квалифицированных кадров путём активного ведения научных исследований с ориентацией на будущность выпускников, то есть их дальнейшее функционирование в профессии.

Анализ результатов экспериментального исследования

Авторами был разработан проект программы образовательного модуля «Риторика», который обладает адаптивностью под конкретные образовательные условия и

нужды: стать включением в общеобразовательную дисциплину; выступать в качестве самостоятельной дисциплины в основной программе вузовского образования, а также присутствовать в программе дополнительного профессионального образования или повышения квалификации преподавателей.

Цели освоения модуля «Риторика»: совершенствование коммуникативно-риторических навыков студентов; формирование навыков самоорганизации, саморазвития и самооценки; развитие навыков эффективного социального взаимодействия, командной работы и проявления лидерских качеств.

Программа модуля состоит из четырех разделов. Первый: «Каноны Риторки: композиция, культура речи, самоподача» включает четыре лекционных занятия (Традиционная риторика и риторика в профессиональной деятельности, Каноны традиционной риторики. Учение о композиции, Культура речи человека в контексте его социальной и профессиональной деятельности, Самоподача оратора) и четыре практических (Композиционные сценарии публичного выступления, Прогнозирование и контроль коммуникативных ситуаций, Планирование публичной речи, Сознательное использование невербальных средств общения). Второй - «Коммуникативные качества речи» представлен лекционными (Общение как социальное и профессиональное явление, Коммуникативные качества речи) и практическими занятиями (Анализ коммуникативных качеств речи оратора, Практическое применение коммуникативных навыков в ситуации дебатов). Третий раздел «Развитие и совершенствование речевых навыков» включает теоретическое занятие и практические (Речевые навыки оратора, Тренировка техники речи по системе Станиславского). Заключительный, четвертый раздел – «Этика профессионального общения».

Итоговая зачётная работа - подготовка сообщения по заданной теме (самостоятельный анализ предложенного отрывка произведения) с последующим выступлением перед аудиторией. Работа на выступление должна включать в себя все изученные аспекты риторического мастерства. Она должна соответствовать основным закономерностям публичной речи, а также в ней должны быть реализованы разработанные в ходе практических занятий коммуникативно-риторические сценарии. Само выступление должно соответствовать требованиям качественной публичной речи, следовательно, студентами должны быть учтено использование

вербальных и паралингвистических техник и приёмов.

Для выявления педагогической эффективности представленного проекта программы модуля «Риторика», нами был организован и проведён педагогический эксперимент среди студентов-бакалавров, получающих высшее и дополнительное образование на базе КНИТУ. На этапе констатирующего эксперимента нами было проведено анкетирование, которое ставило своей целью выявить: реакцию студентов на различные коммуникативно-риторические ситуации, речевые проблемы, уровень осознания студентами значимости своих коммуникативно-риторических качеств, наличие потребности в изучении риторики.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод о том, что речевые навыки студентов инженерных специальностей, отражающие определённую манеру поведения в различных коммуникативно-риторических ситуациях, развиты не в достаточной степени. Например, в ситуации диспута лишь 42 % опрошенных готовы до конца отстаивать свою точку зрения, остальные же уступают в процессе спора и даже изначально не готовы защищать своё мнение, отказываясь вступать в полемику. Данная ситуация также является индикатором недостаточной развитости навыков эмоционального контроля при стрессовой коммуникации. 23,5 % респондентов признают, что пошли бы на конфликт и стали ругаться. Ситуация неуверенности в своих коммуникативно-речевых качествах закономерно наблюдается в высоком уровне волнения у большинства респондентов в ситуациях деловой встречи, публичного выступления, общения с незнакомыми людьми. Так, почти 90% опрошенных испытывает волнение в ожидании деловой встречи. Волнение при публичном выступлении испытывает более 3/4 опрошенных студентов, причём 21 % из них подвержены чувству страха высокой интенсивности. И почти половина опрошенных студентов не чувствуют себя комфортно при общении с незнакомыми людьми, а часть из них стараются полностью избегать контакта с незнакомцами. Отсутствие значительной развитости мыслительно-речевых навыков выражается в ситуации коммуникативного экспромта, когда общение является незапланированным, внезапным. Желание быть заранее готовым к речевой ситуации наглядно иллюстрируется тем, что 50 % опрошенных более удобно выражать свою точку зрения в письменной форме, тогда как устной отдали предпочтение лишь 27 %.

Результат анкетирования позволяет сделать вывод о наличии у респондентов эмоционально-психологических блоков, сказывающихся на качестве их коммуникативных и риторических возможностей. Примером таких блоков служит предубеждение о существующей проблеме в общении между представителями разных поколений. Так 55 % опрошенных студентов уверены в трудностях коммуникации людей разного возраста. Также к эмоционально-психологическим блокам при коммуникативно-речевых ситуациях можно отнести выражение факторов волнения в речевом поведении респондентов. 65% опрошенных студентов свойственно физическое проявление волнения, отражённое в способности воспроизводить и контролировать речь.

Важной характеристикой мнения опрошиваемых студентов является осознанное восприятие коммуникативно-риторического потенциала. Это отражается в объективной критической оценке состояния коммуникативной культуры в контексте современной social-media среды. Большинство опрошенных студентов отмечают тенденцию перемещения общения в виртуальное пространство социальных сетей, и минимизацию живой коммуникации за счёт гаджет-культуры. 94 % опрошенных, являясь будущими инженерами, осознают значимость коммуникативно-риторической компетенции в своей дальнейшей профессиональной деятельности. И 98 % считают необходимым развивать свои навыки общения и публичной речи.

Наряду с анкетированием у части экспериментальной группы проводилось педагогическое наблюдение, которое ставило своей целью выявить уровень риторических умений и коммуникабельности студентов, а также определить основные показатели риторических умений, которые станут контрольными точками нашего эксперимента. Параллельно с педагогическим наблюдением проводился письменное тестирование студентов с целью более объективного выявления знания норм русского языка, которое включало в себя задания на проверку акцентологических, грамматических и стилистических норм языка.

Совокупность результатов всех частей констатирующего эксперимента позволили сделать следующие выводы:

- Подавляющее большинство студентов технических специальностей испытывают затруднения в различных коммуникативных ситуациях, связанных с отсутствием соответствующих навыков.

- В основном будущие инженеры обладают низким уровнем развития

риторического мастерства, испытывают затруднение с составлением и репрезентацией текстов социально-публицистического и профессионального характера.

- Уровень речевой культуры студентов инженерного вуза является удовлетворительным, однако в устной форме не демонстрируется в должной степени.

- Основная масса студентов указанных специальностей испытывают волнение, и даже страх, в ситуациях публичной речи и спонтанной коммуникации.

- Подавляющее большинство будущих инженеров осознают значимость коммуникативно-риторического мастерства в предстоящей профессиональной деятельности.

- Участвовавшие в эксперименте студенты способны критически оценить уровень развития собственных коммуникативно-риторических навыков и понимают необходимость, а также выражают желание работать над их совершенствованием.

Нами был разработан и проведён обучающий эксперимент, в основу которого была положена концепция развития коммуникативно-риторической компетенции будущих инженеров в рамках занятий образовательного модуля «Риторика». На основании констатирующего эксперимента нами были определены умения и навыки, развитие которых должно быть подвергнуто оценке по окончании обучающего эксперимента.

Экспериментальное обучение проводилось в нескольких направлениях:

1. Изучение теоретического материала: усвоение основных понятий и терминов риторики, явлений, факторов, законов и правил.

2. Изучение практических средств риторики: законов, типов речи, стилей, тропов, вербальных и невербальных средств выразительности.

3. Моделирование коммуникативно-риторических ситуаций на основе метода case-study и script-метода. Case-study метод – это современная технология профессионально-ориентированного обучения. Метод представляет собой проблемно-ситуативный анализ, относится к неигровым имитационным активным методам обучения. Суть метода case-study заключается в совместном усилии группы студентов проанализировать ситуацию – case (в нашем случае коммуникативно-риторическую). Результатом такой работы становится нахождение практического решения путём оценки найденных алгоритмов и выбор лучшего в контексте поставленной проблемы.

Особенность применения метода кейсов в рамках практического обучения риторике заключается в том, что часто результатом проработки ситуаций становится не определённый алгоритм действий, а готовый речевой сценарий. В этой связи нами использовался script-метод, который активно практикуется в области менеджмента. Скрипт – это готовый речевой сценарий для отработки определенной задачи или ситуации. Набор проработанных кейсов и готовых к ним скриптов может служить своеобразным конструктором начинающему оратору. Такая практика призвана помочь студентам в подготовке выступлений в рамках программы модуля, а также в их дальнейшей учебной и профессиональной деятельности: выступление на семинарах, научных конференциях, на защитах курсовых и дипломных работ, проектов и пр.

Метод кейсов и готовых сценариев на наш взгляд наиболее эффективен именно в среде представителей технических специальностей (инженеров). Поскольку такая методика, по сути, представляет собой знакомый им принцип формул, где существует готовый шаблон и необходимо лишь подставлять вариативные значения в зависимости от условия и задач и ситуаций. Важно отметить: при том, что результат работы упрощает, и даже на первый взгляд примитивизирует деятельность студента, как оратора (в смысле работы по шаблону), сам процесс поиска решений и рассмотрения различных возможных вариантов событий является активной творческой деятельностью, направленной на речемыслительное развитие. В методе case-study формальность традиционного изложения материала преподавателем заменена условиями творческой конкуренции и эмоций, связанных с эвристической стороной процесса.

4. Создание студентами собственных текстов на основе использования изученного и практикуемого материала.

5. Выступление студентов перед аудиторией в качестве профессионального оратора с использованием изучаемых риторических средств.

6. Организованное участие студентов в симуляции диспута и других речевых ситуаций профессионально-ориентированного делового общения.

7. Практика студентов в оценке и самооценке в сфере коммуникативно-риторической деятельности.

8. Тренировка практических речепроизводительных навыков студентов путём выполнения упражнений на технику дыхания, развитие дикции, управление мышцами лица, вари-

ативность интонации на основе системы техники сценической речи

Обучающий эксперимент подтвердил эффективность предлагаемых методов. Анализ диагностики позволил сделать вывод, что определённые нами показатели риторических умений студентов – будущих инженеров по результатам экспериментального обучения имеют положительную динамику. Нами были проанализированы следующие показатели риторических умений будущих инженеров: правильное структурирование композиции текста; выстраивание системы аргументации, основанной на законах логики; соблюдение грамматических, акцентологических и стилистических норм русского языка; демонстрация богатого словарного запаса; использование средств образной выразительности; осознанное владение просодическими и кинесическими средствами выразительности; контроль признаков волнения; умение давать ответы на различные типы вопросов.

По каждому из показателей наблюдался очевидный прогресс. Данный вывод сделан на основании сравнения процента от совокупного количества человек двух испытуемых групп, соответствующих показателям на момент констатирующего эксперимента и процента студентов, отвечающих заданным критериям на заключительном этапе эксперимента.

Таким образом, эффективность разработанного нами проекта программы модуля «Риторика» была доказана результатами экспериментального исследования. На основании этого нами выработан ряд рекомендаций к отбору и структурированию материала, а также методам развития коммуникативно-риторической компетенции будущих инженеров.

Заключение

Способность к профессиональному общению у будущих инженеров целесообразно развивать на уровне вузовской подготовки. Предложено обоснование ее эффективного развития за счет создания комплекса соответствующих педагогических условий. Эти условия учитывают и опираются на возможности исследовательского университета. Разработаны рекомендации к отбору и структурированию материала и методов для специального учебного модуля. В ходе проведения исследования и анализа его результатов обозначился ряд проблем, требующих дальнейшего рассмотрения, в том числе более обширный поиск инновационных методик мотивационного обеспечения и развития способности к профессиональному общению будущих инженеров.

Литература

1. Шагеева Ф. Т. Развитие коммуникативно-риторической компетенции будущих инженеров в исследовательском университете /Ф.Т. Шагеева, М.Л. Смирнова // Высшее образование в России. 2019. Т.28. № 12. С. 141-150.
2. Шитов С. Б. Опережающее инженерное образование в современных условиях взгляд // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 109–113.
3. Чучалин А. И. Модернизация инженерного образования на основе международных стандартов CDIO // Инженерное образование. 2014. № 16. С. 14–29.
4. Сенашенко В. С., Вербицкий А. А., Ибрагимов Г. И., Осипов П. Н. и др. Инженерная педагогика: методологические вопросы (круглый стол) // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 137–157.
5. Минин М. Г., Бенсон Г. Ф., Беломестнова Э. Н., Паканова В. С. Педагогическая подготовка преподавателя инженерного вуза// Высшее образование в России. 2014, № 4. С.20-29.
6. Шагеева Ф. Т. Педагогическое мастерство преподавателей инженерного вуза: пути совершенствования // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 88-93.
7. Крайсман Н. В. Межконфессиональное и межкультурное взаимодействие студентов, обучающихся по химическим направлениям университета штата Аризона / Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 5. С. 256-258.
8. Валеева Э. Э., Крайсман Н. В. Место преподавателя в современной образовательной культуре исследовательского вуза в условиях интернационализации // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-1 (111). С. 62-66.
9. Рязанова Л. З., Вяткина И. В. Формирование коммуникативных компетенций магистров на этапе внедрения актуализированных ФГОС // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 106-111.

Сведения об авторе:

©**Шагеева Фарида Тагировна** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: faridash@bk.ru.

Information about the author:

©**Shageeva Farida Tagirovna** – Doctor of Education Science, Full Professor, Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: faridash@bk.ru.

Все статьи поступили до 25.08.2020

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2020 №4 (29)

июль-август

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – Л. З. Фатхуллина

Свободная цена

Подписано в печать 30.08.2020

Формат 60×84 1/8

Бумага офсетная
15,0 уч.-изд. л.

Печать ризографическая
Тираж 200 экз.

15,25 усл. печ. л.
Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вестфалика» (ИП Колесов В.Н.)
420111, г. Казань, ул. Московская, 22. Тел.: 292-98-92, e-mail: westfalika@inbox.ru